

ЖОРДИ СЪЕРРА-И-ФАБРА

2012

ЗАГАДКА
МАИЯ

ЕВРОПЕЙСКИ БЕСТСЕЛЕР

Annotation

Джоа неожиданно обнаруживает, что исчезновение ее родителей связано с таинственным пророчеством великих майя, и во что бы то ни стало решает разгадать его. Но у девушки так мало времени! Согласно предсказанию майя, через две недели человечество будет уничтожено, наступит Конец Света, а, может быть, мир вступит в новую эру — эру духовного прозрения. И многое в этом роковом 2012 году зависит от Джоа. Ей пока неизвестно, что она встала на пути могущественной организации Судей, которые пойдут на все, чтобы ей помешать.

- [Жорди Сьерра-и-Фабра](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34

○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52

○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 53
- 54
- 55
- 56

- [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Жорди Сьерра-и-Фабра
2012. Загадка майя

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Паленке и Чичен-Итца
(27 ноября — 2 декабря 2012 года)

Не успела девушка нажать кнопку пульта, как створка гаражных ворот стала подниматься. Зная, что кроме консьержа Димаса ворота открыть никто не мог, она попыталась отыскать его глазами. Как всегда предупредительный он не замедлил материализоваться из-за колонн у подъезда. Димас принадлежал к той бесценной породе людей, которые незримо и ненавязчиво присутствуют, кажется, везде одновременно. Когда он принимал на себя заботу о неприятных будничных мелочах, жизнь становилась веселее. Не просто охранник — хранитель покоя.

— Спасибо! — громко сказала она, хотя услышать ее из машины с поднятыми стеклами было невозможно.

Консьерж ответил приветственным жестом.

Она плавно съехала по пандусу и включила ближний свет. Затем взяла резко влево и привычным движением выровняла машину на своем парковочном месте. Выйдя из машины, еще раз осмотрела повреждение на правом борту. Небольшая, но неприятная царапина. Белая ссадина на красном лаке автомобиля.

Она была ни при чем. Видимо, кто-то задел ее на университетской стоянке. Получив права, она пообещала отцу, что в течение первого года у нее не будет обращений в страховую компанию. И теперь из-за такой вот ерунды, да еще не по своей вине, было обидно выглядеть нарушительницей конвенции.

Девушка с досадой махнула рукой.

Злополучная царапина ее уже не занимала, но на душе отчего-то было тревожно.

Из гаража она поднялась на лифте наверх, в самое поднебесье, где расположена ее квартира. Дверцы кабины бесшумно раздвинулись, она прошла в холл, достала из сумки электронный ключ и приложила к сканирующему устройству на входной двери. Легкое жужжание, и дверь открылась.

Войдя, она сбросила кроссовки: ей нравилось ходить босиком. Обувь осталась валяться в холле (как хорошо жить одной!). Отец вечно пропадает в дальних странствиях, а она пока учится и мечтает

поскорее начать ему помогать, хотя благодаря своим способностям вполне может составить конкуренцию многим дипломированным специалистам. Там же, в прихожей, она бросила сумку и пиджак. В Барселоне, несмотря на осеннюю пору, все еще тепло. С каждым годом осень становилась все теплее... Пожалуй, климат на планете потеплеет на два градуса гораздо раньше, чем через сорок лет, как прогнозируют.

Сняв кепку, девушка тряхнула головой, расправляя свои довольно длинные рыжеватые волосы.

В квартире стояла тревожная тишина.

Ей нравилась тишина, но порой...

Девушка зашла к себе в комнату, заглянула в ванную и наконец нашла мобильный, который забыла утром. Память позволяла ей запоминать мельчайшие детали, держать в голове тысячу дел, она умело пользовалась своими неординарными способностями, — исключительными, по выводам экспертов, проводивших с ней тест на одаренность, — но при этом легко могла где угодно оставить мобильник. Любопытное двуединство, рассеянность и экстраординарная память.

Она просмотрела список входящих звонков.

Их было три.

Все — за вторник, 27 ноября.

Один звонок был от Эстер, другой — от парня, с которым познакомилась в выходные. Он не в ее вкусе, и перезванивать она не станет. От кого третий звонок, определить по номеру она не смогла. В ее памяти такая цифровая комбинация не значилась.

Девушка устроилась в одном из глубоких кресел в гостиной, скрестив ноги по-турецки, и выбрала в меню мобильного голосовую почту. Зазвучали голоса различной хроматической окраски.

Подружки:

— Привет, Джоа! Это Эстер! Где ты шляешься? Перезвони, подруга.

Того парня:

— Алло, это Эрнесто... — Нерешительное молчание. — Ну, я просто хотел спросить тебя... — Нерешительное молчание. — Ты не против встретиться в субботу... Туда-сюда?... — Нерешительное молчание. — Я перезвоню. Пока.

Третий голос сначала удивил ее, потом встревожил и, наконец, напугал:

— Сеньорита Джорджина Мир? Мое имя — Альваро Понсе Кесада, я атташе по вопросам культуры посольства Испании в Мексике. Мне нужно безотлагательно поговорить с вами по делу, которое касается вашего отца. Пожалуйста, свяжитесь со мной напрямую или через посольство в любое время. Я продиктую вам номера... — Она даже не шелохнулась, чтобы взять бумагу и ручку, и так запомнит, а в случае необходимости найдет номер, с которого звонили, в мобильном. — Перезвоните, пожалуйста, сеньорита, это очень срочно, слышите? — Она только теперь осознала услышанное, и у нее перехватило дыхание.

Срочно.

Понятно, что ни одно посольство в мире не станет беспокоить звонками с другого конца земли, если не случилось что-то серьезное.

Джорджина бросила взгляд на фото, стоявшее на столике рядом. Оттуда ей улыбались родители. Улыбки, неподвластные времени, запечатленные много лет назад. С той поры минула вечность.

— Папочка... — едва слышно прошептала она.

Он был в Мексике, где-то в Чиapas, Кампече, Юкатане или Кинтана-Роо, в вечной погоне за тайнами, захоронениями, следами прошлого...

Этот звонок мог быть только об одном.

Ею овладела паника.

— Опять... — Она судорожно сглотнула. — Опять... нет, папочка, пожалуйста, не надо!..

Она прикинула время: в Мехико около полудня. Набрала номер, оставленный Альваро Понсе Кесадой, и в ожидании вцепилась свободной рукой в подлокотник. Соединение было быстрым, ответили тоже сразу. Женщина на том конце, по-видимому, секретарша, была сама любезность.

— Приемная сеньора Понсе, слушаю вас.

— Мое имя — Джорджина Мир, мне звонил...

— Одну минуту, пожалуйста! — последовал ответ, едва она представилась.

Она начала машинально отсчитывать секунды.

Дошла до семи.

— Сеньорита Мир? Джорджина Мир?

— Да, это я. Что случилось?

Она ждала, что вот-вот прозвучит страшное. Думала, мир снова рухнет. Думала...

— Сеньорита Мир, не знаю, как вам сказать, — неуверенно начал сотрудник посольства.

— Что именно? — Горло сжал спазм.

— Как давно вы не разговаривали со своим отцом?

— Наверное... не знаю, дней десять или двенадцать. Он все время в переездах, и иногда в не особо комфортных условиях.

— Где он находился, когда вы разговаривали последний раз?

— Где-то в Юкатане. Но в чем дело?

Он явно медлил с ответом.

— Ваш отец находился в штате Чиapas, в Паленке, сеньорита, и, по всей видимости... как бы сказать. — Собеседник наконец собрался с духом: — Вот уже три или четыре дня, как он бесследно исчез. Нам позвонили из гостиницы, и поскольку вы его единственная родственница...

Минут десять или пятнадцать она находилась в полной прострации, уничтоженная известием и неспособная что-либо предпринять. Взгляд замер на телефоне, который оттягивал руку, будто весил тонну. Слова атташе по культуре проникли в каждую частичку ее существа и эхом повторялись в голове.

Она отказывалась понимать.

Пропал. Пропал. Пропал.

В улыбающихся лицах на фотографии ей мерещилась издевка.

Неужели это повторилось?!

Опять?

И именно 27 ноября, накануне маминого дня рождения...

Все хладнокровие Джорджины, вся ее рассудительность и хваленые способности испарились в мгновение ока. Она ощущала себя маленькой девочкой — напуганной, в ожидании беды.

Собравшись с силами, она вошла в список контактов и нажала кнопку, соответствующую первому номеру.

Где-то почти за десять тысяч километров от нее зазвонил телефон отца, с той лишь разницей, что отец не брал трубку. Спустя десять долгих секунд автоматически включилась голосовая почта и прозвучал записанный на автоответчик голос:

— Оставьте свое сообщение. Спасибо.

— Папа... — Она запнулась, не зная, что сказать.

На сей раз она не позволила панике овладеть собой. Взяла стационарный телефон и набрала нужный номер.

— Университет. Слушаю вас, — приветствовал ее женский голос.

— Будьте любезны, соедините меня с профессором Дураном.

— С каким из Дуранов, Мигелем или Хуаном Марией?

— С Мигелем.

— Соединяю вас с департаментом.

Перед глазами Джорджины возник образ друга ее отца. Оба — яркие личности, но каждый на свой манер. К тому же Мигель Дуран был значительно старше и перестал заниматься полевой археологией. Ей всегда приятно было вспоминать Мигеля, его громадную гриву

седых волос, доброжелательность во взгляде, увлеченность и преданность науке. Один из тех исключительных людей, что входили в академический и профессиональный круг Хулиана Мира, а также в круг личного общения — эта кучка влюбленных в археологию и историю безумцев, пребывающих в вечном поиске тайн минувшего. Того минувшего, что помогает понимать настоящее.

— Да! — ответил мужчина на другом конце провода.

— Будьте добры Мигеля Дурана.

— Он в музее. — Ответ был до сухости краток.

Поблагодарив за информацию, она нашла номер музея антропологии и, горя нетерпением, набрала его. Женский голос напевно произнес название музея.

— Будьте любезны, соедините меня с профессором Дураном.

— Сегодня его нет. Он остался дома, неважно себя чувствует.

Третья попытка. Она набрала последний из имевшихся у нее номеров. Мобильного у Мигеля Дурана, похоже, не было. Во всяком случае, в телефонной книжке отца напротив этого имени не значилось номеров мобильной связи.

— Что делать, если не удастся с ним поговорить?.. Но трубку снял сам ученый.

— Да, слушаю вас.

— Это Джоза, дочь Хулиана. — Она назвалась именем, которым ее обычно называли друзья отца.

— О, как я рад! — хотя голос звучал глуховато, с хрипотцой, в нем слышалась неподдельная радость, — Как ты, девочка?

Он явно ничего не знал.

Как ему сказать?

— Мигель, ты не знаешь, где отец?

Он не ожидал такого вопроса.

— Как это где?

— Скажи, он выполняет какую-нибудь работу для музея?

— Сейчас нет. Пару месяцев назад он сказал мне, что нащупал что-то важное и собирается заняться этим, однако чем именно, предпочел не говорить, пока не получит доказательств. Это был последний раз, когда я с ним разговаривал. — В голосе собеседника слышалась озабоченность. — А что произошло?

— Мне позвонили из нашего посольства в Мексике и сообщили, что три или четыре дня назад папа пропал.

— Что?!

На этот раз она совладала с собой. Слезы оставила на потом, когда никто не увидит и не услышит.

— В последний раз, когда я говорила с папой, об сказал, что находится на Юкатане, а, по словам культурного атташе посольства, исчез он в Паленке.

— Ну, Чиapas расположен рядом с полуостровом Юкатан, и это тоже центр культуры майя.

— Мигель, ты правда не представляешь, что могло случиться?

— Нет, малыш, клянусь тебе. Может... Ты не звонила ему на мобильный?

— Не отвечает.

— В посольстве тебе больше ничего не сказали?

— Только то, что его вещи остались в гостинице поблизости от развалин Паленке. Ты же знаешь, он во всем любит порядок. Когда в гостинице обнаружили его исчезновение, они сразу связались с посольством.

— Боже мой, Джоа, сначала твоя мать, а теперь!..

— Не может он так же исчезнуть! — со стоном произнесла она. — Я отказываюсь в это верить, Мигель! Это... черт знает что такое!

— Что ты собираешься предпринять?

— А ты как думаешь? Разумеется, ехать туда.

— Ты поедешь в Паленке?

— Я не могу сидеть сложа руки. Я уже не ребенок. Вещи отца остались там. Хоть мы и не знаем, что он исследовал, ответ надо искать в Паленке.

— Я могу быть чем-нибудь полезен?

— Спасибо. Я ведь уже совершеннолетняя, имею право подписи и могу распоряжаться средствами на счете.

Целым состоянием, причем немалым.

— Джоа, не знаю, что еще сказать. — Мигель Дуран был подавлен.

— Если вдруг что-нибудь придет в голову, звони, у тебя есть номер моего мобильного.

— Хорошо, солнце мое!

Для отца и Мигеля она всегда оставалась маленькой девочкой.

— Я тоже позвоню тебе, если что-то выясню.

— Вот увидишь, все будет хорошо, — попытался подбодрить ее Мигель. — Видимо, твой отец обнаружил что-то важное, неожиданное, и с головой ушел в находку, потеряв счет времени. Он уже не первый раз пропадает на несколько дней.

Больше чем на два дня Хулиан Мир никогда не пропадал.

— Конечно, — подыграла она собеседнику, тоже желая его подбодрить.

— Береги себя, Джоа.

И она принялась обдумывать свою предстоящую поездку в Мексику — сердце цивилизации майя.

Паленке.

Однако прежде надо было пережить ночь, мучаясь вопросами без ответов.

Эстер была на год старше Джоа и жила одна, снимая небольшую квартиру на паях с другой студенткой. Все подружки Джоа были немного старше ее, а ближе всех к ней была Эстер. Джоа нравились заводной характер подружки, неизменно отличное настроение, которое передавалось окружающим, и неутолимая жажда приключений. Как порыв свежего ветра. Их знакомство состоялось на скучнейшей тусовке. Собираясь незаметно удрать, Джоа вдруг заметила Эстер, буквально излучавшую потоки энергии, и пленилась ее естественной раскованностью посреди этого чинного сборища.

Девушки застыли на пороге, обнявшись.

— Джоа...

— Прости, я не могла оставаться дома.

— Не говори глупостей!

— Ты действительно не сердишься?

— Тебе не стыдно так говорить? Проходи!

Небольшая гостиная, кухонька и крохотный санузел, — все такое миниатюрное, словно в уменьшенном масштабе. Квартирка Эстер не шла ни в какое сравнение с роскошными апартаментами Джоа, и Джоа даже комплексовала из-за этого, когда подруга у нее бывала. В гостиную выходило две двери: за левой находилась комната Эстер, за правой — ее компаньонки Николь.

Эстер несколькими шагами пересекла гостиную, вошла в свою комнату и положила сумку Джоа на кровать. Хорошо, хоть кровать здесь была большая.

— Хочешь чего-нибудь горячего или прохладительного?..

— Нет, ничего не надо. — Она почти рухнула на старенький диванчик, будто у нее неожиданно иссякли силы.

Эстер устроилась рядом.

— Ну, рассказывай, — завела она разговор. — Или, хочешь, давай помолчим...

— Да нет, ничего... хотя и не знаю, о чем, собственно, рассказывать.

— Ты действительно не догадываешься, чем он занимался?

— Абсолютно.

— Как же так?

— Надо знать отца. Он, конечно, не из тех ученых, о рассеянности которых рассказывают анекдоты, но и не вполне от мира сего. Всякий раз, когда отправляется на раскопки, исследует что-то, он без остатка отдается делу, которым занимается. При этом отец никогда не удовлетворяется рабочими гипотезами, не предается, как некоторые, преждевременным восторгам. Чем бы он ни занимался в Мексике, он делал это по собственной инициативе, и это никак не связано с музеем. Он даже мне ничего не сказал. Возможно, он вплотную подошел к открытию чего-то по-настоящему важного, и из-за этого был более чем сдержан. А может, наоборот, еще не располагал ничем существенным и...

— Хочу спросить, хотя я и не уверена, стоит ли.

— Спрашивай.

— Ты не думаешь, что это может быть связано с исчезновением твоей мамы?

Джоа нахмурилась.

Одно дело воспринимать несчастье как случайное повторение драматических событий. И совсем другое — пытаться усмотреть параллели или даже установить некую взаимосвязь.

Хотя мысль о чем-то подобном мелькала у нее в голове...

— Нет, это невозможно! — еле слышно проронила Джоа.

— Когда это произошло?

— Летом девяносто девятого.

— Тринадцать лет назад, — молвила, глубоко вздохнув, Эстер.

— Да, мне было шесть.

— Ты рассказывала, что она...

— Да, пропала необъяснимым образом. Это случилось поздним вечером 15 сентября. На месте исчезновения не обнаружили никаких следов, вообще ничего примечательного. Ее машина стояла у обочины. И все. Полиция обшарила каждый сантиметр, прочесала окрестности, используя самые эффективные средства поиска... Ничего. Словно испарилась: почва была размокшая от дождя, но возле машины не нашли ни одного следа. Отец тогда чуть с ума не сошел.

— Надо быть очень сильным человеком, чтобы выдержать такое.

— Я не знаю других мужчину и женщину, которые любили бы друг друга больше, чем мои родители. Это чистая правда. Я с замиранием сердца слушала рассказы матери о том, как он появился в глухой индейской деревушке в горах Сьерра-Мадре, и она, впервые его увидев, сразу поняла, что это любовь; о том, как папа в ее присутствии смущался и робел, как подросток...

— Твоя мама была очень красивая. Это видно даже по фотографиям, хотя они никогда вполне не передают красоту человека.

Была...

Джоа опустила голову.

— Я в жизни не видела женщины, более красивой внешне и внутренне, чем мама, — сказала она, сдерживая боль, которую ей невольно причинила подруга, употребив глагол в прошедшем времени.

— Ты очень похожа на нее. Глазами, цветом волос, улыбкой...

— Спасибо.

— Но в ее облике нет ничего индейского.

— Я же рассказывала тебе, моя бабушка нашла ее высоко в горах, вдали от человеческого жилья, после ужасной бури. Бросить в таких условиях ребенка, тем более новорожденного, мог только безумец. По-видимому, ее родители погибли, когда буря началась, а мама выжила чудом. Поэтому-то мы и не знали точно, когда она родилась — 28, 29 или 30 ноября семьдесят первого года, и праздновали ее день рождения три дня подряд. Завтра как раз 28-е! — разволновалась Джоа. Но, совладав с собой, продолжила: — Бабушка нашла ее 30-го, во второй половине дня. Ребенок чувствовал себя на удивление хорошо и даже не плакал. Поскольку собственных детей у бабушки не было, а ее муж умер за несколько лет до того, находку она восприняла как благословение небес, принесла малышку в деревню и спрятала в хижине. Буря, разразившаяся в ночь с 28 на 29 ноября, вероятно, застигла роженицу — одну или с мужем — в горах. Больше мне ничего не известно, — подытожила Джоа, разведя руками. — Все остальное — загадка.

Сплошные загадки.

Ее родители познакомились, когда отцу перевалило за тридцать пять, а матери едва исполнилось восемнадцать. Ей было даже на несколько месяцев меньше, чем Джоа сейчас. Свое пребывание на землях индейцев-уичолов молодцеватый антрополог завершил в самом

начале 1990 года, вместе с ним родные края покинула и юная красавица, ничем не походившая на коренных обитателей тех мест. Они сразу оформили брак, и по прошествии неполных четырех лет, в январе 1994-го, родилась она — их единственное дитя.

Завтра матери исполнился бы сорок один.

— Если твой отец в свои теперешние годы настолько привлекательный мужчина, представляю, каким он был раньше. Наверде Индианы Джонса, — мечтательно вздохнула Эстер.

— Только без плети и широкополой шляпы, — попыталась отшутиться Джоа. — Безумно влюбленный в древние культуры ученый, широко эрудированный исследователь, антрополог старой школы...

После исчезновения жены, отчаявшись ее найти, он замкнулся в себе. И если бы не работа, в которую отец погружался, забывая обо всем на свете, он мог сойти с ума. Но его никогда, ни на минуту не покидала надежда, и ради грядущей встречи он был готов принять любые объяснения ее долгого отсутствия.

Лишь бы только найти.

— Он всегда говорил, что мама вернется.

— Что?

— Она не могла уйти просто так, понимаешь? — Джоа пронзила Эстер взглядом своих лучисто-серых глаз. — Папа уверен, что ее увели против воли. Это единственно логичное и имеющее смысл объяснение.

Эстер нечего было ответить.

Послышался шум открывающейся входной двери.

— Я пришла-а-а-а! — пропела Николь.

С того момента как ей сообщили об исчезновении отца, Джоа все пыталась до него дозвониться. Даже в три часа ночи, в очередной раз очнувшись от муторного, полубморочного забытья, она тихонько, чтобы не разбудить Эстер, встала с кровати, вышла в гостиную и вновь набрала его номер. Безрезультатно.

Сейчас, возвращаясь ранним утром к себе домой, чтобы собрать чемодан, взять паспорт и отправиться первым авиарейсом — прямым или стыковочным — в столицу Мексики, Джоа снова попробовала соединиться с отцом, хотя батарея телефона почти разрядилась.

Как и прежде, автоответчик предложил оставить голосовое сообщение.

Телефон выключен или находится вне зоны действия сети.

— Папа, не мучай меня, отзовись...

Такси остановилось у входа в дом, где они жили с отцом. Вчера вечером, собираясь к Эстер, Джоа была не в состоянии сесть за руль. Расплатившись с таксистом, она задумчиво направилась к подъезду, и тут неожиданно появился Димас.

— Доброе утро.

— Ой, Димас, привет!

— Рано ты сегодня, к чему бы это, а?

— Я уезжаю на несколько дней.

— К дону Хулиану?

— Да. — Джоа не стала ничего объяснять.

— Привет передавайте. И скажите, мы здесь скоро забудем, как он выглядит.

Консьерж распахнул перед Джоа дверь в подъезд, а затем, опередив ее, устремился в холл, чтобы вызвать лифт. Движения Димаса были размеренно-четкими, но не резкими — он много лет работал в элитных домах, обитатели которых отличались особой требовательностью. Некоторых своих соседей Джоа терпеть не могла. Надутые и самодовольные денежные мешки. Особая порода избранных и благодетельствованных фортуной счастливиц. Хотя,

надо признать, она относилась к той же категории. Правда, в отличие от нее, этих людей мало что заботило, кроме собственных удобств.

— Спасибо, Димас.

Она поднялась на свой этаж и вошла в квартиру, мучимая все более мрачными мыслями. Ей не давала покоя сегодняшняя дата, 28 ноября, — начало трехдневного празднования дня рождения мамы.

Пройдя к себе в комнату, Джоа машинально собрала в дорогу самое необходимое. Несмотря на молодые годы, она была путешественницей со стажем, поэтому под необходимыми вещами понимала действительно необходимое. Ведь футболку или шерстяной свитер, нижнее белье, джинсы и предметы личной гигиены можно купить где угодно. Наконец в сумке не осталось свободного места. Еще надо не забыть паспорт.

Джоа выдвинула верхний ящик письменного стола, где хранила документы, и только теперь обратила внимание: в ящике по-прежнему царил образцовый порядок, но вещи лежали не совсем так, как это запечатлелось в ее зрительной памяти, а с едва уловимым смещением.

Да и в комнате некоторые книги поменялись местами, компакт-диски расставлены неровно, что-то изменилось в расположении содержимого других ящиков письменного стола, одежда — как нижняя, так и верхняя — лежит и висит в платяном шкафу тоже не как всегда. Тут явно кто-то покопался.

Ее передернуло.

Она бросилась на кухню и схватила самый большой из разделочных ножей. Крепко сжимая его в руке, Джоа внимательно обследовала все помещения: кроме нее в квартире не было ни души. А раз так, во-первых, надо успокоиться. Во-вторых, — удостовериться, что в ее отсутствие здесь действительно кто-то побывал. Признаки этого имелись и в кабинете отца, и в спальне, и в гостиной. Либо обыск учинил дилетант, либо это сделано намеренно, чтобы она обратила внимание.

Все ценные вещи были на месте. Деньги, несколько коллекционных древностей, которые отец хранил у себя, ювелирные украшения матери, которой претила показная роскошь.

— Ну и дела... — процедила Джоа.

Кто и с какой целью тут побывал? Почему это произошло после того, как ей сообщили об исчезновении отца?

И как неизвестный проник в квартиру?

У них был установлен хитроумный электронный замок без обычной скважины для ключа. Чтобы его отпереть, требовалось приложить небольшую карточку к миниатюрному считывающему устройству. Может быть, проникли через террасу? Но она расположена так высоко, что забраться на нее с земли, карабкаясь по внешней стене здания, едва ли возможно. Остается крыша...

Достаточно было раздвинуть шторы, чтобы увидеть: дверь на террасу была взломана снаружи.

Джоа стало нехорошо. Представление о надежности и незыблемости ее мира рассеялось за считанные часы...

Бросив в прихожей дорожную сумку, девушка спустилась в холл, расспросить консьержа. Димас находился в прилегающем к зданию дворике, где со свойственной ему деловитостью поливал декоративную растительность, не забывая время от времени бдительным оком озирать зону своей ответственности. На этот раз Джоа возникла у него за спиной так неожиданно, что он опешил.

— Димас!

— А? Да, слушаю вас! — отозвался он, перекрывая воду.

— Вам в последние дни не попадалась на глаза в нашем доме или возле него какая-нибудь странная личность?

— Нет. — Его брови поползли вверх. — Позвольте узнать, с чем связан ваш вопрос?

Джоа не хотелось пускаться в пространные объяснения.

— Одна моя подруга, которая живет на нашей улице, рассказывала, что встретила здесь подозрительного типа.

— Я ничего не видел, а в отсутствии наблюдательности вы меня, небось, не упрекнете.

Дневной консьерж не сдавал смену своему ночному коллеге: между уходом одного и приходом другого в течение часа или двух вечером на вахте никого не было. По утрам тоже был небольшой пересменок. Некоторые жители дома, из числа любителей качать права, требовали установить круглосуточное дежурство в вестибюле. Зная об этом, Джоа решила не подливать масла в огонь.

— Извините, я не хотела вас обидеть. — Она повернулась и направилась к лифту.

Поднявшись к себе, девушка поняла, что не знает, как быть дальше.

Откладывая из-за случившегося поездку глупо, поскольку можно упустить время. Тем более что из квартиры ничего не украли. Джоа вздохнула и, пытаясь восстановить присутствие духа, заставила себя сосредоточиться на последних предотъездных делах: перекрыла воду и газ, еще раз осмотрела квартиру и убедилась, что оставляет ее в порядке. Возможно, ее отсутствие будет продолжительным.

Возможно.

Паспорт, кредитные карты, мобильный телефон, миниатюрный цифровой фотоаппарат, iPod, зарядные устройства...

Когда Джоа закрыла за собой дверь в квартиру, ею овладело странное чувство.

Она отправляется навстречу неизвестности.

Что если придется возвращаться домой в одиночестве?

В лифте девушка подумала, что неплохо бы избежать встречи с Димасом, который наверняка подойдет попрощаться, увидев ее с дорожной сумкой. Джоа не хотелось говорить ему больше того, что она уже сказала. Ей повезло: консьерж был занят разговором с доньей Амалией — ее соседкой по этажу.

Джоа отчетливо слышала голос женщины, когда сбегала вниз по лестнице, делая вид, что не замечает никого вокруг.

— Вы понимаете? Теперь уж мне точно придется менять замок! Я до утра глаз не сомкнула, только и думала, что они, не дай бог, найдут мой кошелек! А если его вытащили у меня из сумки? Даже представить себе страшно! Нет, Димас, это неслыханно! Куда мы катимся?!

Так вот оно что — неизвестные перелезли на террасу от соседки!

Кошелек с ключом донья Амалия не потеряла. Его украли со вполне определенной целью — чтобы попасть в квартиру, в которой жила она, Джоа...

Девушка остановила первое же такси и быстро забралась на заднее сиденье.

— В аэропорт! — бросила она водителю.

Без малого час сплошной турбулентности — и пассажирам разрешили наконец отстегнуть ремни. У Джоа все тело затекло. Слушать музыку уже не хотелось, а из названий фильмов, предлагаемых для индивидуального просмотра на телеэкране, что выдвигался из подлокотника кресла, ей не приглянулось ни одно. Кроме того, захотелось в туалет. Поскольку в отсеке первого класса, где она летела, все кабинки были заняты, Джоа направилась в середину салона, в эконом-класс. Ей было не привыкать к небольшим замкнутым пространствам. Когда она ездила с отцом на раскопки, ей довелось работать на труднодоступных участках, куда вели тесные лазы и узкие подземные ходы, по которым приходилось спускаться и подниматься, согнувшись в три погибели, а иногда на четвереньках или даже ползком. Однако, затворив за собой дверцу туалета, от одного вида которого кто угодно впадет в депрессию, Джоа тут же узнала, что такое клаустрофобия. Девушка могла сейчас думать только о том, что находится где-то высоко-высоко над поверхностью земли, втиснутая в тонкую скорлупку стенок, три из которых отделяли ее от салона лайнера, а за четвертой простиралась бездна. Всего несколько сантиметров обшивки фюзеляжа, а за ними — смертельный холод и одиннадцать тысяч метров пустоты. Они не пролетели и половины пути, а раковина и металлическая поверхность вокруг, и унитаз, — все было в подтеках. Пассажир, который побывал здесь до нее, не удосужился даже нажать на кнопку сливного устройства.

Малую нужду девушка справила стоя, надеясь, что в эти минуты самолет не попадет в зону турбулентности. Из туалета ей хотелось выбраться как можно незаметнее, чтобы никто не подумал, что сортирное непотребство сотворила она. Джоа втянула голову в плечи, словно это могло сделать ее невидимой. Однако ей не повезло.

Она почти с размаху уткнулась лицом в его широкую грудь. Высокий, статный парень лет двадцати пяти, смуглокожий, с резкими чертами и пронзительным взглядом. Атлетическое телосложение подчеркивала облегающая рубашка с короткими рукавами.

Джоа привыкла к тому, что мужчины обращают на нее внимание, с восхищением рассматривают, а порой и нахально пялятся. И обычно это ее мало трогало. Но неожиданное столкновение в самолете смутило и ее, и его.

Парень в растерянности оглядел ее и опустил глаза.

— Извините, — негромко сказал он.

— За что? — Джоа пожалла плечами и, упреждая его, перешла в наступление: — Будьте осторожны, в туалете очень грязно!

— Спасибо.

Джоа вернулась на свое место у иллюминатора. Расстояние между креслами было рассчитано так, что пассажиры могли вставать и садиться, не беспокоя друг друга. Сосед Джоа справа спал, разложив свое кресло, хотя по европейскому времени было всего шесть с небольшим.

Умеют же люди!

Джоа достала из сумки купленные в аэропорту книги. Ничего конкретно о Паленке. Одна — о культурах коренных обитателей Центральной Америки. Вторая — туристический путеводитель по Юкатану, а Паленке находится в Чиапасе, вне пределов полуострова Юкатан, равно как и еще один крупный центр цивилизации майя — Тикаль в Гватемале. На нет и суда нет. Кое-что она о майя знала, хотя и не очень много. Вся надежда — на Интернет.

Раскрыв первую книгу, Джоа увидела карту территорий, на которых простирались владения майя — одной из величайших цивилизаций, существовавших на земле. Майя первыми освоили астрономию и научились делать поразительные предсказания. Удивительно, но они никогда не применяли в практических целях колесо, хотя мастерили поделки с колесами. У них не было повозок и животных для перевозки грузов: ни ослов, ни лошадей, ни быков или буйволов. Они не пользовались металлическими орудиями труда — только каменными; на протяжении многих лет их главным оружием оставались деревянные копья и ножи из обсидиана, и только значительно позднее появились луки и стрелы.

Джоа пролистала книгу. Не более чем зарисовки для не слишком любознательных туристов. Очень поверхностно, никаких деталей.

В путеводителе по полуострову Юкатан рассказывалось главным образом о Чичен-Итце, Ушмале, Тулуме и Кобе. Последнюю открыли

относительно недавно, в восьмидесятые годы прошлого века, и чтобы привести в надлежащее состояние — расчистить от густой тропической растительности и отреставрировать — требовалось еще немало лет. За пределами Юкатана существовали еще Тикаль, самый большой из городов майя, и Паленке, подлинная жемчужина цивилизации. Однако Чичен-Итца не уступала им по красоте, а в чем-то, возможно, и превосходила. Там сохранилась почти в первозданном виде площадка для игры в мяч, а также обсерватория и большая пирамида, с которой 21 июня снисходит Кукулькан^[1]... И все же Паленке, обнаруженная там гробница Пакаля^[2], ее грандиозная плита и неразгаданная тайна затмевали все остальное.

Ознакомившись с содержанием путеводителя, девушка откинула спинку кресла, выдвинула подставку для ног и устроилась поудобнее. Сосед продолжал сладко спать, на глаза была надвинута светозащитная маска. Джоа не хотелось ни есть, ни пить. Но чувствовала она себя отнюдь не благостно — ее терзали нетерпение, ярость, отчаяние, тревога... Раньше ей и в голову не приходило, что перелет может показаться таким долгим, она никогда не испытывала ни неуверенности, ни беспокойства по поводу того, что ее ожидает в конце пути.

Чтобы избавиться от черных дум, Джоа прибегла к испытанному средству — заставила себя думать о маме. Это всегда действовало как целительный бальзам. Вспомнились слова, некогда услышанные от матери: «Ветер не заставит грозовую тучу излиться быстрее, но зато он уносит ее вдаль».

Народная мудрость майя.

Сейчас Джоа очень не хватало ветра.

Образ матери вызвал воспоминание о разговоре с Эстер. История знакомства родителей восхищала Джоа, их любовь представлялась ей идеальной. Наверное, она излишне романтична, ведь сама-то до сих пор ни разу ни в кого не влюбилась.

Все говорили, что Джоа необыкновенная.

Особенная.

Частные учебные заведения, тесты на одаренность, интенсивные занятия... Сама она считала себя обычной, хотя время от времени у нее и возникали вопросы... Почему она никогда не болеет?.. Почему может с фотографической точностью запечатлеть в памяти

множество фактов и цифр?.. Но более всего волновали девушку мучительные предчувствия, не говоря уже о сновидениях.

Когда исчезла мать, ей казалось, будто оборвалась пуповина, связывавшая ее с жизнью.

— Мамочка, ты мне так нужна...

Не важно, что она уже взрослая.

Что же касается любви...

Джоа улыбнулась и отвела свет лампы, бивший в лицо. Луч упал на стекло иллюминатора, за которым под самолетом простирался белый покров облаков. Весь ее любовный опыт — поцелуй в четырнадцать лет. Мальчики ее мало интересовали, ей нужен был кто-то особенный, не похожий на остальных, как и она сама. До сих пор никому не удалось пробить защитную броню вокруг ее сердца и пробудить в нем чувство. У Эстер было полдюжины женихов и еще больше увлечений. И у других подруг и знакомых — тоже. Для них любовь уже не была секретом.

Она, наверное, в самом деле какая-то не такая.

Или нет?

Джоа, следуя примеру пассажира справа, сомкнула веки. Она не надеялась погрузиться в сон, но попыталась хотя бы успокоиться перед испытаниями, которые могли ждать ее по прибытии.

Волнение, однако, не отступало.

Джоа снова подумала о матери и снова услышала ее голос: «Цвет небес не голубой, а черный. Но выше их — несть числа разноцветью».

Посольство Испании в Мехико располагалось в районе Колония Поланко, в доме 114 по улице Галилея, там, где она пересекается с улицей Горация. То ли из-за того, что отец был человеком небезызвестным, то ли оттого, что разговор предстоял неприятный, принимал Джоа не только атташе по культуре, но и личный секретарь посла. Сам глава дипмиссии уехал в командировку в страну «великого северного брата» — Соединенные Штаты. Поскольку было еще утро, дипломаты предложили позавтракать и усадили ее за стол, на котором стояли оладьи из кукурузной муки, кушанья из фасоли, такитос и кесадила.

У Джоа из-за смены часовых поясов и после второй бессонной ночи глаза закрывались сами собой, а есть совершенно не хотелось. Она попросила стакан холодного молока.

Но вначале осведомилась, нет ли новостей.

— Нам нечего добавить к тому, что мы уже вам сообщили, сеньорита Мир, — словно оправдываясь, произнес Альваро Понсе Кесада. — Мы предприняли ряд мер по своим каналам, но...

Секретарь посла подтвердил слова коллеги кивком головы.

Джоа ничего другого и не ждала. Она сидела, выпрямившись и пытаясь казаться спокойной, но сознавала, что в глазах этих взрослых мужчин выглядит оцепеневшей от страха девчушкой.

— Скажите, там, в Паленке, его искали?

— Профессор Мир занимался собственным проектом, и индивидуально, вне утвержденного плана текущих работ, — пояснил атташе по культуре. — Нам не хотелось бы создавать ненужного ажиотажа. С учетом международного авторитета вашего отца у него там, разумеется, были друзья и связи, и он имел практически неограниченный доступ на все объекты археологического комплекса Паленке. Открытие новых захоронений вызвало интерес в международном научном сообществе.

— Новых захоронений?

— Да, гробниц, получивших номера 25, 26 и 27.

— В прессе об этом не пишут.

— Открытие новых руин на Юкатане, в Кампече, Чиапаса или где-то еще в Мексике не считается новостью, сеньорита Мир, — пояснил Альваро Понсе. — Если вы поедете в Перу и чуть копнете, вы наверняка наткнетесь на какую-нибудь плошку или сосуд. То же самое здесь. На Юкатане под каждым холмом скрывается пирамида майя или то, что от нее осталось. Если бы Мексика располагала хотя бы десятой частью тех средств, которые нужны для сохранения ее исторического наследия, были бы раскрыты сотни, если не тысячи секретов прошлого этой страны. Трудно даже представить, какие чудеса таит в себе эта земля.

— Открытые гробницы изучают неспеша, — вступил в разговор секретарь. — И хотя в некоторых находят довольно много интересного, для местных СМИ это не является информационным поводом, не говоря уже о международных агентствах. После обнаружения останков Правителя Сипана^[3] в Перу и гробницы номер 63 в Египте ни одно последующее археологическое открытие не заслужило особого внимания газетчиков.

— А с открытия шестьдесят третьей гробницы в Долине Царей прошло уже шесть лет, — добавил атташе по культуре, демонстрируя свою осведомленность.

— Правильно ли я поняла, что пребывание моего отца в Паленке может быть связано с этими тремя захоронениями? — изменила направление беседы Джоа.

— Похоже, что так.

— Сколько времени он там пробыл?

— А вы разве не знаете? — удивился Альваро Понсе.

— Мы перезванивались часто, но не каждый день, — уклонилась она от прямого ответа.

— Завтра будет ровно два месяца, как профессор Мир приехал в Мексику.

Два месяца назад, по словам Мигеля Дурана, отец доверительно сообщил ему, что нащупал что-то важное, но что именно — не уточнил. Не поделился даже с ней, своей дочерью.

Почему?

Отец всегда все рассказывал ей о своей работе. Всегда.

— Его вещи до сих пор там, в Паленке?

— Да, конечно.

— К ним никто не прикасался. Как я уже говорил, до встречи с вами мы сохраняли максимальную конфиденциальность.

— Персонал гостиницы действовал по обычной в подобных случаях схеме: они позвонили в посольство и поставили нас в известность, что проживающий у них гражданин Испании длительное время не проявляет своего присутствия. И ничего более. Мы связались с вами, поскольку вы его ближайшая и, по-видимому, единственная родственница.

Джоа подумала о своей бабушке, жившей на исконных землях уичолов.

— Пока можно констатировать лишь то, что это исчезновение... — секретарь запнулся и, подыскивая слова, сделал рукой неопределенный жест, — глубоко беспокоит нас. Ваш отец — выдающийся ученый и в той или иной мере является публичной личностью. Мы пока ничего не сообщали журналистам, но, полагаю, скоро они сами разузнают о случившемся.

— Нам не хотелось бы, чтобы происшествие вызвало скандал или из-за него возник международный инцидент.

Последние реплики сотрудников посольства больше походили на перепалку, в центре которой оказалась молчавшая Джоа.

— Я тоже не желала бы этого, — согласилась она, не найдя другого ответа.

— У вашего отца были враги?

— Нет.

— Мы не исключаем возможности похищения.

— Похищения? — Она не поверила своим ушам.

— Вы владеете значительным состоянием, недвижимостью, ваша семья известна. Не хочу, чтобы вы подумали, что мы суем нос не в свое дело, но...

Джоа никогда не думала о деньгах. Возможно потому, что деньги у них действительно были.

— До сих пор ко мне никто не обращался с требованием выкупа. — В голове у нее пронеслась мысль об обыске в их квартире, но своим собеседникам она ничего не сказала.

— А если обратятся?..

— Я вам, естественно, сообщу, — соврала Джоа не моргнув.

— Чем вы думаете заняться здесь, сеньорита Мир?

— Полечу в Паленке, разумеется. — У меня самолет в полдень.

— Мы могли бы организовать, чтобы вещи отца прислали сюда, тем самым избавив вас от лишних забот и неудобств, — с явным подтекстом изрек секретарь.

— Я хочу знать, над чем трудился мой отец, выяснить, имеет ли это отношение к его исчезновению.

— Но вы так молоды... — не удержался Альваро Понсе.

— Почти девочка... — встрял секретарь.

— Я много ездила с отцом, с двенадцати-тринадцати лет ему помогала и в раскопках, и в дальнейшей исследовательской работе.

— Но у вас могут возникнуть сложности с языком.

— Я говорю на пяти языках, — произнесла она спокойно, — не считая каталонского, галисийского и немного баскского, и объясняюсь еще на двух или трех.

Это произвело впечатление.

— Ну да, конечно, — заморгав от неожиданности, молвил Альваро Понсе.

— Спасибо за хлопоты, — решила она сгладить произведенный эффект. — И за внимание.

Мужчины почувствовали облегчение.

— Пожалуйста, обращайтесь по любым вопросам, — любезно предложил атташе по культуре.

— Сотрудники нашего посольства в вашем распоряжении, — не отставал секретарь.

До вылета в Вильяэрмосу оставалось три часа.

Вильяэрмоса находилась в штате Табаско, но это был единственный город с аэропортом, расположенный ближе всего к Паленке и развалинам городов майя в Чиапасе. Джоа предупреждали, что в этой зоне чуть ли не самая высокая в мире влажность.

Едва ступив на трап самолета, она тут же убедилась, что это не преувеличение.

Ее будто обдало паром, но что еще хуже — воздух, густо насыщенный влагой, при первом же вдохе обжег легкие, наполнив их раскаленной водяной взвесью. Буквально через пять минут одежда насквозь промокла.

В аэропорту девушка взяла в аренду автомобиль, имея возможность вернуть его в любой точке Мексики, где у прокатной фирмы имелись отделения. Машину она оформила на неделю, оплату гарантировала кредитной картой. В случае необходимости она могла продлить срок проката в Паленке.

Через пятнадцать минут, ориентируясь по дорожной карте, Джоа выбиралась из Вильяэрмосы в направлении Паленке и его руин, расположенных немногим более чем в восьмидесяти километрах. Чтобы спастись от удушающей жары и особенно — влажности, она включила кондиционер и, проезжая через город, скорее чтобы размять мозги, нежели по необходимости, вспоминала дорогие данные, почерпнутые из брошюры на борту самолета. Вильяэрмосу основал в 1519 году Эрнан Кортес, после того как касик^[4] Таабс Коол преподнес ему необыкновенный дар — женщину по имени Малинче. Известная также как донья Марина, она стала переводчицей и наложницей конкистадора. Первоначально город находился у побережья Мексиканского залива, на землях, заболоченных водами впадающих в него рек Грихальва и Усумасинта, и назывался Санта-Мария-Виктория. Позже, спасаясь от постоянных набегов пиратов, жители города переместились выше по течению Грихальвы и переименовали его в Вильяэрмоса-де-Сан-Хуан-Баутиста. На протяжении XIX и в начале XX столетия история города изобиловала бурными событиями, он подвергался артиллерийским обстрелам армий сначала Соединенных

Штатов, потом Франции, был одним из полей сражений в годы противостояния мексиканского государства и католической церкви.

Выехав за городскую черту, Джоа сосредоточилась на дороге. Тяжелый воздух, густо пропитанный влажностью, здесь прорезал едва уловимый свежий аромат цветущего гуаякана. На полпути по кузову вдруг забарабанили капли дождя, который мгновение спустя превратился в тропический ливень, заставив ее остановиться на обочине, но очень скоро столь же внезапно, словно по мановению волшебной палочки, ливень прекратился. На небе вновь засияло клонившееся к закату солнце. Она не была трусихой, не боялась путешествовать одна по незнакомой местности, но резкие перемены погоды усугубили ее тревогу. В конце пути она должна была отыскать истину. Найдет ли?..

И вот перед глазами девушки наконец предстал Паленке, в семи-восьми километрах от которого лежали развалины великого города майя. Его исконное название было Отулум, что на языке чол означало «укрепление» или «дома, обнесенные оградой». В Паленке его переименовали испанцы. Так же называлось и поселение, которое в 1567 году основал поблизости священник Педро Лоренсо де ла Нада. Сейчас оно представляло собой почти правильный прямоугольник, очерченный с трех сторон прямыми отрезками объездной дороги, которые именовались соответственно Северным, Южным и Восточным проездами. На западе границей населенного пункта служило шоссе. Оно спускалось с севера, из Вильяэрмосы, с легким изгибом миновало Паленке и продолжалось на юг, где и находились руины.

Отец поселился почему-то именно в Паленке, а не в одном из отелей, расположенных вблизи развалин. Джоа не пришлось долго разыскивать гостиницу «Шибальба». Первый же встречный объяснил, как туда попасть. Гостиница выглядела скромно, но опрятно, как любил отец. Роскошные отели не нравились ему своими громадными размерами и безликостью. В «Шибальбе» было всего четырнадцать номеров. Здание было обсажено деревьями, вдоль фасада, под наклонным навесом, крытым розовым сланцем, стояли горшки с буйно цветущей растительностью, — все кругом дышало гостеприимством и домашним уютом. Идеальное место для ночного отдыха ученого-археолога, который целые дни проводил, исследуя древние развалины

одного из самых загадочных городов на земле. Джоа не пришлось представляться, когда она приблизилась к гостиничной стойке, — все уже и так знали, кто она. Ее ждали. Персонал, как по сигналу, собрался в холле в полном составе. Одни — чтобы посмотреть на нее, другие — чтобы оказать внимание.

Посольство Испании в Мексике работало весьма эффективно.

— Если желаете, мы можем дать вам другую комнату, — после краткого официального приветствия сообщила администратор, а, возможно, хозяйка заведения.

— Спасибо, я остановлюсь в номере отца. Его вещи там?

— Он оплатил эту и следующую недели, и мы, разумеется, все оставили как есть. Мы в вашем полном распоряжении, сеньорита, и с радостью сделаем все, чтобы пребывание здесь вам понравилось. Естественно, без дополнительной оплаты.

— Мой отец продлевал гостиницу еженедельно?

— Нет, раз в полмесяца, — сообщила дама.

— Спасибо.

Ей не хотелось сразу пускаться в расспросы. Слишком много печальных мыслей не давало покоя. Она взяла ключ, дорожную сумку любезно подхватил юноша, то ли хозяйский сын, то ли бармен, а может, официант. Сообщив, что его зовут Тадео, молодой человек проводил ее в комнату, самую дальнюю, расположенную отдельно от других.

Комната, где провел последние дни ее отец...

— Можешь идти, — еле слышно молвила она.

Тадео взял протянутые ему чаевые и молча удалился.

Джоа, не переступая порога, старалась запечатлеть мельчайшие подробности и сосредоточиться на охвативших ее эмоциях.

Кровать застелена, створки шкафа закрыты. Остальное пространство заполняли разбросанные в жутком беспорядке, наваленные друг на друга фотографии, книги, карты и рабочие инструменты Хулиана Мира. Если кто-нибудь решил и здесь устроить обыск, ему не пришлось скрывать следы своей деятельности.

Мобильный телефон лежал на журнальном столике. Он был выключен, а Джоа не знала ПИН-кода.

За что ухватиться, с чего начать поиски?

Она присела на кровать, стараясь ни до чего не дотрагиваться. В комнате царила глухая тишина.

Когда она вышла из оцепенения, за окном уже смеркалось. Нет, дальше тянуть нельзя, надо заставить себя отдохнуть. Она приняла душ и, выйдя из ванной, распахнула дверцы шкафа. Осмотрела находившиеся в нем немногие вещи, исследовала карманы. Ничего. Без труда открыла сейфовую ячейку: по прежним поездкам с отцом она знала его обычный код — четыре цифры, не связанные ни с чьим-либо рождением, ни с другими знаменательными датами. Внутри лежали паспорт, две тысячи евро и тысяча долларов. Никакой зацепки. Если отец где-то и оставил ей знак, то явно не здесь.

«На очевидное реже всего обращают внимание», — не раз повторял он.

Она подошла к столу. Внимательно осмотрела бумаги. Паленке, Паленке, Паленке. Все только о Паленке. Планы и фотографии храмов исторического комплекса: храма Графа, храма Креста, храма Лиственного Креста, храма Солнца, храмов с X по XXVI номер (за исключением XIV, XV, XVI и XVIII, которые отсутствовали в установленной археологами классификации) и, конечно же, самого известного из всех — храма Надписей с гробницей Пакаля и знаменитой гигантской плитой. Ее точное изображение с мельчайшими подробностями было тщательно вырисовано рукой отца.

Все записи касались различных групп зданий, как обозначенных буквами — А, Е, Н и J, так и имеющих имена собственные — «Боске Асуль», «Энкантадо», Северной группы, Южной группы «Энкантадо», а также Поле для игры в мяч и, разумеется, Дворца. Из бумаг она узнала о точечных раскопах вокруг «новых», обнаруженных за последние годы гробниц и маршруты к наиболее важным святилищам. Главным ориентиром во всех заметках служил храм Надписей, таивший в своих недрах гробницу с колоссальных размеров плитой, которую можно было водрузить только до строительства храма, поскольку в единственном проходе, ведущем в погребальную камеру, с трудом мог протиснуться один человек.

Существовала легенда о том, что Пакаль — якобы пришелец из космоса...

Джоа пробежала глазами несколько заметок в надежде, что наитие поможет ей отыскать ключ или наводящую на след хитрость. Если бы

отец скоропостижно скончался, его тело бы уже обнаружили. А значит, он жив. Возможно, утратил рассудок или потерял память и бродит где-то в одиночестве, хотя непонятно, почему за столько дней никто на него не наткнулся. Если же это похищение, логично, что ему не дали времени на сборы. И все же...

— Ну, папочка, ну же...

Она еще несколько раз, листок за листком, перебрала бумаги отца и убедилась, что отсутствует дневник — тетрадь, в которой он записывал почти все. Свои дневники он предусмотрительно вел известным ему одному шифром, хотя она ради развлечения бралась расшифровать его тайнопись, и ей это в основном удавалось.

Но кроме нее — никому другому.

Почувствовав вдруг страшную усталость, Джоа, не раздеваясь, растянулась на кровати и незаметно для себя погрузилась в сон.

Первое, что она ощутила, проснувшись, — голодное урчание в животе.

Ее появление в столовой не осталось незамеченным. Для клиентов гостиницы, приехавших сюдазнакомиться с памятниками истории и культуры, она была таким же туристом, как и они сами. Но отнюдь не для персонала «Шибальбы». Они обслуживали Джоа молниеносно, с неназойливым вниманием и предупредительностью, даже заботой, превосходя классическую для большинства латиноамериканских стран изысканную вежливость и любезность. У нее спросили, как спалось, поинтересовались самочувствием и в который раз повторили, что стоит ей чего-нибудь пожелать, как для нее все сделают.

А потом тактично оставили в покое.

Этот тип возник, когда она с наслаждением допивала кофе.

Седоватый мужчина за пятьдесят, не то чтобы высокий, с округлым брюшком. В руках трость с серебряным набалдашником, хотя по внешним признакам не сказать, что у него трудности при ходьбе. Лицо, да, одутловатое, под подбородком многоярусные складки, под глазами — живыми и пронизательными — мешки. Одет со строгой элегантностью, с учетом жары — даже чересчур строгой, поскольку поверх застегнутой на все пуговицы сорочки на нем был льняной пиджак.

Прежде чем заговорить, он одарил ее лучезарной улыбкой.

— Сеньорита Мир...

Поставив чашку, Джоа внимательно смотрела на него открытым, оценивающим взглядом. Она была начеку, ожидая плохих известий.

И молча ждала продолжения.

— Можно я присяду?

— Кто вы?

— Позвольте представиться. — Он протянул ей рыхлую руку. — Меня зовут Николас Майораль. Я хотел бы сообщить вам о Хулиане Мире. — Имя прозвучало подчеркнуто уважительно.

Он был явно не мексиканец, говорил на правильном испанском, без акцента, с ровной интонацией. Первый человек, пожелавший рассказать что-то о ее отце.

Она попыталась скрыть охватившее ее волнение.

— Вы знакомы?

— Вы позволите?

Джоа кивнула и подождала, пока он усядется. Пиджак он снимать не стал, трость прислонил к столу справа от себя. Набалдашник был в форме головы льва. Служащие гостиницы смотрели в их сторону, но по лицам ничего нельзя было прочесть.

— Откуда вам известно, что я здесь?

— Паленке — городок небольшой.

— Вам сообщил об этом кто-нибудь из гостиницы?

Уста Николаса Майорала тронула заговорщицкая улыбка.

— Это столь важно для вас, сеньорита? Главное — вы здесь и ищите его.

— Вы знаете, где он?

— Нет. — Он развел руками. — К сожалению.

— Значит...

— Мне нужна ваша помощь, а вам — моя.

— Почему?

— Потому что вы не знаете, что происходит, а я знаю, — откровенно и вместе с тем безапелляционно заявил он.

— И что же происходит, сеньор Майораль?

— Я могу сначала задать несколько вопросов вам? А потом отвечу на все ваши.

Она взвешивала ситуацию.

— Хорошо. — Джоа старалась контролировать свои жесты, тембр голоса, интонацию.

— Вам много приходится работать вместе с отцом?

— Я еще учусь. Но когда могу, помогаю. Летом, например, или в рождественские каникулы...

— Значит, в последнее время...

— Учебный год начинается в Испании в сентябре. И с начала занятий я его почти не видела.

— Вы в курсе, чем он занимался в Мексике?

— Нет.

Бровь мужчины изогнулась дугой. Скорее удивленно, чем недоверчиво.

— Отец постоянно что-нибудь исследует, занимается раскопками. Он влюблен в свою работу, живет в настоящем, отыскивая ответы на загадки прошлого.

— И не сказал вам, что искал теперь. — Прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

— Паленке — сокровищница, таящая в своей земле еще много открытий. Он приезжал сюда неоднократно. В посольстве мне сказали о новых, недавно обнаруженных погребениях — номер 25, 26 и 27.

— Понятно, — со вздохом произнес мужчина, постукивая кончиками пальцев по рукоятке трости, будто почесывая гриву льва.

Джоа с беспокойством вскинула голову.

— Что вам понятно?

— Что вы знаете о своей матери, сеньорита?

Вопрос о матери она меньше всего ожидала услышать от человека, которого видела впервые.

— Извините? — не смогла скрыть удивления.

— Ответьте на мой вопрос.

— Какое отношение имеет ко всему этому моя мать?

— Я скажу. Но сейчас ваша очередь отвечать, ведь мы договорились.

— Моя мать исчезла тринадцать лет назад. Это произошло 15 сентября 1999 года, когда я была еще маленькой.

— И?..

— Ничего больше, это все. — Джоа сама не ожидала, что разозлится.

— Вы знаете о ее происхождении?

— Какое это имеет отноше...

— Ответьте же, право.

— Ее нашли новорожденной в горах на землях уичолов. Моя бабушка взяла ее к себе и растила как свою дочь. Она жила там, пока туда не приехал мой отец. Они влюбились друг в друга, поженились, и до самого своего исчезновения она жила в Барселоне.

— Это все?

— Да!

— И вам не кажется странным, что ваш отец тоже теперь исчез?

В этой игре мышкой была, конечно, она. Кот развлекался, прежде чем проглотить свою жертву. Она нисколько не сомневалась: все сказанное ею прекрасно известно собеседнику.

— Теперь, наверное, ваша очередь, сеньор Майораль, рассказать мне то, что знаете вы. — Она скрестила руки на груди и откинулась на спинку стула.

— Справедливо, — согласился он. — Итак, о чем вы хотели бы узнать?

Она не представляла, с чего начать.

Прежде всего, надо успокоиться.

И перехватить инициативу.

В конце концов, этот мужчина здесь неспроста.

— Кто вы такой? — прозвучал ее первый вопрос.

Николас Майораль протянул ей визитную карточку.

— Небогато. — Прочитав ее, Джоа положила карточку на стол.

— У меня есть недвижимость, земли, бизнес — здесь и в Колумбии, Аргентине, Белизе...

— Чем же вы занимаетесь?

— Меня интересует будущее.

— Сожалею. — Она встала из-за стола. — Если вы не желаете изъясняться более внятно, не вижу смысла продолжать беседу. У меня много дел. Мне нужно найти отца.

— Вы уже на пути, поверьте.

Джоа вновь опустилась на стул.

— Толкуя тут с вами?

— Да.

— Тогда повторю вопрос, который задала вам минуту назад: какое отношение моя мать имеет ко всему происходящему?

— Ваш отец ищет ее, сеньорита Мир.

Джоа замерла.

— Откуда вам известно?

— Он вам об этом не сказал, правда? — и продолжил с расстановкой, словно желая, чтобы его слова лучше дошли: — Он никогда не переставал искать ее и сейчас находился, возможно, близко, очень близко, гораздо ближе, чем когда бы то ни было, к тому, чтобы ее найти.

Джоа почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Здесь, в Паленке?

— Да.

— Моя мать исчезла очень далеко от Паленке, сеньор Майораль.

— Мир в некотором смысле очень маленький. Необыкновенное находится там, в заповедье. — Он указал пальцем вверх, в направлении скрытого за потолком небосвода и того, что простиралось еще выше...

— Вы можете выразиться яснее?

Николас Майораль оставил в покое голову льва и положил руки на стол. Его взгляд, скользнув по остаткам завтрака, поднялся к лицу собеседницы и остановился на ее глазах. Джоа показалось, что он пронзил их насквозь и проник в самый мозг. Однако она не шелохнулась. Застыла в ожидании.

— Ваша мать, Джорджина, была не из этого мира.

— Что вы сказали?!

— Ваша мать пришла из звездных далей, из космоса, из другого галактического мира, как я предпочитаю его называть.

— Совсем не смешно, сеньор Майораль.

— Джорджина, вдумайтесь в мои слова.

— Я вас не знаю, вы ни с того, ни с сего являетесь ко мне неизвестно откуда и начинаете рассказывать, что моя мать марсианка.

— Не передергивайте. На Марсе жизни нет. А во внешнем космосе — есть.

— Да прекратите же, ради бога! — с раздражением бросила она, приходя во все большее волнение.

— Ваш отец никогда не говорил вам, я знаю. Тем более она исчезла, когда вы были еще совсем ребенком. Он оберегал вас.

Оберегал ее.

Джоа проглотила комок, стоявший у нее в горле.

— Вы это... серьезно? — Ее оборона слабела.

— Посмотрите на меня внимательно.

Она последовала его призыву. Нормальный, обычный человек, хотя и со странностью, которую, возможно, ему придавала глубина глаз. Или ей просто так казалось из-за трости с диковинным серебряным набалдашником. Со внуком или внучкой на руках он выглядел бы как молодой дедушка.

— Откуда у вас эта... оригинальная версия?

— Вижу, что вы хотели произнести слово «абсурдная».

— Так и есть.

— Нет, не так, и скоро вы укрепитесь в этом, ибо факты прекрасно в нее укладываются.

— Какие факты?

— Главный — вы. Ее дочь. В своем развитии вы всегда опережали сверстников: в год уже отлично говорили, читать начали тоже намного раньше других детей. Ваш ум, навыки, высокая успеваемость,

владение языками, беглая игра на фортепиано после всего нескольких занятий, поразительный дар с легкостью удерживать в памяти большое количество информации — данные, цифры, формулы... И что важнее всего — вы совершенны на генетическом уровне. Настолько, что, вероятно, обладаете способностями — умственными и физическими, — о существовании которых даже не подозреваете.

Кровь пульсировала у нее в висках.

Сколько раз она задавала себе вопрос о том, почему так устроена.

— Откуда вам известно это обо мне? — Джоа чувствовала себя так, словно она не одета.

— Нам известно все.

— Это вы о себе говорите во множественном числе?

— Нам — это тем, кому небезразлична судьба нашего мира и кто обеспокоен сохранением не только его, но и человеческого рода — как здесь, так и там. Везде. Нет, мы никакие не ученые. Что касается меня — там все правда. — Он кивком указал на лежащую на столе визитную карточку.

— Послушайте. — С девушкой творилось непонятное — она была готова закричать или вот-вот лишиться чувств. — Не хватит ли говорить загадками, а? Вы либо сумасшедший, либо...

— Сильные бури конца ноября 1971 года остались в восприятии большинства людей локальными феноменами. Но это не так, — отчеканил он. — Феномены — да, локальные — тоже да, они разразились в разных местах по всей планете. Это был способ, которым они их прислали.

— Кого?

— Мы называем их «дочери бури».

— Моя мать?..

— Вы полагаете, что новорожденная девочка способна выжить, оставаясь одна в течение одного-двух дней в таком диком безлюдье, как горы уичолов? Да к тому же сразу после разразившейся там страшной бури? Нет, она пришла из глубин космоса, как и многие ей подобные, той долгой ночью. Все они появились в суровой или труднодоступной местности, но так, чтобы женщины, как ваша бабушка, нашли их и оставили у себя. А если бы кто-то из них попал в приют для сирот, позаботились оставить как можно меньше следов,

чтобы не возникало лишних вопросов и их могли беспрепятственно удочерить.

— Вы действительно сумасшедший.

Николас Майораль ничего не ответил, лишь продолжал смотреть ей в глаза колючим всепроницающим взглядом.

— Зачем вы мне это рассказываете? — вздохнула Джоа.

— Вы должны знать, на что идете.

— Я ни на что не иду, я только разыскиваю отца.

— Истина делает нас свободными, открывает перед нами более широкие перспективы. Сейчас, без отца, у вас никого нет. И вам нужно знать о своем происхождении. Они выжидают. Нам неизвестно, зачем и сколько они будут ждать. Известно только, что дочери бури прибыли сорок с небольшим лет назад на Землю с какой-то целью.

— Кто это — «они»?

— Мы этого не знаем.

— А что вы знаете?

— Только то, что они здесь.

— Не очень-то много.

— Достаточно. — Он пожал плечами.

Джоа не знала, верить ли своим ушам. Голова шла кругом. Она хотела было встать, но не смогла. Ей хотелось рассмеяться, крикнуть сидящему напротив нее, что он сумасшедший.

Но менее всего он походил на сумасшедшего.

— Это ничего, что вы мне не поверили сразу. — Его голос смягчился. — Когда никто не будет мешать, поразмышляйте обо всем в одиночестве.

— Предположим, вы правы, и то, что вы говорите, верно...

— Продолжайте.

— Моя мать знала, что прибыла из другого мира?

— Да.

— А мой отец?

— Тоже, хотя мы не располагаем сведениями, когда он узнал, и сказала ли ему об этом она или он сам догадался.

— Почему исчезла моя мать?

— Мы этого не знаем.

— Но хоть что-нибудь вы знаете?

— Похоже, что ваш отец нашел нечто, какую-то нить, ведущую к ней, и именно поэтому исчез. А также нам известно, что вы — вероятно, не сознавая того, — можете знать, что это за путь и где находится ваш отец.

— Я?

— На данный момент вы наша единственная путеводная нить.

— И вы все эти годы наблюдали за нами, за отцом и мной?

— Да, — как нечто само собой разумеющееся, подтвердил он.

— Боже!.. — выдавила из себя, все еще не веря, Джоа.

— Это — величайшая загадка человечества, Джорджина. — Он произносил слова с особым упором. — Единственное реальное доказательство существования внеземного разума, который пошел на контакт с Землей.

— Если вы следили за отцом, как он мог исчезнуть под вашим окном?

— Я сказал, что мы наблюдали за вами, но не были вашей тенью, не следовали неотступно за вами по пятам. Нам было достаточно держать вас под контролем, знать, где вы и чем занимаетесь.

— Почему вы теперь вдруг решили рассказать мне все это?

— Разве не очевидно? Мы не знаем, что могло произойти, почему исчезла ваша мать, и еще меньше — почему исчез ваш отец. У нас остались только вы.

— Но я ничего не знаю!

— Повторяю: вы, возможно, не сознаете этого, но подсознательно... Вы знаете своего отца, его работу, часто ему помогали. Он мог оставить вам знак, нечто такое, на что никто другой не обратит внимания или не сможет понять.

— А если, как вы говорите, его увели... «они»? — Она старалась казаться ироничной.

Николас Майораль не ответил.

Джоа понемногу успокаивалась.

Обыск в квартире в Барселоне, пропажа зашифрованных записей отца...

— Мне пора идти. — Она со вздохом взглянула на часы.

Ее собеседник стиснул зубы, отчего по обеим сторонам рта его лицо прорезали две глубокие борозды.

— Вы не поверили ничему из того, что я вам сказал, не так ли?

— Дайте мне время.

— Вероятно, его-то у нас меньше всего.

Джоа поднялась.

Мужчина остался сидеть.

— Думаю, мы увидимся вновь, — произнесла она с полувопросительной интонацией.

— Вы правильно думаете, — подтвердил он.

Не подав на прощание руки, она взяла со стола карточку.

— Там есть мой телефон, — прозвучал вдогонку голос Николаса Майорала. — Можете звонить мне в любое время дня и ночи.

Джоа прошла несколько шагов.

— Удачи вам, Джорджина, — было последнее, что она услышала за спиной.

Она и сама начала подумывать, что удача бы не помешала.

Только оказавшись одна, Джоа дала волю чувствам. Девушка бросилась на кровать и разразилась рыданиями, раздавленная тяжелым гнетом обуревавших ее мыслей.

— Мама... — простонала она.

Но что-то подсказывало: ответ на все волнующие вопросы и ключ к тайнам собственного бытия — здесь.

С рождения жизнь ее матери исполнена тайн. Девочку нашли в горной глуши, как она там появилась — неизвестно. Воспитанная индианкой и выросшая в затерянной на западе Мексики деревушке, став девушкой, она поражала своими незаурядными способностями и обладала неподражаемой красотой, которая пленила отца.

Ее мать была необыкновенной.

Джоа не считала себя девушкой наивной или неспособной за себя постоять, хотя в подростковом возрасте, в четырнадцать или пятнадцать, несмотря на уже тогда проявившиеся способности, испытывала неуверенность в своих силах. Однако сейчас она впервые ощутила себя по-женски беззащитной, подавленной, отягченной бременем вопросов без ответа и неразрешимых сомнений. Ее мысли вновь и вновь возвращались к разговору с незнакомцем, вынырнувшим из ниоткуда, чтобы раскрыть ей глаза, поведать историю, невероятнее которой трудно придумать.

— Папа, почему ты мне ничего не сказал?

Из предосторожности? Страх? Или чтобы не вселять преждевременных надежд?

Девушка вновь исследовала вещи, забытые или оставленные Хулианом Миром в гостиничном номере.

Если отец и предполагал исчезнуть, единственное, что он взял с собой — дневник, свой неизменный рабочий инструмент. Приступая к новой теме, он всякий раз заводил новую тетрадь для записей. Если же отца увели насильно, те, кто это совершил, каковы бы ни были их мотивы, сочли необходимым забрать опять-таки только его дневник. Кроме нее этого бы никто не заметил. Следовательно, при открытии дела полиция не должна усомниться, что исчезновение Хулиана Мира

связано то ли с внезапным помутнением рассудка, то ли с несчастным случаем, следы которого пока не обнаружены.

— Папа, ты же записывал все в тетрадь. Но эти записи — всегда итог проделанной работы. Может, ты все-таки оставил здесь что-то, что мне поможет, а?

Она в который раз перебирала кипы бумаг.

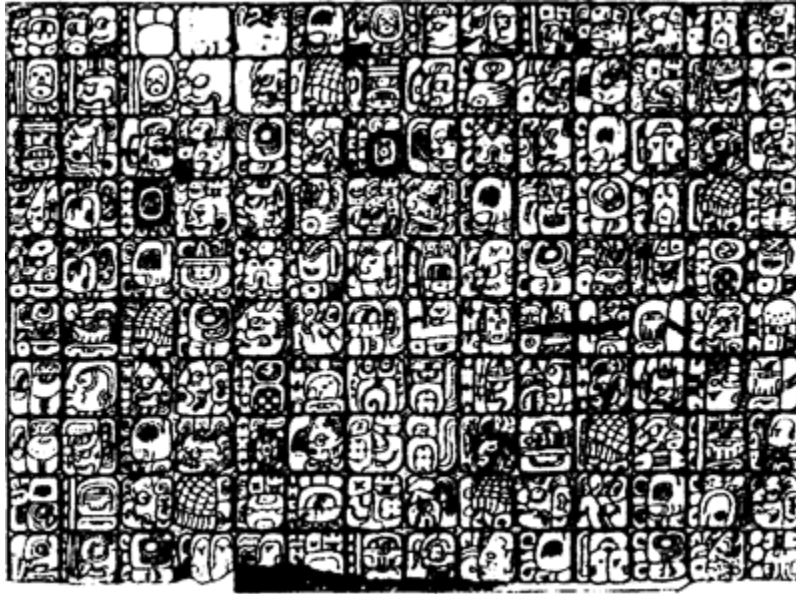
Ее внимание привлекла фотография храма Надписей в Паленке и схема его поперечного разреза с обозначением прохода к гробнице Пакаля.

Большая часть бумаг — рисунки и распечатки текстов из Интернета — касалась этого храма и его гробницы.

Хулиан Мир никогда не брал с собой в поездки много вещей и все делал своими руками. Такова особенность работы в поле.

На одном из рисунков, выполненных отцом, была изображена надгробная плита над саркофагом Пакаля — каменная машина во чреве храма Надписей, ставшая одной из важнейших археологических находок второй половины XX столетия.

Все точно. Фотографии или похожие рисунки с изображением плиты она видела уже много раз.

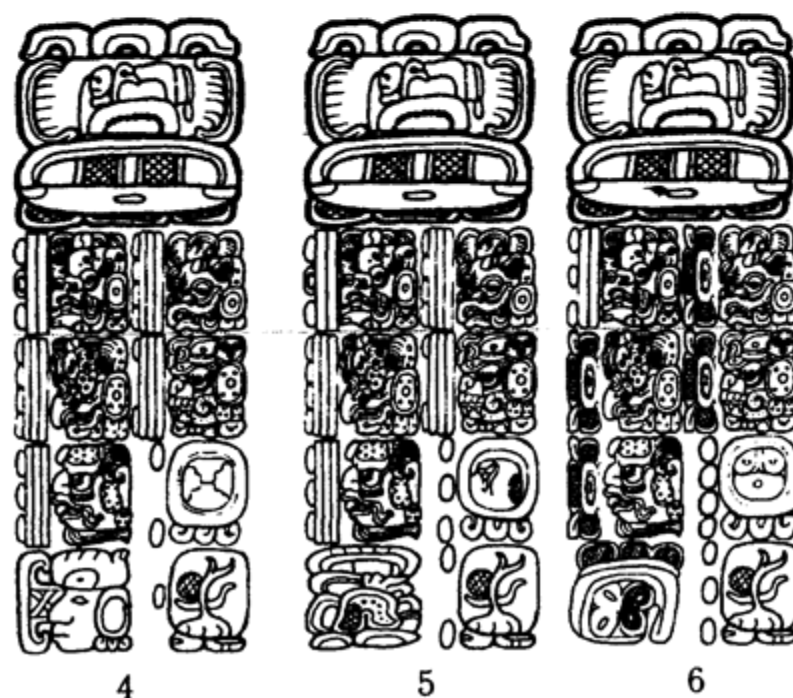
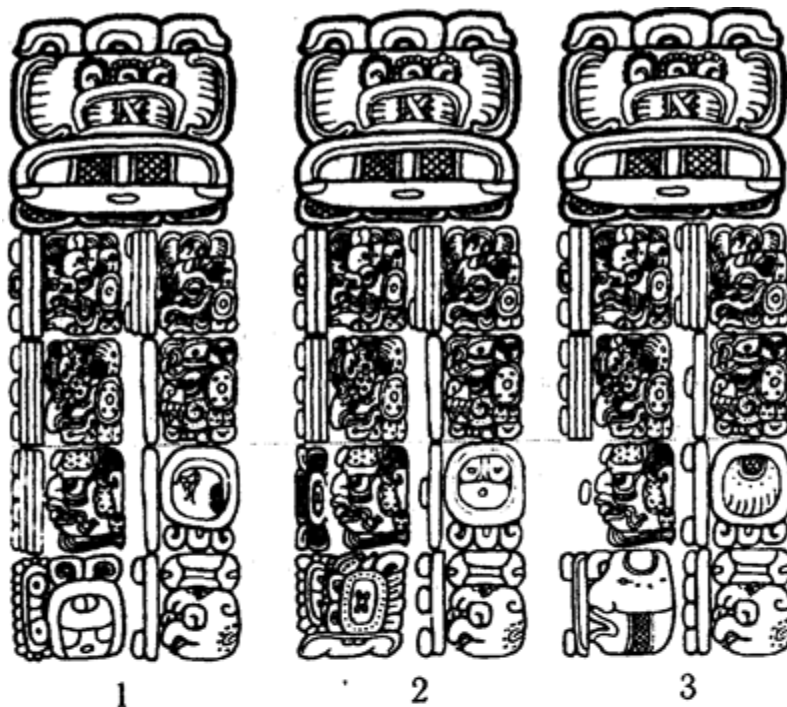
— Помоги мне, папочка, ну же... — шептала она.

На большинстве остальных рисунков были стелы, письмена и опять письмена — забавные символы майя. Символы и понятия. Те немногие сведения, которые получила на лекциях, ей негодились. Чтобы «перевести» все это, требовалось гораздо больше знаний.

И выход в сеть.

Предстояла та еще работенка.

Бросалась в глаза сложная мозаика изображений на центральной доске храма Надписей. Безбрежное море рисунков, отображавших богатую космологию майя и одновременно относительную простоту их бытия. Письмена — каждое в отдельности — представляли собой словно страницы громадной книги, высеченной на стенах этого храма, пирамид, других святилищ и построек Паленке.

Если тут и было что-то, если отец и скрыл подсказку в этом невообразимом нагромождении знаков и понятий, ей будет не просто ее найти.

Под конец она наткнулась на два листка бумаги, на которых рукой отца были набросаны — с присущей ему тщательностью — различные

письмена, объединенные в группы по три и пронумерованные цифрами от единицы до шестерки. По-видимому, календарь. Она была почти уверена в этом.

Однако от уверенности до понимания...

Джоа продолжала рассматривать их. Каждый рисунок состоял из одного большого, очевидно, заглавного символа, под которым попарно, в ряд, в четыре яруса располагались восемь писмен меньшего размера.

Сложная письменность майя, которую девушке не довелось изучить в необходимом объеме, обескуражила ее.

— Ну и что теперь? — выдохнула она.

Собрав фотографии и рисунки, Джоа стала продумывать первые шаги своего расследования.

Сначала — выяснить все здесь, в гостинице. Потом — в Паленке.

И хотя на удостоверениях, выданных официальными властями и организациями страны пребывания и дававших предъявителю право беспрепятственно перемещаться в зоне раскопок древнего города, везде была фотография Хулиана Мира, Джоа, прихватив документы, покинула номер.

По пути Джоа встретила Тадео — юношу, который накануне поднес ей вещи в номер. Сейчас он поливал внутренний сад «Шибальбы». Не выдавая смятения, девушка широко улыбнулась — она отлично усвоила, что улыбкой всегда можно добиться большего, чем серьезной миной.

— Доброе утро, Тадео.

— Доброе утро, сеньорита. — Юноша встрепенулся от гипнотизирующего журчания воды, которой орошал зеленый ковер газона с роскошными цветами. — Как спалось?

— Отлично.

— Рад за вас. — Тадео тоже обнажил в улыбке ряд зубов, несоразмерно крупных при его комплекции.

— Можно я задам тебе несколько вопросов?

— Мне?

— Любая информация полезна, как, по-твоему?

— Ну да, — растерялся он. — Но я ведь не сижу все время на месте и почти ничего не знаю о гостях.

— Мой отец жил здесь довольно долго. Он человек общительный и наверняка с тобой разговаривал.

— Да, это так, сеньорита. Он очень любезный и приятный.

— К нему кто-нибудь приходил?

— Нет.

— Я имею в виду не только в номер, а вообще в гостиницу — когда он завтракал, обедал или ужинал. Или, скажем, сюда, в сад.

— Да нет, он всегда был один.

— Ты видел — я только что завтракала с мужчиной?

— Да.

— Он тебе случайно не знаком?

— Нет.

— А не знаешь, кто ему мог сказать, что я здесь?

— Сказать ему? — глаза юноши расширились в недоумении. —

Не знаю...

— Тебе никто не предлагал денег, чтобы ты помог попасть в его номер?

— Нет! — насупился Тадео.

— Скажи мне правду, — настаивала Джоа. — Я не буду сердиться. Я могу хорошо заплатить за сведения.

— Мать убьет меня! — Юноша и в самом деле был сыном администраторши.

— Твоя мать — хозяйка «Шибальбы»?

— Да, ее зовут Адела.

— Спасибо, Тадео. Извини. — Она примирительно махнула ему рукой и пошла к выходу.

Направляясь к стойке, она чувствовала на себе его взгляд. Но в этот момент внимание Джоа переключилось на красивую индианку в национальном костюме, которая приветствовала ее лучезарной улыбкой. На груди у нее была приколот бейдж с именем — Мария Фернанда. Джоа поинтересовалась у нее, здесь ли сеньора Адела.

Ждать почти не пришлось.

Ее провели в кабинет хозяйки «Шибальбы» — небольшое и довольно уютное помещение. На обитых деревом стенах висели изображения кормивших все местное население руин. Здесь был и Паленке во всей своей нынешней красе, и снимки того времени, когда остатки города майя только обнаружили в джунглях Юкатана. Деревья пронзали камни своими разрушительными корнями; впечатление полного запустения усиливал коричневато-рыжий оттенок выцветших фото. На столе лежала репродукция надгробной плиты Пакаля. Также Джоа увидела календарный круг, *тцолкин* и *хааб* — три шкалы, посредством которых майя исчисляли ход времени и давали названия дням.

Надо бы освежить знания, вспомнить все, что ей об этом известно.

— Хорошо ли вам спалось? — почти слово в слово женщина повторила вопрос сына.

— Да, отлично. Мне действительно требовалось выспаться.

— Вещи вашего отца?..

— По-моему, все в порядке. — Она умолчала об отсутствии дневника с рабочими записями.

— Насколько понимаю, вы хотите спросить меня, не знаю ли я чего-нибудь, но, к великому сожалению...

— Вы сообщили об исчезновении только в наше посольство?

— Еще в местную полицию, но они ограничились тем, что задали пару вопросов. Здесь туристов тьма, приезжают-уезжают тысячами. Но ваш отец не был, как другие, туристом, и они это взяли в расчет. Раз он испанец, и речь идет об исчезновении, они смекнули, что это дело посольства. Понимаете, если б появилось тело, все было бы совершенно иначе. Но, к счастью, это не так.

— Ваш сын сказал мне, что к отцу никто не приходил.

— Это так, можете мне поверить.

— У него не было здесь друзей или знакомых? Работать столько времени в одном месте и...

— Старина Бартоломэ Сигуэнса.

— Кто?

— Примечательная личность здесь, в Паленке. Настоящий эксперт, знаток культуры майя. Это его родная культура, он коренной местный, ходячая энциклопедия и обаятельнейший человек. Когда он был моложе, участвовал во многих раскопках. У него много друзей, и как-то раз я видела его прогуливающимся вечером с сеньором Миром. Иногда он ездил вместе с ним на машине к руинам.

— Где его можно найти?

— На муниципальном рынке, рядом, за аллеей Мануэля Веласкеса. А если не там, то в сквере, не доходя до той же аллеи. Вам каждый скажет.

— Значит, отец ездил к руинам на машине...

— Здесь не более семи с половиной километров, но на машине удобнее, к тому же у нас тут часто сильные дожди.

— А где эта машина?

— Машину он взял напрокат и оплачивал на неделю вперед, так что позавчера агентство ее забрало.

— В автомобиле ничего не осталось?

— Нет, я сама все осмотрела. Карты, какая-то мелочь. Я все перенесла в номер сеньора Мира.

— У вас есть интернет?

— Да, конечно. Ваш отец...

Джоа машинально бросила взгляд в окно.

Сердце чуть не остановилось.

Она не верила в случайности.

На другой стороне улицы, обозревая гостиницу, почти незаметный, если смотреть от входа, но отлично видимый из окна кабинета хозяйки, стоял тот парень, с кем она столкнулась в самолете, когда летела в Мехико. Приятной наружности, смуглый, высокий, с длинноватыми волосами, резкими чертами лица, пронзительным взглядом и атлетическим телосложением.

Такого не забудешь, очень уж привлекательный.

— Что с вами? — обеспокоилась Адела.

— Тот парень...

— Кто? — Женщина обернулась к окну.

— Я сейчас! — Джоа вскочила и пулей вылетела из кабинета.

Она выбежала на улицу, полуденное солнце на мгновение ослепило ее.

Когда зрение восстановилось, парня и след простыл.

Улица Мерла Грина была небольшая, шла под уклон и вправо. Джоа, чтобы обозреть ее целиком, перебежала на противоположный угол, посмотрела вверх и вниз, окинула взглядом прилегающий поперечный переулок в надежде уловить какое-нибудь движение там.

Ничего.

Будто это был призрак.

Или самовнушение.

Интересно, сколько туристов из летевших одним с ней рейсом собирались посетить Паленке?

И действительно ли это был именно тот парень?

— Там кто-то был? — услышала Джоа за спиной голос хозяйки гостиницы.

— Мне, наверное, померещилось, — солгала она.

— Лично я никого не видела.

Нет, ей не привиделось, Джоа ничуть не сомневалась. Никто прежде не овладевал ее мыслями настолько, чтобы его образ ни с того ни с сего возник перед глазами.

— Я, наверное, переволновалась. — Она глубоко вздохнула, наполнив легкие теплым утренним воздухом.

— Вы поедете на руины? — спросила Адела.

— Да, но сначала хочу попробовать встретиться с этим человеком — Бартоломэ Сигуэнсой.

— Вернетесь обедать?

— Пока не знаю.

— Вы можете пообедать и там, но у нас очень хорошо готовят, — не скрывая гордости, с улыбкой констатировала хозяйка. — Вам нужны силы, дорогая.

— Спасибо. Могу я задать вам еще один вопрос? — Женщина кивнула. — Утром, когда я завтракала, ко мне за столик подсел мужчина.

— Да, я обратила внимание.

— Вы его знаете?

— Он никогда не появлялся здесь прежде, уверяю вас. У меня отличная память на лица.

— Ладно, — удовлетворилась она ответом. — Еще раз спасибо. Как мне добраться до рынка?

— Прямо и налево, — показала рукой Адела. — Можно и на машине, но это близко. Если вы потом поедете на руины, лучше сразу на машине, чтобы не возвращаться.

Джоа простилась с хозяйкой и направилась к машине. Она опустила стекла, так как не любила кондиционеры, и тронулась. Минуты через три она уже ехала по аллее Мануэля Веласкеса.

Найдя место на парковке, Джоа углубилась в торговые ряды муниципального рынка, пестревшие товарами, лучшие образцы которых красовались на прилавках. Первая женщина, к которой она обратилась с вопросом о Бартоломэ Сигуэнсе, ответила, что вот уже пару дней его не видела. Вторая сообщила, что он, должно быть, в сквере. Когда Джоа пришла туда, попавшийся навстречу старик указал ей нужную улицу.

— Он живет там, в семнадцатом. Зайдите к нему, — нараспев промурлыкал старикан. — А то уже дня два он что-то не попадаете мне на глаза. Может, занемог.

Улица носила имя Белисарио Домингеса. Семнадцатый номер оказался небольшим одноэтажным домиком с побеленными известкой стенами и некогда зелеными оконными рамами, которых кисть последний раз касалась лет сто назад.

Джоа постучала в деревянную дверь.

Потом снова.

Упорствовать не имело смысла. Она вернулась к машине и, обогнув квартал Ла-Каньяда со сквером, отправилась к руинам, лежавшим южнее Паленке.

Впереди ее ждала встреча с одним из самых загадочных и прекрасных городов прошлого, и ехала она, терзаемая все новыми сомнениями.

В первую очередь — возникшими после разговора и невероятных откровений человека, назвавшегося Николасом Майоралем.

Ее пропустили по документам отца. На фотографию никто и внимания не обратил, по крайней мере, при входе.

Оказавшись на территории комплекса, Джоа потеряла дар речи.

То, что она увидела, превосходило ее ожидания. Это было грандиознее, чем она думала. Гораздо величественнее, чем на фотографиях. Значительно сильнее, чем мог вообразить человек, увлекающийся историей и древними культурами.

Одним словом — Паленке.

— Папа, ну где ты? — сорвался с губ невольный вопрос.

Окруженный снаружи холмами, покрытыми обильной дикой растительностью и скрывающими многочисленные постройки и храмы, внутри Паленке напоминал гигантский газон. По его ухоженному заботливыми руками зеленому ковру каждый день шествовали сотни восторженных экскурсантов. Первое из чудес, представавшее пред очами туристов, — дворец и его башня — поражали своей строгой, идущей из глубины веков красотой. Однако центром притяжения являлась большая пирамида храма Надписей. На мгновение Джоа застыла, не зная, с чего начать — то ли пойти в Храм Надписей и осмотреть гробницу Пакаля, то ли отправиться на поиски недавно обнаруженных захоронений, где еще велись раскопки, то есть объектов 25, 26 и 27. Но тут же подумала, что гробница Пакаля никуда не денется, поскольку доступ в нее открыт, а вот что касается других, тех, где продолжаются работы, — туда попасть, несмотря на имевшиеся у нее «охранные грамоты», будет, по-видимому, не так легко. Девушка оглянулась.

Двигаясь без определенного направления, она скоро наткнулась на табличку с надписью от руки: «Гробница № 25». В земле перед ней зияла самая обыкновенная дыра, в глубину уходили ступеньки грубо сколоченной лестницы. Чуть дальше, метрах в пятидесяти, виднелась еще одна табличка, указывавшая местоположение гробницы номер 26. Вокруг них, на воткнутых в траву металлических прутьях, колыхалась пластиковая лента. Очень просто, без ухищрений.

Из норы, ведущей к объекту номер 25, на поверхность выбрался мужчина.

На вид — лет шестидесяти. Его перепачканное землей лицо покрывали капли пота, лысина блестела в лучах яркого, стоявшего уже довольно высоко в безоблачном небе солнца. Занятый своими мыслями, он не замечал Джоа, пока она его не окликнула.

— Будьте любезны...

Мужчина посмотрел на нее из-за стекол круглых очков.

— Да?

Джоа показала удостоверение отца.

— Меня зовут Джорджина Мир. — Нельзя ли мне...

Незнакомец не дал ей договорить:

— Джорджина?! Не может быть! Боже... сколько раз твой отец вспоминал о тебе, жалея, что ты не рядом с ним и не видишь всего этого! Откуда ты взялась?! А Хулиан? Уже несколько дней, как мы его здесь не видели! Уж не захворал ли?

Вопросов было слишком много, чтобы сразу на все ответить. Да и желания откровенничать она не испытывала. Пока, по крайней мере.

— Да, он приболел, поэтому я приехала одна.

— Что-нибудь серьезное? — На лице мужчины отразилась озабоченность.

— Да нет, ничего особенного.

— Опять, что ли, эти его секреты?! Он бывает такой загадочный!.. Хотя бы весточку какую дал, мы бы съездили его проведать!

— Да вы не беспокойтесь, — не стала вдаваться в подробности Джоа. — У меня выкроилось время, и я решила приехать. Не помешаю?

— Помешаешь? Да я счастлив, что буду твоим экскурсоводом, девочка моя дорогая! А если ты еще и под ручку меня возьмешь! — От такой перспективы он пришел в восторг. — Кстати, зовут меня Бенито Хуарес.

— Вы серьезно?

— Ну, того, что был президентом, величали Бенито Пабло Хуарес Гарсиа. Я же, будучи всего лишь археологом, довольствуюсь именем Бенито Антонио Хуарес Меса. Родом из Гвадалахары, да будет вам известно. — Он горделиво вскинул голову. — Чистокровный халиско!

Джоа подхватила его под руку.

— Отлично! — улыбнулась она. — Итак, с чего начнем?

— С астронавта, подружка!

Они пошли в сторону от вырытых в земле лазов, ведущих к гробницам. Бенито Хуарес без умолку говорил, обрушивая на Джоа лавину информации и мудрых знаний. Сама же она беспрестанно щелкала миниатюрным цифровым фотоаппаратом, предпочитая пока не задавать вопросов и действовать аккуратно. Она здесь никого не знала. Ее, кажется, знали все.

Сколько времени ей удастся держать в тайне исчезновение отца?

— Ты настоящая красавица! — В глазах мексиканского археолога светилось искреннее восхищение. — Прямо как мать.

— Вы были знакомы с моей мамой?

— Конечно же, я знал твою матушку. Прошло уже столько лет! Такая красивая, не похожая на других, неповторимая... Мы с Хулианом давние друзья-приятели. Поэтому-то я и позвал его, когда мы начали находить уникальные вещи в трех новых гробницах — 25-й, 26-й и 27-й. Я пригласил его приехать и как друга, и как эксперта, чтобы он мне помог.

— А что это за уникальные вещи, о которых вы упомянули?

— Отец тебе разве не рассказывал по телефону? Ну надо же! — Он воздел руки к небу. — Эта его извечная осмотрительность! Ни в чем не будет убежден полностью, пока не проверит, а потом еще десять раз не перепроверит! Эти гробницы таят в себе несметное число замечательных камней с поразительными пророчествами, датами, но и множеством «темных» мест!.. Только чтобы извлечь все это из земли, нужно немало времени, но гораздо больше — чтобы расшифровать найденное. Все сохранилось довольно плохо, частично разрушено, на многих камнях письма почти стерлись под воздействием влаги, из-за обрушений подземных галерей, и это серьезно затрудняет прочтение и последующую интерпретацию памятников.

— Мне хотелось бы посмотреть гробницы.

— В двадцать седьмой у нас проблема. Как раз вчера, несмотря на все наши предосторожности, обвалилась часть галереи, и понадобится несколько дней, чтобы расчистить завал, поставить подпорки и укрепить стены. Так что сейчас туда не попасть. Но могу разрешить тебе слазить в две других, только не очень глубоко — на пару метров.

— Спасибо.

Они стояли у подножья лестницы на пирамиду Храма надписей. Джоа первой начала восхождение. Ей показалось, будто, совершая магическое путешествие в прошлое, она вступила в туннель времени, и поначалу она даже забывала фотографировать. Столько раз она мечтала подняться по этим ступеням вместе с отцом... А сейчас рядом шагал незнакомый ей человек, и искала она — одному только Богу ведомо что, отчетливо сознавая, что ее поиски подобны тыканью вслепую в потемках.

— Тебе известна история гробницы Пакаля?

— Отрывочно.

— Заслуга ее открытия принадлежит мексиканскому археологу Альберто Русу, обнаружившему в храме сводчатый коридор с лестницей, ведущей вниз, в недра пирамиды. — Джоа и ее спутник, достигнув верхней площадки, приближались как раз к этому ходу — очень тесному, с низким потолком. Им пришлось подождать, пока пройдет опередившая их группа японских туристов, а перед ней — то ли англичане, то ли американцы. — Русу потребовалось почти четыре года, чтобы преодолеть расстояние, которое мы с тобой «проскочим» сейчас за пару минут. Рус продвигался вперед буквально по сантиметру, аккуратно раскапывал и извлекал грунт, стараясь ничего не повредить... Двадцать пять метров коридора, намеренно заваленного землей, и каменная кладка препятствовали доступу в гробницу. В 1952 году археолог достиг помещения, вход в которое преграждал огромный камень треугольной формы. Это была камера, непосредственно предшествовавшая погребальной. А внутри — скелеты шести молодых людей — жертвоприношение почившему властителю. Оставалось сделать последний шаг — проникнуть в самую погребальную камеру, располагавшуюся на два метра ниже уровня земли.

Они остановились, вновь ожидая идущих впереди экскурсантов, которые осматривали склеп — конечный пункт спуска. Джоа сгорала от нетерпения.

— Размеры погребальной камеры — семь на десять метров, стены украшены лепными рельефами. Монолитный саркофаг, расположенный почти точно по центру, хранил в себе останки — нечто совершенно нетипичное для майя, ибо длина скелета значительно

превосходила обычный рост представителей этого народа. Именно данное обстоятельство и рельеф на плите породили позже легенду о том, что Пакаль якобы звездолетчик. В шестидесятые-семидесятые годы в изображении на камне все хотели видеть астронавта, сидящего в характерной позе в капсуле корабля.

— Эту историю я слышала.

— Для Руса наступил самый волнующий момент, — продолжал Бенито Хуарес. — Плиту, весившую пять тонн, подняли с помощью лебедок, которые с огромным трудом доставили вниз, стараясь ничего не задеть и не повредить. Останки Пакаля лежали в позиции, которую принято называть «decubito supino», то есть на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми ногами. Лицо закрывала мозаичная маска из нефрита, рядом — наушные украшения. На груди — драгоценные изделия из нефрита и перламутра, семена растений и две нефритовых фигурки, изображавшие Бога-Солнце. И на теле, и на приношениях сохранились следы красной киновари. На полу близ саркофага нашли две вылепленные из терракоты головы, раскрашенные красной краской. А, да, еще змею, тоже из терракоты, с телом, простертым от саркофага к двери, — символ неразрывности мира живых и загробного царства.

Подошла их очередь. Впервые ее глазам предстала наяву легендарная надгробная плита. С того места, где стояла Джоа, она смотрелась в перспективе — уходящей в даль. Три метра восемьдесят сантиметров в длину, покрытые барельефом изображений, и длинная надпись, повествующая о свершениях покойного, с датами рождения и смерти как его самого, так и его предков.

— Впечатляет, — Джоа вздохнула.

— Пакаль, которого нарекли Великим, чтобы не путать с одним из его дядьев, носившим такое же имя, родился 6 марта 603 года, стал правителем в 615-м и умер 30 августа 684 года. Календарные даты в мире майя фиксировались с необычайной точностью, очень четко, — пояснил Бенито Хуарес. — Это был властелин, пользовавшийся любовью народа. Именно он и его потомок, которого звали Кинич Кан Балам, что означает «Змей-Ягуар, Обращенный к Солнцу», построили большинство сооружений Паленке. Это была эпоха наивысшего расцвета города и прилежащих к нему земель, поскольку путем

брачных союзов с соседями они добились прочного мира и процветания.

В затылок уже дышали следовавшие за ними туристы, но Джоа хотелось как можно лучше рассмотреть чудесную плиту.

Наконец она вздрогнула, и это помогло ей избавиться от ощущения ледящего душу холода.

Ее взгляд еще раз пробежал по каждому из высеченных на плите сюжетов, хотя из-за полумрака, царившего здесь, самые дальние, расположенные на противоположном конце надгробия, были едва различимы.

Нужно будет прийти сюда снова, и чтоб никто не торопил.

За ее спиной кто-то уже нетерпеливо покашливал.

— Ну, надо идти. — Бенито Хуарес взял ее под руку.

Они поднялись по узкой внутренней лестнице храма Надписей на верхний ярус и спустились по широким ступеням внешней — парадной — лестницы. Уже внизу, на земле, по телу Джоа вновь пробежала дрожь.

— Пойдем, я покажу тебе все остальное. И не отставай. Здесь такие густые заросли, настоящие джунгли. — Он обвел археологический комплекс свободной рукой. — Не успеешь и на пять метров отойти, как ты уже заблудился. Я не шучу. Было много случаев, когда туристки отходили в кусты присесть, а потом стоило немалых трудов их отыскать.

Ей хотелось увидеть погребения, ради которых сюда прибыл отец, но приходилось, не проявляя нетерпения, чтобы не обидеть любезного гида, следовать за ним.

Ее не оставляло двойственное ощущение. С одной стороны — что она что-то увидела в гробнице Пакаля.

А с другой — что за ней следили.

Она то и дело оглядывалась. Ощущение слезки не покидало ее. Из-за этого она не заметила, как влетела в яму и чуть не осталась без правого переднего колеса.

Удар головой о стекло напомнил, что смотреть следует не только в зеркало заднего вида.

Джоа вышла проверить, не повредила ли машину. Присев на корточки, убедилась, что все в порядке. Она выключила двигатель и решила немного остыть в тиши и прохладе наступавшего вечера — благо машина стояла под сенью деревьев.

День выдался изматывающий, насыщенный.

Но исключительно туристический.

Посещение двадцать пятой и двадцать шестой гробниц не дало ничего нового. Все даты и прорицания, найденные в них, были связаны с делами давно минувших дней, в том числе два — с прибытием испанцев. Что же касается двадцать седьмой, то неизвестно вообще, когда ее расконсервируют, да и найдут ли там археологи что-то новое... Нет, ценность гробниц, несомненно, огромна, но для Джоа они ничего не проясняли. Предсказания не поддавались однозначному толкованию. Да и подземные ходы могли оказаться более длинными и глубокими. Работы здесь на годы.

У Альберто Руса четыре года ушло на то, чтобы расчистить лестницу, ведущую в сердце храма Надписей.

Она не могла ждать ни четырех лет, ни четырех месяцев, ни четырех недель.

Ни, быть может, даже четырех дней.

Автобусы с ордами туристов давно проследовали на север, большинство — в Вильяэрмосу. Шоссе было почти пустынным.

Вот проехал мужчина на велосипеде.

Мотоциклист.

Автомобиль.

— Папа, ты что-то нашел в гробницах, или тебя увели только потому, что ты был близок этому?

А что если гробницы вообще ни при чем?

Джоа помассировала веки и с силой надавила пальцами на глазные яблоки, вызвав в глазах феерическую вспышку, рассыпавшуюся снопами разноцветных огней. В этот час в Испании люди уже ложились спать.

Оставшиеся четыре километра она проехала, сосредоточив внимание на дороге.

Когда она притормозила на перекрестке, к ней кто-то приблизился.

— Если не ошибаюсь, вы — дочь сеньора Хулиана?

Джоа вздрогнула, но голос звучал мягко, а интонация уже была уважительной. Лицо произнесшего эту фразу человека было изборождено глубокими морщинами, которые казались тысячелетними — как сама история его народа. Это был стопроцентный майя. Шоколадно-коричневый цвет кожи подчеркивала белая рубашка и широкополая шляпа. В руке — трость.

— Кто вы?

— Бартоломэ Сигуэнса. Мне сказали, вы искали меня. Я знал о вашем приезде.

— Где мы могли бы побеседовать?

Старик, обогнув капот, сел в машину на место рядом с водителем.

— Давайте развернемся, — предложил он. — Лучше, если нас не увидят вместе.

— Почему? — Ее глаза расширились от удивления.

— Предосторожности ради, — пожал плечами ее спутник.

— Мне что-то угрожает?

— Не знаю. — В голосе старика слышалась печаль. — Я не знаю даже, угрожает ли что-то мне самому. Я уверен только в том, что ваш отец исчез, а этот факт заставляет крепко задуматься. Здесь никогда не случалось ничего дурного.

Джоа решила двинуться к северу от городской застройки, будто направляясь в Вильяэрмосу. Она вцепилась в руль, с трудом сдерживая беспокойство.

— Вам что-нибудь известно?

— Не много, сеньорита.

— Вы знаете, где мой отец?

— Нет.

— И не знаете, что с ним могло произойти?

— Тоже нет.

— Что же тогда?..

— Иногда я ездил с ним на развалины, несколько раз мы прогуливались вместе и много разговаривали — об истории, о моем народе, о прошлом... Он — замечательный человек, и с ним легко говорить на любую тему.

— Он не сказал вам, чем занимается?

— Нет, сказал только, что его интересуют новые гробницы и что изыскания в них очень важны для него. Он много говорил о своей супруге и о вас, о том, как искал ее.

— Он рассказывал об исчезновении моей матери?

— Да. Он полагал, что обнаружит здесь следы.

— Следы — в развалинах, которым сотни лет?

— Есть много вопросов, которые ждут ответа, сеньорита, но есть и много ответов, которые ждут правильно заданного вопроса. И не только здесь. Ваш отец ездил также в Ушмаль, Чичен-Итцу... Собирался съездить в Монте-Альбан, в Оахаке.

— Когда вы в последний раз видели отца?

— В ночь, когда он исчез.

— Он что-нибудь сказал?

— Да, что у него был ключ.

— Ключ? — Ее сердце стало биться быстрее. — Ключ от чего?

— Этого я не знаю.

— Он сказал, что ключ был у него или что он его нашел?

— Что был у него... впрочем, я не уверен. Это не одно и то же?

— Нет. Вы не вспомните его слова точно?

Джоа свернула направо, на Северный проезд. И хотя скорость была невелика, он сидел, вжавшись всем телом в сиденье и ухватившись руками за подлокотники.

— Он сказал: «Путь близится к концу, Бартоломэ. У меня есть ключ. Я должен вернуться в Чичен-Итцу». Вот как он сказал, точно.

— В Чичен-Итцу? Зачем?

— Мне это неизвестно.

— И вы не спросили его?

— Мы говорили друг другу то, что хотели сказать, без всяких вопросов. Порой мы шагали в молчании и при этом понимали друг друга. Но чаще обсуждали различные вопросы археологии, толковали

по поводу перевода письмен и значения отдельных символов, не замечая, как бегут часы. Той ночью он выглядел счастливым, был возбужден, и я к этому отнесся с пониманием. Он не сказал мне более ничего, а я не докучал ему вопросами. Но знал, что говорил он о своей жене.

— А когда он исчез, что вы подумали?

Ответ последовал после паузы.

— Не знаю. У меня тогда все в голове как-то спуталось.

— Мой отец боялся чего-то или за что-то?

— Не похоже, хотя временами...

— Продолжайте, — поторопила она.

— Не знаю даже, как это выразить. Он был осторожен. По телефону разговаривал мало, когда мы были вдвоем, часто говорил очень тихим голосом, как будто кроме меня его мог слышать еще кто-то, или оглядывался назад, словно за нами следили. Но если его жена исчезла много лет назад и если он обнаружил какой-то след и шел по нему, это, наверное, естественно.

— Вы чего-то боитесь, сеньор Сигуэнса? Вы упомянули о необходимости соблюдать осторожность.

— Ко мне приходил один человек. Задавал вопросы. Те же самые, что и вы. Но вы-то, понятно, — его дочь. Он же...

— Как выглядел этот человек? — Она застыла в напряжении.

— Странно, — нашелся он.

— У него была трость с серебряным набалдашником в форме львиной головы?

— Да, — морщины на его лице стали как будто глубже.

— Он и ко мне приходил, сегодня утром. Рассказал невероятную историю.

— Я уже старик, сеньорита, — голос Бартоломэ Сигуэнсы сделался слабым и жалостливым. — Повидал в жизни немало зла, бывало — совсем рядом. А этот человек — живое воплощение зла, понимаете? Настолько явное, что на моей памяти, пожалуй, другого такого и не было. Он улыбался, был любезен, но меня не проведешь. Глаза у него холодные. Две ледышки. Будьте с ним осторожны.

— Вы знаете, кто он?

— Нет, но знаю, что он обладает могуществом, и другие — тоже.

— Кто это — другие?

— Он все время говорил «мы». И в его устах это слово обретало какое-то дополнительное измерение. Поэтому-то я и говорю вам, что они могущественны и их следует опасаться. Это и побудило меня встретиться с вами. Чтобы предупредить.

Северный проезд заканчивался. Опять поворот направо — и они влились в Восточный.

— Подбросьте меня до улицы Мигеля Идальго, — попросил он. — На эти дни я перебрался к двоюродной сестре.

— Где это — улица Мигеля Идальго? — Джоа вздохнула, понимая, что больше от него ничего не добиться и что ей самой тоже нечего сказать.

— Я покажу. — Бартоломэ Сигуэнса смотрел вперед.

Сейчас казалось, что ему лет сто.

Однако его мудрость и память измерялись тысячелетиями.

Джоа вернулась в номер.

Путь. Ключ. Чичен-Итца.

Какой путь? Какой ключ? При чем здесь руины еще одного города майя?

Джоа вновь углубилась в находившиеся в комнате бумаги отца. Фотографии, карты, рисунок надгробной плиты Пакаля, два листка с шестью пронумерованными письменами... Досада уже начинала овладевать ею, как вдруг, рассматривая в который уже раз рисунок плиты, она снова почувствовала пробежавшую по телу дрожь.

Девушка вышла поужинать. Но прежде надо было перемолвиться с Аделой. Хозяйку гостиницы она нашла за стойкой, где та проверяла счета постояльцев. Завидев Джоа, Адела улыбнулась.

— Как прошел день?

— Я ездила на развалины.

— Что-то новое удалось выяснить?

— Нет.

Аделе все это явно не нравилось: исчез постоялец гостиницы, к тому же иностранец. Дело в любой момент может получить огласку, разразится громкий скандал.

— Вероятно, вам следует обратиться в местную полицию.

— Я собираюсь сделать это завтра.

— Не думаю, что это поможет, но все же...

— Помните, утром я спросила, есть ли в гостинице интернет, и когда вы стали что-то говорить о моем отце, я... мне показалось, я увидела на улице одного человека. И мы так и не завершили разговор.

— Я хотела сказать, что ваш отец много работал в сети.

— Я могу посидеть за этим компьютером?

— Конечно. Пойдемте.

Хозяйка провела Джоа в крохотную комнатку, главное место в которой занимал расположенный у стены телевизор. Тут же находился небольшой столик с компьютером и стулом перед ним. На виду стояла табличка, извещавшая о стоимости пользования интернетом. Пять долларов в час.

— Хотите войти?

— Да.

— Я дам вам логин. Можете пользоваться бесплатно, сколько вам будет угодно.

— Спасибо.

Адела включила компьютер, ввела пароль и запустила интернет. Когда она ушла, Джоа тут же высветила курсором кнопку «Журнал посещений» вверху экрана и щелкнула мышкой. На экране появился список сайтов, на которые пользователи этой машины заходили в последнее время. Просмотрев папки, где были зафиксированы посещения за период, предшествовавший исчезновению отца, девушка обнаружила ряд страничек, посвященных Паленке и цивилизации майя. На них размещались карты, сведения о Мадридском и Дрезденском кодексах, словарь Джона Монтгомери в издании Фонда изучения мезоамериканских культур и т. п. Заходить на эти сайты с тем же успехом мог любой турист, интересующийся дополнительной информацией. На всякий случай она переписала адреса. Перед тем как закончить с компьютером, Джоа открыла в «Журнале посещений» папку за тот день, когда исчез отец, и обнаружила, что кто-то скачал в формате PDF материал, озаглавленный «Введение в иероглифику майя». Конечно, это мог быть и отец, но вряд ли. Он ведь эксперт, и пособия для начинающих ему ни к чему.

Разве только он хотел перепроверить что-то, пусть даже совсем элементарное.

Джоа спрятала запись с адресами сайтов и пошла в столовую. Там она ни с кем не общалась и старалась не обращать внимания на галдящих туристов.

Вернувшись к себе, она погасила свет и тут же заснула.

Духоту комнаты слегка разбавлял легкий ночной ветерок с улицы. Кондиционер был выключен. Имелся, конечно, определенный риск, что через открытое окно в помещение кто-нибудь проникнет. Москит, например...

Ощущение наваливающейся на грудь тяжести передало в мозг сигнал тревоги. Она проснулась.

Он действовал четко. Правой рукой заткнул ей рот.левой крепко держал ее правую руку. Всея тяжестью своего тела придавил ее к

кровати так, что не пошевелинуться. Свободными у нее остались только ноги. Но дрыгай ими, не дрыгай — ничего не добьешься.

В широко раскрытых глазах Джоа застыл панический страх.

— Спокойно, я ничего тебе не сделаю! Я друг!

Голос — без мексиканского акцента — звучал у самого уха.

Однако смысл слов до нее не дошел.

Она продолжала сопротивляться, так что нападавшему пришлось повторить свое требование.

— Джоа, успокойся, ради бога! Я здесь для твоей безопасности!

На этот раз она поняла сказанное. Сфокусировала полные ужаса глаза на лице ночного гостя и в мягком, призрачном свете, лившемся из окна, признала в нем парня из самолета — того самого, которого она, как ей показалось, видела утром на улице напротив гостиницы.

— Я уберу руку. Только умоляю, не кричи, ладно? Ради твоего блага. Ты должна мне верить.

Джоа кивком дала знать, что согласна. Рука медленно поднялась, освобождая ей рот. Они выжидательно смотрели друг на друга.

— Ну-ну, успокойся, — со вздохом облегчения промолвил парень.

Он по-прежнему лежал, навалившись на нее.

— Почему? — спросила Джоа.

— Что почему?

— Почему я должна тебе верить?

— Я тебе говорю: я друг. Я здесь для твоей безопасности.

— И поэтому можешь влезть ночью в окно?

— Я не хотел, чтобы меня видели. Лучше, если я буду оставаться в тени.

— Ты несешь чушь! — Джоа дернулась, высвобождаясь. — Остаться в тени? Как в дешевом шпионском фильме!

— Я включу свет, ладно?

Он вытянул руку и нащупал выключатель. Джоа заморгала. Он осторожно приподнялся и сел на кровати. В смущении она прикрылась простыней, поскольку спала обнаженной.

— Кто ты?

— Меня зовут Давид Эскудэ.

— Почему ты сказал мне «Джоа»? Только друзья зовут меня так.

— Чтобы ты поняла, что я тоже друг.

— Сказала кошка мышке.

— Я — твой хранитель.

Он произнес эти слова безо всякого пафоса, словно сообщая, кем работает.

— Мой хранитель?

— Ты правда никогда не слышала о хранителях?

— Никогда.

— И о судьях тоже?

Она стала прикидывать — успеет ли, соскочив с кровати с другой стороны, выпрыгнуть через окно в сад? Или лучше броситься к двери и открыть ее? Но она же не одета...

В ловушке. Никаких шансов.

— Хранители, судьи... Да что ты несешь?

— Мужчина, который приходил утром, — судья.

Последние слова возымели действие. Ему удалось завладеть ее вниманием.

— И давно ты за мной... следуешь?

— С того момента, как ты уехала из Барселоны.

— Для моей... безопасности?

— Я тебе уже сказал: я твой хранитель. Что тебе говорил судья?

— Николас Майораль? Он и словом не обмолвился, что он — судья.

— Они называются так не потому, что в действительности судьи, а потому что пытаются ими быть. А мы, со своей стороны, оберегаем дочерей бури и в данном случае — тебя, поскольку ты дочь одной из них.

Дочери бури.

О том же толковал ей утренний собеседник.

— Так что он тебе сказал? — продолжал настаивать назвавшийся Давидом.

— Нет, сначала ты рассказывай. Подробно и по порядку.

— Это длинная история.

— Серьезно? — фыркнула девушка.

— Да, серьезно, — невозмутимо ответил он.

— Ты знаешь, где мой отец? — с надеждой спросила она.

— Нет. Но мы должны его найти.

— Должны? — Ее лицо выражало недоверие.

— Он исчез неожиданно, и тому должна быть причина.

— Он занимался поисками матери.

— Мы в курсе. И полагаем, что он, возможно, нашел ее или нащупал дорогу, которая к ней ведет.

Это уже было выше всяких сил. Разговор и так поверг ее в растерянность, а на последнее заявление она вообще не знала, как реагировать.

— Итак, рассказывай. — Джоа, сдаваясь, скрестила руки. — Правду и ничего кроме правды. А прежде объясни, какого черта я должна верить типу, который следит за мной с самой Барселоны, врывается ко мне среди ночи, пугает до смерти и после этого заявляет, что он мой хранитель, а?

Улыбка Давида Эскудэ ее обезоружила.

Это была улыбка от сердца — чистая и добрая.

Лучившаяся нежностью.

— Хорошо, — согласился он. — Может, тебе будет удобнее, если немного оденешься?

Пока он стоял, отвернувшись, девушка соскочила с кровати и влезла в первое, что попало под руку. Даже не стала надевать нижнего белья. Только футболку и шорты. Она уселась на кровати почти в позе дзен, положив руки на колени.

— Я уже.

Молодой человек повернулся, окинул ее взглядом и не удержался от жеста, выразившего, очевидно, восхищение.

— С чего ты хочешь, чтобы я начал?

— С того, что касается моей матери.

— Что ты знаешь о ней?

— Хм... — Вопрос ей показался, мягко выражаясь, не очень логичным.

— Ты помнишь число, когда она исчезла?

— 15 сентября 1999 года.

— Эта дата тебе ни о чем не говорит?

— Нет.

— Я не специалист по древним культурам, но при изучении обстоятельств их исчезновения мы сталкиваемся с любопытными фактами. И все они, так или иначе, вписываются в жизнь дочерей бури.

— Просвети меня! — с вызовом бросила Джоа.

— Твои родители поженились в 1990 году. Когда она через несколько месяцев забеременела...

— Ничего себе — несколько месяцев. Это произошло в 1993 году.

— Твоя мать была в положении в 1991-м. Ту, которая стала бы ее первой дочерью и твоей старшей сестрой, она потеряла 11 июля 1991 года, в день великого затмения Солнца, которое майя предвещали сотни лет назад.

Джоа утратила дар речи.

— Ты действительно родилась в начале девяносто четвертого, но чуть не умерла в сентябре того же года — в период, совпавший с сильными возмущениями земного магнетизма, из-за которых у перелетных птиц и китообразных, например, были проблемы с

ориентированием, приводившие порой к плачевным последствиям. Сбои наблюдались даже в работе авиаприборов.

— У меня могла...

— Это ничего не меняет. Слушай, пожалуйста. В 1996 году космический зонд «Сохо» зафиксировал, что Солнце не проявляет магнитных полюсов, лишь однородное поле. Это было преддверие солнечных магнитных бурь 1997 года. Годом позже — еще одна загадка: НАСА засекла сверхмощный поток энергии, исходящий из источника в центре галактики. Настолько мощный, что они там буквально потеряли голову. Но и в тот раз никто опять не нашел всему этому разумного объяснения. И вот мы подобрались к полному затмению Солнца 11 августа 1999 года, которое майя тоже предсказали с исключительной точностью сотни лет назад. Месяц спустя, 15 сентября, колоссальный взрыв в глубинах космоса на несколько часов скрыл от наших взоров сияние мириад звезд. В сотни раз возросла интенсивность рентгеновского излучения, гамма-излучения и диапазона радиоволн. Все астрономы планеты объединили усилия, но никто не понимал, что происходит. Никто не мог ничего объяснить, не за что было зацепиться. Короче, загадка вселенских масштабов.

— И именно в тот день исчезла моя мать.

— 11 августа 1999 года мы стали свидетелями не только последнего полного затмения в тысячелетии, но также и крайне неблагоприятного, с точки зрения астрологии, расположения светил. Солнце, Луна, три планеты по одну сторону и три созвездия, соответствующие знакам Льва, Водолея и Тельца, — по другую, образовали большой космический крест. Этот крест был соотнесен с Апокалипсисом, поскольку олицетворял Четырех Стражей Престола. Первый из них описан как лев, второй — похожим на быка, третий — на человеческое существо — это Водолей, а четвертый подобен орлу, который станет Скорпионом. В период с 11 августа по 15 сентября и в последующие дни Землю постигла череда разрушительных бедствий: землетрясение силой 5,9 балла в Греции, 7,4 балла в Турции, 7,6 балла на Тайване, другие землетрясения, например, в Оахаке, в Мексике и иных местах по всей планете, а также катастрофические наводнения в Китае, опять же — в Мексике, пожары... Тысячи и тысячи погибших.

— Это не совпадения? — Джоа побледнела.

— Во вселенной нет совпадений. Ты гораздо больше меня знаешь о майя и других древних культурах. Но в астрологических расчетах особенно точными были майя. Тебе известны их пророчества?

— Да, но так, чтобы навскидку...

— Я тоже не специалист, но в них говорится о наступлении конца света в последних числах декабря 2012 года, то есть всего через три недели. Майя предсказали, что физической первопричиной этого явится луч из центра галактики, который, достигнув Солнца, вызовет на нем ужасную вспышку, и в результате на Землю и другие планеты Солнечной системы обрушатся потоки жесточайшего излучения. От пророчества до действительности... Мы не знаем, что произойдет, как это будет и где, но знаем — когда. И твоя мать имеет к этому отношение, как и все другие дочери бури.

Оглушенная тем, что услышала, Джоа на мгновение прикрыла веки.

— Утром этот человек сказал мне, что...

— Что твоя мать пришла из космоса?

— Да, — выдавила она.

— Все взаимосвязано, Джоа. Может быть, Солнце — это космический корабль. Или гигантский генератор энергии, или же они находятся в пути, а может — пребывают в ожидании в глубинах галактики. Но так или иначе, это связано с их возвращением. Пик максимальной солнечной активности в рамках основного цикла, который длится одиннадцать лет, пришелся на 2000 год. В январе 2004 года отзвуки неожиданно разыгравшейся солнечной бури достигли Земли всего за пятнадцать минут, в то время как обычно излучению на это требуется два часа. Это был самый мощный и таинственный из взрывов, произошедших на Солнце за минувшие пятьдесят лет. И его причина находилась не внутри светила, а вне его — в солнечной короне, поскольку возник он под воздействием ударной волны, связанной с выбросами плазмы. Так, по крайней мере, считают ученые. В том году не было солнечных пятен, что всегда предвещает непосредственную близость повышенной активности. Последствия мы ощутили два года назад, в 2010 году, когда много чего произошло, включая сбои в работе общепланетарных телекоммуникационных систем.

— Какое отношение все это имеет к моей матери и к тому, что она... инопланетянка?

— Я рассказываю тебе, Джоа, об энергии. Дочери бури тоже являются источниками энергии.

— Почему?

— Их направили сюда для сбора информации, в качестве живых антенн, способных принимать или передавать энергию... ну, мы этого точно не знаем. Да они и сами не знают о своих функциях. Пока. Их доставили в конце ноября 1971 года, раскидали по всему миру, в глухих уголках. Там их нашли люди, взяли к себе, вырастили как собственных детей. И с той поры...

— Что?

— Они выполняют роль связных со своей цивилизацией. Майя предсказали конец света или, по крайней мере, нашей нынешней цивилизации, какой мы ее знаем. Однако нам представляется, что будет иначе — произойдет нечто значительное, после чего все переменится. Мы, хранители, стремимся уберечь этот контакт, что бы ни случилось. Это будет великий день, возможно, главный в современной истории человечества. Встреча двух миров или возвращение тех, кто обитал в нашем мире тысячелетия назад. Открытая дверь к звездам. Судьи же, напротив, не желают этого, придерживаются мнения, что инопланетяне — исчадие ада, и поэтому хотят защитить Землю единственным, как они полагают, возможным способом.

— Каким?

— Устранив связных, обеспечивающих возможность контакта.

— Они хотят... убить дочерей бури? — Ей было трудно это вымолвить.

— Нет. Они уже давно могли бы это сделать, когда мы только обнаружили их существование. Я думаю, судьи сознают, что если действовать подобным образом, инопланетяне пришлют других связных и все начнется с начала. Дочери бури им нужны живые — как заложницы, чтобы можно было выдвигать свои требования. Их цель — они.

Они.

Опять эти они, существа из космоса.

Джоа провела рукой по глазам. Слова ночного посетителя уже не вызывали у нее желаний иронизировать.

— До последней недели декабря остается всего несколько дней.

— Именно поэтому так важно найти твоего отца.

— Ты за ним вел наблюдения?

— Нет, мы отвечаем за девочек, вернее уже взрослых женщин, но в данном конкретном случае — за тебя. Только у троих родились дети, у всех — дочери. Возможно, в результате сознательного нарушения предписанных им норм, или по неосторожности, или... Ну, не знаю. Осуществляя контроль за всеми ними, мы владели ситуацией, потому что они — ключ к последующим событиям. То, что стряслось с твоим отцом и твоя реакция — для нас полная неожиданность.

— Я ни за что не осталась бы сидеть дома и ничего не предпринимать.

— Есть и еще кое-что.

— Что? — встрепенулась Джоа.

— Я сказал тебе, что, кроме твоей матери, еще у трех дочерей бури родились дочери.

— Да, ну и что из этого?

— Все три исчезли в один день, не оставив ни малейшего следа, необъяснимо.

Ее лицо стало белым как мел.

— Что это... может значить?

— Возможно, после родов присущие им особые качества и способности перешли к дочерям. — Давид Эскудэ еле заметно вздохнул, не отрывая от нее испытующего взгляда.

С трудом найдя в себе силы, Джоа промолвила:

— Я — никакая не особенная, и мама моя не умерла.

— Возможно.

— Она не умерла, и никуда ее не увезли! Она не поехала бы никуда, не предупредив меня! — Она пыталась скрыть слезы, которые наворачивались на глаза.

Энергия не умирает, она лишь преобразуется, помнишь это?

— А какие они, остальные?

— Они похожи: все — умницы, светлые головы, мозги работают исключительно, творческие натуры... талантливые художницы, поэтессы...

— Сколько их было?

— Пятьдесят две.

— Все — женщины?

— Да.

— Как ты узнал об их... существовании?

— Сильные бури конца ноября 1971 года, необъяснимые с точки зрения метеорологии, не прошли бесследно. Уже через пару лет поползли слухи о различных феноменах, в том числе загадочном появлении особо одаренных девочек-подкидышей... Когда о существовании необычных девочек стало широко известно и подтвердилась истинность их талантов, первыми явились судьи. Мы — позже. Мой отец был хранителем в Италии. Меня посвятили пять лет назад и сразу поручили тебя.

— Ты уже пять лет следи... следуешь за мной?

— Да.

— Боже мой!..

— Я могу рассказать твою жизнь.

— Не стоит, ладно? И все же — это ничего не доказывает.

— Доказывает, что я не причиню тебе зла и ты должна положиться на меня, потому что осталась одна.

— Ты ночью влезаете ко мне в комнату, пересказываешь мне фантастический фильм и так просто, без лишних объяснений

предлагаешь, чтобы я положила на тебя. Не слишком ли?

— Ты все еще не веришь? Джоа, ты не выбирала свою судьбу. Тебе ее определила мать. И этого ты уже не можешь изменить. Если ты заглянешь в свои мысли, согласишься в свое сердце, поймешь — я говорю правду, и никакое это не кино. Ты — не такая, как все, и должна это понять. Через считанные дни произойдет нечто, что мы не способны представить, какие бы теории ни строили по этому поводу. Мы считаем, что все будет хорошо; судьи — что плохо. На кону, возможно, будущее человечества, как это предвещали древние майя задолго до наших дней.

— Они были потомками пришельцев со звезд?

— Мне думается — да, равно как египтяне и древние жители Месопотамии. Все они строили пирамиды. У них очень много общего, некоторые праздники они отмечали в одни и те же дни, их легенды повествуют о весьма схожих событиях... Разве что майя предсказывали будущее с миллиметровой точностью. Они, например, вычислили, что Земля совершает полный оборот вокруг Солнца за 365,2420 дней. НАСА, располагая всеми мыслимыми технологиями двадцатого столетия, на основе произведенных измерений получила результат — 365,2422 дней. Погрешность в две десятитысячных. Как это удалось майя? Каким образом за сотни, тысячи лет они могли знать, когда произойдет затмение? Да и не только это. Они говорили, что период обращения Солнечной системы вокруг центра галактики составляет 25 тысяч лет. Цифры, невероятные для того времени, между тем они сумели расшифровать секреты Земли и космоса! Большой вопрос: они это сделали сами?

— Ты романтик.

— Да, конечно! Романтик, а также реалистический утопист!

— Хранитель — это твоя работа?

— Я преподаватель.

— Чего?

— Литературы, хотя мне пришлось все бросить и следовать за тобой.

— Прикольно. А сколько вас?

— Достаточно, причем везде. Но судей больше, и возможностей у них тоже больше. Среди них много людей с положением. Мы же финансируемся из различных фондов, организаций...

— Как вы узнаете друг друга?

— Существует немало способов, но общего телефонного списка «членов клуба», конечно, нет. Каждый из нас знаком с коллегами по территориальному участку, это необходимо, когда надо оказать помощь или подменить кого-нибудь. В каждой зоне конфликта есть главный хранитель.

— В зоне конфликта?

— Так мы называем места, где проживают дочери бури. Или их дочки, как в твоём случае.

— Почему ты стал хранителем? Пошел по стопам своего отца? А он почему?

— Мой отец влюбился в дочь бури, которую опекал в Катании. Дело было через несколько лет после смерти моей матери. Девушку звали Клаудиной. Отец совершил ошибку: слишком скоро раскрыл перед ней, кто он такой, и она поняла, что им опасно быть вместе. Клаудина ушла от отца, и он... покончил жизнь самоубийством.

— Тебе, наверное, было невыносимо тяжело. Он покончил с собой из-за любви к этой женщине?

— А тебе это кажется невероятным?

Джоа никогда не страдала чрезмерным романтизмом.

Она закрыла глаза и откинула голову назад.

— Что ты хочешь от меня?

— Я хочу помочь тебе в поисках отца.

— А если ничего не случится? Что если это одно из тех предсказаний, которые не сбываются?

— Слишком много признаков, доказывающих обратное, но нам чего-то не хватает, какого-то ключа, и я почти уверен, что твой отец нашел его.

— Я ездила сегодня в Паленке, побывала в гробницах, где он работал, но это ничего не дало. Раскопки продлятся еще годы, и не меньше времени уйдет на расшифровку того, что там обнаружат. Вспомни, что все написанное майя, за исключением писем на стелах, пирамидах или в гробницах, все было уничтожено, когда пришли испанцы. Сохранились только Мадридский, Дрезденский и Парижский кодексы.

— А это? — Давид показал на бумаги ее отца.

— Я просмотрела все самым тщательным образом. И ничего не увидела. Рисунки, фотографии...

— А если он тебе что-то оставил, какой-то знак?

— Я думала об этом.

— Может, ты расстроена и поэтому рассеянна. Вспомни, что говорил Тагор. Слезы мешают видеть звезды на небе.

— Послушай. — Она глубоко вздохнула, пытаясь собраться с мыслями. — Ты говоришь, что дочери бури не знают, какова их миссия, и что через несколько дней грядет, согласно предсказанию майя, конец нашего мира. Либо эти женщины лгут и на самом деле знают, что им предстоит выполнить, либо — в силу близости предполагаемых событий — они не имеют к ним никакого отношения. Возможно, инопланетяне и вернуться, но через сто или тысячу лет.

— Время относительно, это верно. Но мы говорим о существах более высокой организации, которые, вероятно, овладели временем.

— Почему они должны быть обязательно более высокой организации? Потому что путешествуют в космосе, побывали много лет назад на Земле, а потом подбросили сюда полсотни новорожденных девочек?

— А этого разве не достаточно?

— Майя были замечательными астрологами, отлично. Но кроме того, они были кровожадны, приносили в жертву людей. Не считаешь ли ты, что если эти инопланетяне такие крутые, наследие они оставили довольно примитивное?

— Они могли оставить самую суть — знание. А потом, сама знаешь, роду человеческому всегда сопутствуют и кровь, и гнусности.

— Какую связь ты видишь между майя и инопланетянами, если отбросить астрологию и предсказания?

— Как ты думаешь, почему они оставили пятьдесят две девочки?

— А кто знает — может, их было больше?

— Ровно пятьдесят две.

— У майя число 13 — центральное во всех расчетах, — согласилась Джоа. — Это число суставов человеческого тела: один шейный, два плечевых, два локтевых, два запястных, два бедренных, два коленных и два щиколоточных. А 52 кратно 13.

— Вот видишь!

— Фантазеры вечно находят разгадки необычного в самых обыденных вещах.

— Я не фантазер. И ты знаешь: все, что я тебе говорю — правильно.

Джоа глянула в окно. Близился рассвет.

— Это ты обыскивал нашу квартиру в Барселоне?

— Нет. — Он нахмурил брови. — А что, ее обыскали?

— Ночью после того, как мне сообщили, что отец исчез.

— Это могли сделать судьи.

— Зачем?

— Не знаю.

— Нет ли еще кого-нибудь в этом деле?

— Кого?

— Не знаю, хранители, судьи... Охранники? Защитники? Свидетели Познания Вселенной?

— Не надо ерничать.

— Но ведь за мной кто-то следил, и не думаю, что это был ты!

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую.

— Твоя бабушка со стороны матери ничего особенного тебе не рассказывала?

— Нет.

— Давно вы виделись?

— Очень, — призналась девушка.

— Ты в Мексике. Земли уичолов лежат не так далеко. Вдруг ты найдешь там ответы, которых у тебя нет.

Действительно, об этом она не подумала.

— Ты ведь мостик к звездам, ты это понимаешь? — вздохнул Давид. — Дочь одной из них и землянина.

— А две другие — разве нет?

— У них нет отца, который был бы археологом и всеми силами пытался найти любимую жену.

— Мне хотелось бы познакомиться с одной из этих сорока девяти женщин.

— Отсюда ближе всего дочь бури, которая живет в Медельине, в Колумбии. Мы с ней хорошо знакомы. Можно съездить туда. Обернемся за пару дней, если ты считаешь, что это что-то даст.

— Вот так, запросто?

— Если у тебя есть инстинкт, который подсказывает...

Но у нее было еще и то, что ее отец сказал Бартоломэ Сигуэнсе.
Чичен-Итца.

— Поспи немного, — предложил Давид.

— А ты будешь здесь, что ли?

— Я остановился неподалеку. Могу пока собрать вещи, а через часок вернусь.

— Через пару, а еще лучше — через три.

— Годится. — Он встал. — Я не думаю, что твой отец в Паленке, хотя и не представляю, кто мог его увезти и куда. Ну ничего, слетаем в Медельин, может, это поможет.

Он задержал на ней взгляд.

— Слетаем, — подтвердила она.

Давид Эскудэ улыбнулся.

— Спасибо, что доверяешь, ведь я — единственный, кто у тебя есть, — сказал он.

— Не то чтобы доверяю, — отрезала она. — Но ты действительно единственный, кто у меня есть. А теперь оставь меня, хорошо?

Едва неожиданно объявившийся «соратник» скрылся за дверью, как Джоа соскочила с кровати, намереваясь не терять ни минуты.

Она собрала вещи отца и без всякого порядка, заботясь лишь о том, чтобы не помять и не порвать, сложила бумаги в папку. Кинула в дорожную сумку одежду.

Менее чем за двадцать четыре часа два разных человека рассказали ей одну и ту же невероятную историю.

И ответы на ее вопросы были не за тридевять земель, а в этой стране — в Мексике, в той ее части, где живут уичолы.

Но прежде... Чичен-Итца.

Как и в Паленке, там придется действовать на ощупь... но что ей еще оставалось?

Только полагаться на свой инстинкт.

В голове постоянно звучал голос Николаса Майорала: «Вероятно, вы обладаете способностями — умственными и физическими, — о существовании которых пока даже не подозреваете».

Если это так...

Она вышла из комнаты, не оглядываясь. Для завзятых путешественников, а Джоа, сопровождая отца в многочисленных поездках, уже стала таковой, нет ничего более тягостного на свете, чем окидывать прощальным взглядом временное пристанище, которое остается позади и куда они, вероятнее всего, никогда уже не вернуться.

Еще только светало, но не только она была на ногах.

— Уезжаете? — с нескрываемым удивлением спросила госпожа Адела.

— Да, к сожалению.

— И не пойдете в полицию?

— У меня нет времени, и раз они до сих пор ничего не предприняли...

— Что-то случилось?

— Нет, но у меня появилась зацепка.

— Дай бог вам удачи.

Хозяйка «Шибальбы» приветливо улыбнулась.

— Вы были очень любезны, — поблагодарила Джоа.

— Вы вернетесь?

— Не знаю, — призналась она.

— Если найдете отца или он сам объявится, дайте нам знать.

— Конечно, обязательно.

— Ваш отъезд не связан с молодым человеком, который вышел незадолго до вас?

— Вы видели его прежде? — Джоа уклонилась от ответа.

— Нет.

Джоа пожала плечами в знак того, что тема закрыта. Женщина протянула ей руку.

— А счет?..

— Все оплачено, я же вам говорила. А если б даже не так, о чем речь — вы тут были-то всего две ночи. Все в порядке.

— Спасибо.

Джоа подхватила сумку и вышла на улицу в сопровождении Аделы. Убедившись, что поблизости никого нет, в том числе и в первую очередь — Давида Эскудэ, уложила в багажник вещи и папку с бумагами. Дело оставалось за малым.

— Человек, который недавно вышел, вернется.

— Что-то ему передать?

— Что мне не нужны охранн... охранители.

— Я передам.

Джоа захлопнула дверцу, улыбнулась Аделе и тронулась в путь.

Она двигалась в направлении Вильяэрмосы, но не доезжая до нее повернула направо на шоссе № 186 и взяла курс на Мериду. От столицы штата Юкатан и самого крупного города на одноименном полуострове ее отделяли шестьсот с лишним километров плюс расстояние от Мерида до Чичен-Итцы.

Дорога предстояла долгая, возможно — на весь день.

Многое можно успеть передумать.

В прежние времена территорию полуострова Юкатан занимал один большой штат в составе Мексики. Однако местные сепаратисты требовали отделения и провозглашения независимого государства, и правительство страны было вынуждено разделить его на части. Из точки в центре полуострова провели три прямых луча: на юг, северо-восток и северо-запад. Урезанный штат Юкатан разместили в верхнем секторе, справа от него образовали штат Кинтана-Роо, известный ныне своей так называемой майяской ривьерой, а слева — штат Кампече. По нему-то и пролегла большая часть пути Джоа. Рельеф полуострова не отличался разнообразием — сплошная равнина, поросшая лесами. Именно поэтому было легко определить, где находятся руины майя — как уже открытые, так и еще ожидавшие археологов. Любая возвышенность над прилегающей местностью означала, что под ней лежат останки их великого наследия. Пейзаж оживляли лишь эти холмы да редкие деревушки по сторонам шоссе, с висящими у каждого дома неизменными гамаками.

В полдень Джоа остановилась передохнуть.

В тени деревьев у дороги она проспала почти три часа. И хотя сон подействовал на нее чудесным образом, проснувшись, девушка досадовала на себя за потерянное время, поскольку теперь рисковала добраться до Чичен-Итцы лишь поздно ночью. Первоначальное намерение отклониться чуть в сторону от маршрута и посетить по пути Ушмаль пришлось оставить «на следующий раз». Гнать сломя голову она не собиралась, потому что меньше всего хотела остаться без колес или попасть в больницу.

Пока она спала, ей снился Давид Эскудэ.

Во сне он явился не как таинственный незнакомец и уж тем более не как враг, от которого исходит неведомая угроза. Он был ее любимым.

Взявшись за руки, они бродили по пустынному пляжу и целовались под луной, лившей на их головы рассеянный свет.

Как сладко звучал его голос, как нежен был устремленный на нее взгляд!..

Чтобы восстановить силы, Джоа плотно пообедала в кафе у придорожного магазинчика. Она находилась в предместье Чампотона, у самого Кампече, образующего южную часть Мексиканского залива, куда примерно шестьдесят пять миллионов лет назад упал метеорит, который неузнаваемо изменил лик нашей планеты и стал причиной вымирания динозавров. Девушка впервые оценила достоинства мексиканской кухни. Почувствовала даже небольшой прилив оптимизма. День стоял чудесный, яркий, такой светлый, что в мире, казалось, нет места бедам и невзгодам. Сев после обеда за руль, уже на шоссе, она могла спокойно думать о событиях предыдущего дня.

Поездка в Паленке, смутная надежда найти разгадку в гробницах, экскурсия с Бенито Хуаресом, разговор с Бартоломэ Сигуэнсой и, конечно, встречи с Николасом Майоралем и Давидом Эскудэ.

Судьи и хранители.

Звучит фантастически.

На следующей остановке Джоа открыла папку отца и вновь перебрала его бумаги — карты, наброски, два листка с шестью пронумерованными письменами, копия надгробной плиты Пакаля...

На этом рисунке она задержала внимание.

Это странное ощущение...

— Почему? — спросила она, как бы обращаясь к знаменитому изображению «звездолетчика».

Надо все-таки получше изучить культуру майя. Купить хорошую книгу или обстоятельно прочесть интернет. Ее знаний явно было недостаточно. А потому она не осмеливалась делать предположения. Давид Эскудэ высказал ей поразительные гипотезы. И хотя она уже почти поверила в них, все-таки нужны доказательства.

Сделать предстояло очень много.

Джоа двинулась дальше с твердым намерением преодолеть финальный отрезок пути без остановок. К счастью, дороги в штате Юкатан были в хорошем состоянии: власти заботились о туристах. Расстояние от Мерида до Чичен-Итцы — сто семнадцать километров — она буквально пролетела. Ей уже не терпелось поскорее добраться до места, перекусить, принять душ и завалиться спать.

Прежде чем отдать предпочтение какому-либо из отелей, которых в окрестностях было великое множество, Джоа обратилась за советом к таксисту, стоявшему под уличным фонарем в ожидании клиентов.

— Есть четырехзвездочная — «Вильяс Аркеолохикас», с бассейном... Более шикарная — «Асьенда», пять звезд, номера в колониальном стиле и с хорошей библиотекой. — Последние слова были произнесены с особой гордостью. — Много книг об искусстве майя, по истории города, другие материалы... И от той, и от другой гостиницы до раскопок рукой подать.

Решающую роль сыграла библиотека. Джоа ощущала потребность впитать как можно больше знаний о том мире, в котором в течение двух последних месяцев жил ее отец. Без этого поиски будут подобны скитаниям незрячего по пустыне.

Со свободными номерами проблем не наблюдалось — пик сезона миновал, хотя была суббота и постояльцев больше, чем в будни. Джоа зарегистрировалась на две ночи. Служащий проводил ее и доставил багаж в комнату, которая оказалась очень милой.

Поскольку после душа, справедливо заключила Джоа, одеваться будет лень, то первым делом надо успеть поужинать, пока не закрылся ресторан. Но на то чтобы копаться в книгах, погружаться в бездонную кладовую знаний, у нее пока не было настроения.

Всему свое время.

После ужина Джоа кратчайшим путем, не пожелав пройтись по роскошному саду, вернулась в свой номер, приняла душ и уже через четверть часа блаженствовала в нежных объятиях океана снов.

Утром Джоа включила мобильник. Ни одного пропущенного звонка. Ничего удивительного, ведь ее единственная подруга Эстер знала, что она в Мексике. Тем не менее Джоа почувствовала себя одинокой.словно глухая стена молчания отделяла ее от остального мира.

На глаза ей попался телефон отца. Джоа попыталась угадать его ПИН-код и ввела даты рождения — свою собственную и отца, но дальнейшие попытки сочла благоразумным прекратить, чтобы номер не заблокировали. Как ей хотелось услышать родной голос! Она набрала номер Эстер. Было воскресенье, в Испании уже вечер. Разговор состоялся короткий и грустный.

— Где ты? — спросила Эстер.

— В Чичен-Итце. Собираюсь сейчас на раскопки. Отец, оказывается, искал маму. Он сказал одному человеку о каком-то ключе и упомянул при этом Чичен-Итцу.

— А если ничего не найдешь?

— Поеду к бабушке.

— Ты серьезно? — в голосе подруги слышалось удивление.

— Она может ответить на кучу вопросов о матери, которые меня интересуют.

— Когда ты последний раз видела бабушку?

— Давно, — с сожалением констатировала она. — Но я никак не могу забыть того, что она тогда сказала. Она предложила мне поговорить с мамой.

— Она это тебе сказала... после ее исчезновения?

— Да. Мы с отцом поехали к бабушке, думали, вдруг мама у нее. Понимали, естественно, что надеяться абсурдно, но все-таки...

— Как она могла такое сказать?..

— Моя бабушка — знахарка, Эстер. Она видит то, что скрыто от других. Я тогда была еще маленькой девочкой. Сейчас я уже не ребенок. И хочу поговорить со своей матерью.

Пораженная словами Джоа, Эстер не нашла что ответить.

Приняв душ и позавтракав, девушка вышла из гостиницы. Библиотека подождет до второй половины дня, первым делом — раскопки.

Джоа пешком дошла до входа в археологический комплекс — довольно большого уродливого куба, у которого уже толпились группы экскурсантов — по случаю воскресенья более многочисленные, чем обычно. Она не воспользовалась пропуском отца и купила билет. Сразу за входом находилась торговая зона с киосками, предлагавшими туристам разнообразную сувенирную продукцию и всякую дребедень. Гид во весь голос призывал своих подопечных ничего не покупать в археологической зоне у пришлых индейцев.

Джоа усмехнулась. С каких это пор коренное население считается пришлым?!

Ограждение — невообразимое сооружение, возведенное по периметру обширной территории раскопок, — не стало препятствием для тех, кто продолжал жить близ древнего города майя в небольших деревушках, разбросанных по окрестностям.

Джоа миновала аллею с вездесущими торговцами и оказалась на широкой эспланаде. Перед ней во всем своем величии лежали руины Чичен-Итцы. Как и в Паленке, у нее захватило дыхание, хотя здесь все выглядело иначе.

Прежде всего — большая пирамида, которую именуют Замком.

На двух ее боковых сторонах велись восстановительные работы. Две другие, отреставрированные, давали представление о том, какого блестящего расцвета культура майя достигла на этих землях. Два гигантских изваяния в форме змеиной головы у подножия главной парадной лестницы, равно как и сама ориентация пирамиды по сторонам света, играли ключевую роль в ритуальном действе, которое ежегодно, на рассвете 21 июня, в день летнего солнцестояния, собирало там от семидесяти до восьмидесяти тысяч человек. Лучи дневного светила падали на грань пирамиды и отбрасывали из-за ее ребра тени в виде семи треугольников на парапет этой лестницы. Из игры света и теней складывалось изображение движущейся сверху змеи, тело которой увенчивалось внизу каменной головой. Пернатый змей — Кукулькан — ежегодно нисходил на Землю.

Около часа Джоа гуляла на раскопках, фотографируя. Потом поднялась на пирамиду. Восхождение пришлось совершать зигзагом:

ступеньки лестницы были настолько узкие, что стопа на них едва умещалась, даже если ставить ее боком. С верхней платформы она насладились великолепным видом на ансамбль. Затем побывала в храме Воинов со статуей Чак-Мооля, которому приносили в жертву живых людей, и затерялась на площади Тысячи Колонн. Побродила по храму Больших Столов, платформе Венеры, платформе Орлов и Ягуаров, осмотрела Тцомпантли и Площадку для игры в мяч — самую большую и хорошо сохранившуюся из известных. Слова, произнесенные на одном ее конце, отчетливо слышались на другом. Экскурсоводы обращали внимание туристов на акустические особенности древних сооружений: они хлопали в ладоши у подножия ступенчатых пирамид, вызывая в них причудливое эхо наподобие клекота птицы. Площадка для игры в мяч составляла сто шестьдесят восемь метров в длину и семьдесят в ширину, с восточной и западной сторон ее ограничивали стены протяженностью девяносто пять метров каждая, на северном и южном торцах располагались храмовые постройки. Игра, согласно разъяснениям гидов, была ритуальной. Четырехкилограммового мяча можно было касаться только коленями, бедрами и локтями. Выигрывала команда, сумевшая пробросить мяч через каменное кольцо, укрепленное на восьмиметровой высоте. Капитан победителей удостоивался чести быть принесенным в жертву. Ему продольным разрезом вскрывали брюшную полость и извлекали из груди трепещущее сердце. Жертвоприношение совершалось тут же, на площадке, по окончании игры, которая до этого могла продолжаться много часов кряду, поскольку добиться решающего очка было невероятно трудно.

Джоа отправилась в южную часть археологического заповедника, где помимо нескольких храмов — Фаллосов, Иероглифических Столпов, Атлантов, Филинов и других — находились Священный Сенот — колодец, откуда майя черпали необходимую для жизни воду, и обсерватория — так называемый Караколь, — которая предположительно являлась форпостом контакта майя со звездами. Поразительное сооружение, полное мистических загадок, как, впрочем, все прошлое цивилизации, обломки которой предстали перед ее глазами.

— Где же искать, папочка? — с мольбой промолвила девушка.

Возвращаясь к подножью пирамиды, влекомая ее магнетизмом, Джоа прислушалась к рассказу гида, говорившего по-испански. Два с половиной десятка туристов, стоически перенося палящее солнце, внимали словам чичероне, успевая сфотографировать пирамиду и друг друга на ее фоне.

— Чичен-Итца значит «Место у Колодца, где живут Кудесники Воды». Ее символом, жемчужиной и главной достопримечательностью является пирамида, длина каждой стороны основания которой равна пятидесяти пяти с половиной метрам, а высота — двадцати четырем. В ней девять этажей, или уровней, что соответствует числу областей в Царстве Мертвых, нижнем мире майя. Северная парадная лестница — та, которая начинается от двух монументальных змеиных голов...

Облако закрыло солнце. Джоа посмотрела на небо.

— ...А следовательно — эта пирамида построена поверх другой, уже стоявшей здесь ранее, меньшего размера, шестнадцатиметровой, чья единственная лестница, обращенная на север, вела к храму на ее вершине. В наши дни в него можно попасть по узкому, поднимающемуся вверх коридору, который начинается на северной стороне, от внешней парадной лестницы, однако в настоящее время он закрыт...

Голос экскурсовода звучал монотонно, он привычно повторял слова, которые надолго останутся в памяти слушателей.

— По календарю майя сейчас — эра Пятого Солнца. Она началась 13 августа 3113 года до Рождества Христова, а заканчивается через несколько дней, в воскресенье 23 декабря нынешнего года. Хотя существуют также теории, в которых фигурируют иные даты, а именно — 21 и 22 декабря. Подобное расхождение связано с эффектом корреляции времени: в соответствии с некоторыми вычислениями, первым днем эры Пятого Солнца было не 13, а 11 августа. — Последовала пауза, чтобы туристы прониклись значением услышанного. — Зачем я привожу вам все эти цифры и даты? Для того, чтобы показать: майя умели превосходно измерять время. Как мы уже говорили, сейчас завершается пятый цикл из 5125 лет. Следовательно, близится к концу период в 25625 лет. Это очень близко процессии равноденствий, которая также известна как Платонический год, или египетский Великий год и соответствует полному циклу двенадцати астрологических эр общей продолжительностью 25920

лет. — Гид снова умолк, чтобы перевести дыхание и чтобы туристы успели усвоить материал. — Майя считали, что эти циклы из 5125 лет повторяются на Земле и соответствуют — каждый — определенному отрезку истории человечества, которое рождается, развивается и умирает, а потом возрождается в следующем цикле — или Солнце. Начало цикла знаменуется синхронизацией дыхания всех звезд и обитающих на них существ. Таким образом, немногим более чем через две недели, и мы должны помнить об этом, начинается Шестое Солнце, шестая эра. Эра Воды завершилась, по-видимому, всемирным потопом, следующая за ней эра — огненным потопом. Наша нынешняя, эра Движения, должна закончиться землетрясениями, вулканическими извержениями и разрушительными погодными катаклизмами, что фактически уже происходит на протяжении последних лет вследствие необычайно высокой солнечной активности.

— Есть ли доказательства того, что при завершении предыдущих эр исполнялись астрологические предсказания? — спросил кто-то из мужчин.

— В мифологиях различных древнейших культур говорится об ужасных наводнениях, которые произошли двенадцать тысяч лет назад, и о таинственных огненных ливнях немногим более пяти тысяч лет тому назад, которые ряд ученых связывают с приближением огромной кометы, зацепившей земную атмосферу. Так что... соответствие — точное.

Кое-кто из туристов стал посматривать на гида с опаской.

— Как бы то ни было, но говорят все-таки не столько о гибели рода человеческого, сколько о возрождении, возвращении к истокам или даже о переходе к более высокому уровню разума и сознания.

— Майя знали что-нибудь о нашем настоящем? — спросила женщина.

— Ничего. Именно поэтому все интерпретации будущего столь путаны и сумбурны, хотя, скорее всего, ничего и не случится.

— Но Солнце вот уже два года как с ума сошло, не говоря уже о бедствиях, связанных с изменением климата, — продолжала настаивать женщина.

— Вы знаете, они были настоящими астрологами, учеными, свои предсказания основывали на движении звезд, комет... И предвосхитили события, которые произошли позже — сотни и тысячи

лет спустя. Бесспорно, на Земле воплощается в действительность многое из предсказанного раньше, но думать, исходя из этого, что в какой-то конкретный день совершится нечто столь невероятное, как конец света... Разве в последние четыре или пять лет нам не удалось вступить в фазу осознания последствий парникового эффекта и глобального потепления? А может быть, они имели в виду как раз эту трансформацию сознания, и если так — то попали в самую точку, мы уже в новой эре. И не надо больше ждать наступления даты, которую майя в своем календаре обозначили как конец пятой эры и начало шестой, и все это — в рамках одних суток.

Облако, заставшее солнце, уплыло вдаль, и царь-звезда вновь обрушила на их головы свои неистовые лучи.

Глядя на пирамиду, Джоа не могла отделаться от мысли, что, возможно, она располагает всеми деталями, чтобы сложить загадочный пазл.

— А сейчас мы пойдем смотреть... — закончив лекцию на тему о великом пророчестве майя, экскурсовод повел группу дальше.

Джоа все стояла и смотрела на Замок. Ей нужно было всего лишь открыть глаза. Истина была рядом.

Целый день Джоа провела на раскопках: фотографировала, перекусила в кафе у входа в комплекс, потом вновь обошла территорию, внимательно обследовала каждый храм, каждое строение, каждый закоулок и тропинку, прислушиваясь к внутреннему голосу, но больше полагаясь на разум. Всякий раз, когда она смотрела на сделанный отцом рисунок надгробной плиты Пакаля, по ней — необъяснимое дело — словно пробежал электрический разряд. И сейчас в Чичен-Итце девушка надеялась, что что-нибудь вызовет в ней подобную реакцию.

Надежда не оправдалась.

Разум тоже не помог. Потерянное время.

В гостиницу Джоа вернулась невеселая и, прежде чем направиться в библиотеку, решила подняться к себе. Девушка вставила карточку в прорезь электронного замка и толкнула дверь.

Переступив порог, она ощутила неладное.

— Добрый вечер, Джорджина.

Это был Николас Майораль.

Он сидел, удобно расположившись в небольшом кресле. Сложенные руки покоились на серебряной львиной голове трости, которая упиралась в пол меж его ног. Силуэт, подсвечиваемый бликами вечернего солнца, четко вырисовывался на фоне прямоугольника окна. Джоа вдруг представилось, что перед ней демон.

Скорее бежать.

Пока мужчина сидит, преимущество на ее стороне. Да и вообще, он не производит впечатления человека, способного двигаться быстро.

Джоа распахнула дверь.

Они стояли, перегораживая коридор, — высокие, крепкие, с холодными глазами. Их вид был красноречивее слов.

Джоа поторопилась захлопнуть дверь и, вжавшись в нее спиной, с вызовом бросила посетителю:

— Что вам угодно?

— Вам не следовало покидать Паленке. Тем более, таким образом, как вы это сделали, поверьте мне.

— Вы что — защищаете меня, оберегаете, охраняете?..

— Для человека с такой фамилией, как ваша, вы слишком воинственны. Вам известно, что слово «мир» значит в русском языке? Это — тишина, покой и отсутствие войны.

— Да, я знаю.

— Ну да, конечно. — Неопределенный жест сопровождала улыбка с легким оттенком сожаления, как у Марлона Брандо в «Крестном отце» — старом, но неизменно производившем на Джоа глубокое впечатление фильме. — Почему вы уехали из Паленке, не обмолвившись об этом ни словом? Я считал, что мы друзья. То, что я рассказывал о вашей матушке, — правда. И мы здесь ради вашего блага.

— Я знаю. — Она удивилась сама себе, впервые признав это вслух. — И еще я знаю, что вы хотите сломать то, чем она является.

— И чем же это она является? — Брови у него поползли вверх.

— Мостиком, связующим со звездами.

Брови Николаса Майораль оставались в прежнем положении. В глубине сузившихся зрачков полыхало ледяное пламя — еще более жгучее, чем исходивший от всей его фигуры холод.

— Кто это вам сказал? — осведомился он.

Она не стала темнить.

— Хранитель.

Николас Майораль потемнел лицом. Улыбка Марлона Брандо сменилась улыбкой императора из «Звездных войн».

— Что же вам известно о хранителях?

— Не больше, чем о вас — судьях.

— Два дня назад вы ничего не знали. Что произошло за это время? Это связано с вашим побегом из Паленке? — Майораль будто допрашивал ее.

— За два дня можно многое успеть.

— Вы приехали сюда на встречу с кем-то из хранителей? Они здесь?

Джоа подумала о Давиде Эскудэ и пожалела, что его нет рядом.

— Видите ли, сеньорита, — продолжил Николас Майораль, не услышав ответа, — они — фанатики, понимаете? Сумасшедшие слепые фанатики, которые... — Он не нашел подходящих слов, чтобы завершить фразу. — Вам разве это не ясно? На кону будущность

человеческого вида — того, каким мы его знаем. Речь идет о его выживании, о том, кто мы есть сейчас и кем можем стать, о том, заслуживаем мы быть по-прежнему хозяевами собственной судьбы или нет.

— Вы говорите о фанатизме?

— Ради бога, не будьте ребенком! — горячился судья. — Вы увлекаетесь научной фантастикой? А это — не фантастика! Это реальность, это здесь и сейчас! Хранители считают инопланетян панацеей, проводниками в грядущее, в некую новую эру сказочных возможностей, спасителями человечества после тотальной деградации.

— А вы?

— Мы прожили тысячи и тысячи лет и будем продолжать жить, сами по себе, такие, какие есть! Или вы желаете, чтобы Земля стала колонией пришельцев?

— А что если речь идет совсем не об этом? А что если они уже когда-то побывали здесь и хотят вернуться, чтобы посмотреть, чего мы достигли в своем развитии?

— Никакие разумные существа не пустятся в дальние странствия, если ими не движет дух завоевания! Тем более если мир, куда они отправляются, слабее! А мы — слабее!

— Тогда почему они не сделали вчера то, что хотят сделать завтра? Выжидали, пока людишки не размножатся и счет не пойдет на миллиарды, чтобы прийти и съесть нас побольше, сразу всех?

— Как вы можете говорить такое?

— Я — дочь одного из них, или вы забыли? — Джоа, продолжая вжиматься спиной в дверь, демонстративно сложила руки на груди. Хотя страх и неизвестность никуда не делись, она чувствовала, что наливается яростью. — Моя мать была самой лучшей женщиной на свете, и если они там все такие, как она...

— А почему она исчезла, оставив вас одну?

— Я не знаю этого.

— Ну же, загляните в свое сердце, а еще лучше — в голову. Мать всегда остается матерью. Всегда! И что же? У Гитлера тоже была мать, которая и представить себе не могла, что вынашивает в чреве чудовище. И у многих серийных убийц есть жены и дети, которые души в них не чают, считают лучшими на земле. Вы знали ее ребенком! А мы наблюдаем дочерей бури уже долгие годы! Нечто

должно произойти! И у вашего отца, возможно, есть ключ! Помогите нам!

— Вы хотите разрушить...

— Нет! — резко оборвал ее Николас Майораль. — Мы хотим сохранить! Сохранить! Мы добиваемся лишь сохранения человеческой расы!

— Почему вы просто не убили дочерей бури?

— Они прислали бы других, и мы не узнали бы, кто они и где находятся. Поскольку они возвращаются, надо знать, когда и как, но еще важнее — где это произойдет. Знать это, чтобы быть там. Им следует сразу показать, что просто так с нами не справиться, и попытаться раскрыть их уязвимые точки.

— А если они у них отсутствуют?

— Все так или иначе уязвимы.

— Почему глупцы всегда уверены, а умные постоянно сомневаются и мучают себя вопросами?

— Вы хотите обидеть меня, надо понимать? — Он даже фыркнул. — Не надо принимать нас за невежд. Мы отнюдь не случайно называемся судьями.

— Кого вы судите?

— Все, хватит! — Николас Майораль поднялся на ноги. — Боюсь, этот разговор окончен.

— А вдруг они — сытые по горло нами и идиотизмом нашей мышинной возни — возьмут и в наказание сотрут все и вся с лица Земли одним мановением руки? — продолжала атаковать Джоа.

Судья не ответил. Он подошел и с силой ее отодвинул, открыл дверь и приказал двум своим приспешникам войти.

— Я буду кричать, — предупредила девушка.

— Не вынуждайте нас прибегать к силе, — парировал он, пропуская громил в комнату. — Соппротивление бесполезно, — и, обращаясь к ним, распорядился: — Сложите ее вещи в сумку и оплатите счет. Как только все будет готово, уезжаем.

— Как это — уезжаем? Куда? — Нервы у Джоа были на пределе.

Ее вопросы остались без ответа.

Убежать от них невозможно. Их — трое, причем двое — гориллы, именно гориллы: в их облике ничто даже отдаленно не напоминало судей. Сопротивление чревато серьезным риском. Ее парализовал пронзительный страх.

Судьи, хранители... Если ее отца нет ни у тех, ни у других, то кто же еще замешан во всем этом?

Кто его похитил?

Из глубины комнаты она посмотрела в окно, за которым стремительно темнело небо на закате дня. Один этот вид мог навеять мысли об инопланетянах и о предсказаниях, сделанных сотни и тысячи лет назад примитивными землянами. Совершенно ирреальная картина. Театрально-живописные сумерки...

— Даже не пытайтесь, — предупредил один из «крутых», решив, что она оценивает шансы выпрыгнуть с балкона.

Они побросали ее одежду в сумку. Папку с бумагами отца, собранными в гостиничном номере в Паленке, открывать не стали.

Джоа принялась укорять себя, что не удосужилась посидеть над книгами или прошерстить интернет и так ничего не выяснила о майя.

— Мы выйдем отсюда все вместе. — Николас Майораль железной хваткой держал ее под руку. Уже ничто не напоминало в нем респектабельного пожилого джентльмена — это был хищный зверь с леденящими душу глазами. — Счет оплатит Рикардо. — Так, по-видимому, звали типа, который нес ее вещи и папку с бумагами, — а вы, если не возражаете, пойдете с Себастьяном.

— Хорошо, — согласилась она.

— И не надо создавать проблем — ни нам, ни себе, — прессинговал судья. — Если бы вы нам помогали, до такого бы не дошло. В конце-то концов, у нас общая цель: найти вашего отца, а возможно, и мать.

Рикардо открыл дверь. Себастьян сопровождал девушку. Николас Майораль вышел последним. Вчетвером они проследовали до регистрационной стойки в холле гостиницы. У Джоа в голове вертелся вопрос: насколько далеко они готовы пойти в применении силы, чтобы

увезти ее с собой? Если она закричит или начнет вырываться, каковы будут их действия?

Она взглянула на субъекта, что держал ее за руку. Можно было не сомневаться, что он вооружен.

Почувствовав ее взгляд, Себастьян скривил губы в циничной улыбке.

Пока Рикардо разбирался со счетом и другими документами, без которых не обходится выписка из гостиницы, они вышли на улицу и сели в припаркованный у входа джип.

Рикардо присоединился к ним минуты через три.

— Я им сказал, чтоб тачкой занимались сами, — отрапортовал горилла, имея в виду автомобиль, взятый Джоа напрокат. — Все остальное в порядке.

— Ну, поехали, — вздохнул судья.

Джоа прикрыла глаза. Мысли путались, будто ее оглушили. Накатывала очередная волна глубочайшего разочарования. Она бессильна что-либо сделать для своего отца. Вот уже шесть дней тычется вслепую. Шесть дней прошло с момента, когда она получила из посольства сообщение, перевернувшее ее жизнь. Безысходность и страх слились внутри нее и неожиданно породили ярость.

Глухую мощную ярость.

— Куда вы меня везете? — спросила Джоа.

— Вы изучите бумаги, причем сделаете это как следует, — сказал Николас Майораль. — А если уже что-то знаете, мы из вас душу вытряхнем, уверяю вас.

— Что вы ей все выкаете? — спросил Рикардо. — Она еще совсем соплячка!

— У вас, у молодых, ни уважения, ни чувства меры, — с явным превосходством осадил его судья. — Наша гостья — женщина. — Он окинул ее бесстрастным холодным взглядом и добавил: — Ведь так, Джорджина?

— Идите к черту!

Николас Майораль пожал плечами и отвернулся к окну. Джип проехал еще немного по шоссе и свернул на пыльный проселок. Неожиданно их обогнала легковушка, явно летевшая с превышением скорости. Она обдала их облаком пыли и скрылась за изгибом дороги.

Вокруг была такая глушь, что дорога, казалось, ведет в никуда. По-видимому, они собираются бросить машину и взять другую. Или, может, их ждет спортивный самолет.

— Однако что за... — донеслась до нее ругань Рикардо.

Все посмотрели вперед. Поперек дороги стояла легковушка, которая обогнала их минутой раньше.

За рулем — никого.

— Чертов кретин! — процедил Себастьян.

— Пойди посмотри, — приказал судья.

Себастьян пошел к машине. Это была малолитражка, такие обычно берут в прокат.

Себастьян успел сделать не более пяти шагов.

Слева от него неожиданно возникла фигура. Молниеносно, в два длинных прыжка, незнакомец оказался рядом с Себастьяном и мощным ударом ноги поразил его точно в челюсть — до пассажиров джипа донесся короткий звук, напоминающий треск сломанной сухой ветви. Себастьяна, застигнутого врасплох, развернуло вокруг собственной оси, и он стал падать назад. Но спина не успела коснуться земли — второй удар, нанесенный другой ногой, заставил его перевернуться в воздухе.

Он грохнулся на землю лицом вниз и остался лежать без движения.

Только теперь Джоа узнала в нападавшем Давида Эскудэ.

Реакция Рикардо была запоздалой, действия — неверными. Он попытался одновременно открыть дверцу машины и извлечь из кобуры пистолет. Пока поверженный Себастьян не подавал признаков жизни после «аварийного приземления», Давид в мгновение ока подскочил к джипу и, опередив замешкавшегося Рикардо, через проем окна обрушил на него пушечный удар левой. Рикардо довольно хорошо удержал удар, не поплыл, но инициативу утратил. Давид вцепился в него мертвой хваткой, рывком выдернул наружу и, придавая ускорение падению, нанес решивший исход поединка удар — ребром ладони в основание черепа.

Все произошло за считанные секунды.

Но противников у Давида было трое.

У Николаса Майорала тоже имелось оружие.

Джоа, увлеченная дракой, не заметила движения руки судьи. И только когда Давид повернулся в сторону джипа, перехватила его взгляд, обернулась и увидела вытянутую руку, сжимающую пистолет.

И лицо Николаса Майорала.

Побелевший от напряжения указательный палец на спусковом крючке.

У Давида не было шансов увернуться или подскочить к машине и обезоружить противника.

Ярость придала Джоа сил. Будто вдруг включилась спрятанная внутри нее запасная батарея и привела в действие ускоритель в голове.

Глаза девушки лучились энергией.

В момент выстрела пистолет Николаса Майорала дернулся вверх.

Продырявленный металл крыши автомобиля отозвался жалостным эхом.

— В чем дело?! — воскликнул пораженный судья.

Рука с пистолетом опустилась.

С оружия ярость Джоа переместилась на его владельца.

Она действовала на него бесконтактно.

Взглядом опрокинула судью на спину и бросила на пол кабины — так ураганный ветер бросает забытую в непогоду на улице тряпичную куклу.

— Скорее! — Давид протянул Джоа руку, чтобы помочь выйти из джипа и вывести ее из ступора.

— Я не могу уехать без вещей моего отца! — крикнула Джоа и открыла заднюю дверь джипа.

Ее глаза встретились с застывшим взглядом Николаса Майорала, неподвижно лежавшего на полу.

— Не уезжайте с ним! — взмолился он.

Джоа взяла папку с бумагами отца и свою дорожную сумку.

— Это потерянное звено, клянусь богом! — кричал он. — Вы не понимаете этого, Джорджина! Потерянное звено!

Не обращая на него внимания, Джоа подошла к машине Давида, через опущенное заднее стекло забросила на сиденье вещи и уселась рядом с водителем.

Они тронулись с места, не оглядываясь.

Давид Эскудэ не произнес ни слова, пока они не выехали на основное шоссе и не оказались в относительной безопасности, так как по дороге двигались и другие автомобили.

— Как ты это сделала? — спросил он.

Джоа еще не оправилась от шока.

— Сама не знаю, — призналась она откровенно.

— Как это — не знаю? Вот это да! Ты не знаешь?!

— Да, не знаю! — почти с отчаянием воскликнула она.

— Ты же в момент выстрела каким-то образом отвела пистолет в сторону, а потом бросила этого типа — весом, наверное, в центнер — на пол!

Она опустила голову и провела рукой по лицу.

— Что ты чувствовала? — настаивал Давид.

— Ярость.

— Это — мощная сила, — согласился он, обгоняя туристический автобус. — Однако мне, сколько бы я ни ярился, ни разу не удалось сдвинуть с места даже небольшой камушек.

— Помолчи, — почти шепотом попросила Джоа. — Я вся дрожу.

— Если бы у меня были такие способности, думаю, я тоже...

— У меня нет никаких «таких» способностей, не будь идиотом!

— Нет? А что же тогда ты сделала? Элементарный опыт по телекинезу?

— Ты замолчишь или нет?! — взорвалась она.

Давиду очень хотелось погладить ее по руке. Но он сдержал порыв.

Глаза Джоа лихорадочно блестели.

— Ну же, будет.

— Не надо меня успокаивать!

— А что тебе тогда надо? — Он ударил кулаком по рулю. — Я на твоей стороне! Тебе это ясно? И надеюсь, ты хоть теперь понимаешь — у тебя есть только я!

Джоа отвела глаза. Она смотрела в окно, но не видела типичного для этих мест монотонного пейзажа, над которым расстилалась ночь.

— Что с тобой? — поинтересовался Давид.

— Ничего.

— Тебе гордость не позволяет признать это?

— Что у меня есть только ты? — с вызовом бросила она.

— Разве это не очевидно?

— Скажи, чем ты отличаешься от них?

— Тем, что я на твоей стороне! Этого тебе кажется мало?

— То есть ты — как бы блаженный, а они — сборище фанатиков. — Джоа сама не знала, почему ей хотелось задеть его.

— Знаешь, относительно первого определения, — оно неправильное.

— Вы преследуете мечту, бредите межзвездным единением, Великой Встречей, как когда-то хиппи, которые устраивали массовые тусовки в пустынях, взывая к инопланетянам. Или как в смутные времена, когда в любом непривычном явлении людям мерещатся знаки, свидетельствующие о пришельцах из иных миров, и тогда собираются толпы припадочных, камлают и ждут тому все новых подтверждений.

— Те, кто взывает к инопланетянам, действительно блаженные, как и те, кто верит в «знамения». Но мы-то знаем, что пришельцы существуют, нам известно о дочерях бури, мы знаем про тебя.

На какое-то время разговор прервался. Ярость все еще не давала Джоа покоя.

— А что если моя мать была самой обычной женщиной?

— Дочь обычной женщины смогла бы сделать то, что только что сделала ты?

Новая пауза затянулась еще дольше. Пульс у Джоа был, наверное, под сто.

— Кстати, спасибо, что спасла мне жизнь, — спохватился Давид.

— Тебе тоже.

— За что? Тебя бы они и пальцем не тронули. Кстати, куда они тебя везли?

— Не знаю. Они не сообщили.

— Я могу спросить тебя об одной вещи?

— Смотря о чем.

— Почему ты уехала из Паленке?

— Потому что я делаю то, что считаю нужным.

— Ты мне не поверила, да?

— Сначала появляется один человек, который рассказывает мне захватывающую историю, потом — другой, который ее пересказывает. Если исходить из того, что оба говорят правду, почему я должна принять именно твою сторону?

— Но сейчас-то ты мне веришь?

— Как ты меня нашел?

— Ты мне веришь?

— Да! Как ты меня нашел?

— Тебя бесит, что ты должна мне верить?

— Ты ответишь наконец на вопрос?!

— Ты оставила след. К счастью. Еще немного, и я бы опоздал. Появись я на пять минут позже, ты тоже бы исчезла.

— Герой! — фыркнула Джоа.

— Ты еще чувствуешь ярость? — Улыбка примирения скользнула по его лицу.

— Нет, — призналась она.

— Уже неплохо. А то мне не хотелось бы вылететь через окно из машины.

Она откинула голову на подголовник. Ей захотелось забыться хотя бы на несколько секунд, однако он вновь заговорил.

— Твой отец у них?

— Нет. Они тоже его ищут. Они думают, что я — на сознательном или подсознательном уровне — что-то знаю.

— Я тоже так думаю.

— Я смотрела его бумаги, рисунки и ничего не обнаружила. Я даже не знаю, что искать, и есть ли то, что следует искать, в его бумагах.

— Если его нет у судей, у кого он?

Хороший вопрос.

— Зачем ты рванула в Чичен-Итцу?

— Мой отец был там и кому-то обещал туда вернуться. Его слова были: «Путь близится к концу. У меня есть ключ. Я должен вернуться в Чичен-Итцу».

— И ты здесь что-нибудь нашла?

— Ничего, — призналась Джоа. — Но связующее звено — в Паленке. Сначала надо туда. Что-то ускользнуло от меня тогда, по-

видимому, в одной из тех гробниц, а именно — в той, что была закрыта.

— Так мы возвращаемся в Паленке?

Они подъезжали к перекрестку с дорожным указателем. Вопрос Давида совпал с необходимостью выбирать, куда ехать дальше.

— Нет! — с категоричностью, не допускающей возражений, ответила Джоа.

— Почему? — Машина остановилась на линии «стоп».

Джоа объяснила:

— Прежде чем окончательно завязнуть в этой передрыге, я должна встретиться с одним человеком, который поможет мне лучше понять себя, уразуметь, кто я, на что способна, а также понять масштабы игры.

— Я тебя не понял.

Сзади им уже сигналили фарами.

— Ближайший аэропорт — в Канкуне. — Она указала направо.

— Ты хорошо подумала?

— В Канкун!

Давид повернул, и они въехали на шоссе номер 180.

— Ты собираешься вернуться в Барселону?

— Нет, ты что?!

— Ты мне доверяешь?

— Боюсь, что да, — поразмыслив, негромко сказала она и вздохнула. — Но коли ты рядом, чтобы оберегать меня, командовать буду я.

— Что?..

— Да или нет. Торговля неуместна.

— Куда мы летим?

— На землю уичолов, в Сьерра-Мадре, на запад Мексики.

— Так ты собираешься проведать бабушку?

— Она знает о моем прошлом, Давид. Я должна поговорить с ней... и с моей матерью.

— С твоей... кем?

— Ничего, если я отдохну минут десять? — Она устроилась поудобнее, расслабилась и закрыла глаза. — Я расскажу тебе все за ужином, поскольку сильно сомневаюсь, что мы сразу улетим в Гвадалахару.

Давид молчал. Оторвавшись от дороги, смерил ее долгим взглядом.

Правильный профиль, изысканная красота, — все отражало глубокий внутренний мир этой хрупкой на вид девушки, которая вступила в схватку с противоречиями собственной судьбы.

Он улыбнулся.

От Канкуна их отделяло около двух часов езды.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Акоуа

(3—11 декабря 2012 года)

Часть Западной Сьерра-Мадре в мексиканском штате Халиско — сказочно красивая горная страна, изобилующая скалистыми пиками высотой до двух с половиной тысяч метров, зажатыми между ними тесными долинами и глубокими каньонами, прорезанными змеящимися стремнинами водных потоков. Редкие тропы соединяют между собой поселения, где сохраняется уклад жизни, уходящий корнями в седую старину. Особый, отрезанный от большой земли мир.

Территория уичолов, народа, который существует в настоящем, но живет прошлым.

Высоко в горах здесь царство жуткого холода, внизу — дикой жары. Труднопреодолимые пути доступны лишь внедорожникам, но и они не всегда способны справиться с крутыми перевалами, а потому здесь много небольших площадок для легких самолетов, без которых не обойтись в чрезвычайных ситуациях. Основным видом топлива тут остаются дрова, на привозном горючем работают только немногочисленные электростанции, воду добывают из скважин, медицинское обслуживание — на самом элементарном уровне, образование — начальное и лишь в некоторых населенных пунктах — неполное среднее. Уичолы, этническое меньшинство, насчитывающее около двадцати двух тысяч человек, объединены в пять автономных сообществ и проживают главным образом на севере штата Халиско, а также в штатах Наярит, Сакатекас и Дуранго. Они говорят на нескольких языках — *науатль*, *пима*, *яки*, или *кора* и *тепеуано* и сберегли свою самобытность со времен, предшествующих испанскому завоеванию.

Народ *виррарика*, как еще называют себя сами уичолы, сохранил умение усмирять ветер и вызывать дождь или солнце, ибо в основе всего их бытия лежали колдовские ритуалы. Самые древние из них осуществлялись на *митотах* — религиозных церемониях, участники которых исполняли магический танец с особыми движениями, способствующий пробуждению энергии и притоку жизненных соков, — *кипури*. У уичолов не было единого бога — животворящее начало представлялось им частью мироздания. Силы, главенствующие

в их жизни, они почитали братскими и величали по-родственному: Дедушка Огонь — *Татевари*, Матушка Вода — *Татъей Матиньери*, Прадедушка Олений Хвост — *Таматц Каяумари*. Все они олицетворяли различные силы природы, свет небесных светил и являлись связующим элементом с этим волшебным миром. Управляла уичолами каста шаманов — окутанные мистическим ореолом колдуны-воители, которые когда-то одержали важные победы в битвах со сверхъестественными силами. Все повседневные проблемы уичолов решались по установленным ими законам при помощи колдовства и с применением галлюциногенных растений. Главный правитель именовался *Маракаме*, что означает «Тот, который знает», а вновь посвященные в шаманы назывались *Матеваме* — «Те, которые узнают». Таким образом обеспечивалась преемственность и передавалось знание. Даже католицизм, насаждавшийся конкистой, не смог нарушить традиции этого древнего мирка, окруженного горами, всегда обособленного, а потому защищенного от внешних влияний, где время остановилось, а расстояний не существовало.

Обо всем этом Джоа успела поведать Давиду накануне вечером, в маленьком отеле в Канкуне, и на следующий день, во время перелетов — сначала из центрального города майяской ривьеры в столицу страны, а потом в Гвадалахару, откуда они продолжили свое путешествие в затерянный мир на арендованном внедорожнике. Обо всем этом и об истории любви своих родителей.

— Дочери бури все родились в отдаленных местах, — нарушил тишину предзакатного дня Давид.

— Может, это был способ уберечь их?

— Они особенные, я уже говорил тебе. Большинство проявили себя как творческие натуры и получили признание.

— А почему они не пошли в науку? По твоим словам, они — живые антенны и накопители информации.

— Это, вероятно, может служить доказательством, что у них, — Давид указал рукой на небо, — мирные намерения, хотя для нас это и так более чем очевидно, и мы не нуждаемся в доказательствах.

— Они точно ничего не знают ни о том, что произойдет, ни о том, где это будет?

— Мы разговаривали со всеми. Внешне — обычные женщины, у каждой своя жизнь.

— А не может быть, что они запрограммированы на что-то?

— Ты — дочь одной из них. Ты как себя ощущаешь?

— Человеческая половина моей сущности сообщает мне, что я себя ощущаю как всегда, обыкновенно, — решительно заявила она.

Давид притормозил на очередном перепутье, но не успел задать вопрос. Джоа, кинув взгляд на карту территории уичолов, его опередила.

— Сюда, — и ткнула налево.

— Я-то думал, ты наизусть знаешь дорогу.

— А это ты видел? — Она обвела рукой окрестности — пустынную местность, кое-где поросшую деревьями и кустарником. — Последний раз, когда мы приезжали сюда, я была еще девочкой, я ничего не помню. Хотя порой мне кажется, будто я родилась здесь и никуда не уезжала. Это все равно что быть частью чего-то, не сознавая этого. Мама столько рассказывала об обычаях, преданиях.

— Вспомни что-нибудь для меня.

— Мне больше всего нравилось слушать о Матери Кукурузе. — На губах девушки заиграла легкая улыбка. — Она была голубкой, но приняла человеческий облик, чтобы познакомить юношу со своими пятью дочерьми, олицетворявшими пять цветов священного маиса: белый, красный, черный, синий и желтый. Юноша был ужасно голоден, и Мать Кукуруза дала ему горшок с маисовыми лепешками и плошку с маисовым напитком *атоле*. Добрый молодец подумал, что этим ему голода не утолить, но сколько бы он ни съел и ни выпил — лепешки и *атоле* не убавлялись. Когда он наелся, Мать Кукуруза предложила ему на выбор одну из своих дочерей, и он склонил свою голову перед Маис Асуль — самой прекрасной и почитаемой...

— Ты говорила, что твоя бабушка — могущественная шаманка.

— Да. Она знает все о травах и галлюциногенных грибах, магических ритуалах и общении с духами...

— Ты веришь в это?

— Я видела вещи, которые тебя поразят, хоть я и была тогда ребенком.

— Твою мать не готовили к шаманству?

— Моя мама проявляла другие задатки. Бабушка всегда знала, что мама не такая, как они. Бабушка растила и воспитывала ее, но

понимала, что она никогда не принадлежала к миру уичолов и не останется здесь. А когда появился мой отец и увез ее...

— Твоя бабушка никогда не уезжала отсюда?

— Нет.

— А если она уже умерла, а вы об этом не знали?

— Нет, такого не может быть. С нами бы связались. Она живет одна, у нее никого больше нет, но она — уважаемый член своего общества, и всем известно, что у нее есть родные в Испании.

— Ты мне не сказала, как ее зовут.

— Для испаноязычных она — Лусия. На языке *науатль* ее имя — Уаянкаве, что переводится как Печальная Женщина.

— У твоей матери было имя на *науатле*?

— Каэуака — Дочь Молнии. Мне оно очень нравилось, но при мне ее всегда называли обычным именем — Мария.

— И у тебя тоже есть имя на *науатле*?

— Да, — Джоа отвела взгляд.

— Не хочешь говорить?

— Нет.

— Ладно.

— Смотри! — Джоа указала вперед.

По дороге шли первые встреченные ими уичолы. Одежду мужчин составляли *уэррукис* — свободные штаны из домотканого хлопка, вышитые по низу символическим орнаментом, и *катуни* — просторные рубахи с разрезами по бокам, подпоясанные *гуайаном* — широким кушаком из плотной шерсти. Дополняли костюм *кучури* — торба из вышитой ткани через плечо, *тубарра* — шейный платок и *рупуреро* — широкополая шляпа из пальмового листа, украшенная цветами, веточками, перьями и бусами. Одежда женщин было менее броским: *кутуми* — короткая вышитая блуза до талии, *игуи* — юбка с вышивкой по подолу и *рикури* — головной убор из двух полотнищ белой ткани, тоже с вышивкой.

Давид смотрел на них во все глаза, пока они не скрылись позади автомобиля.

Взяв машину напрокат в аэропорту Гвадалахары — столицы штата Халиско, Джоа и Давид отправились на север, перевалили через цепь Сьерра-де-Гуахолотес и оказались в штате Сакатекас. Трасса

номер 23 проходила через городишки Гарсиа-де-ла-Кадена, Теуль-де-Гонсалес-Ортега, Тепечитлан, Тлалтенанго-де-Санчес-Роман и после Момакса вливалась вновь в штат Халиско — северную его оконечность в форме причудливого выроста. Здесь они взяли курс на запад и, оставив позади населенные пункты Тотатиче и Темастриан, повернули в Вилья-Герреро, спускаясь на юг в направлении Боланьоса — восточных ворот в земли уичолов. Финальный отрезок пути они проделали под ласковым солнцем клонившегося к вечеру дня. Глядя на них, нельзя было сказать, что они устали, а ведь им пришлось проехать двести пятьдесят километров и встать ни свет ни заря, чтобы попасть на первый рейс из Канкуна в Мехико. Для Джоа это было возвращением к истокам, для Давида — встречей с неведомым миром. Оба испытывали волнение, каждый — по-своему.

Они не перемолвились почти ни словом до Боланьоса, куда въехали по резко уходящему вниз спуску, — городок лежал в глубине каньона, на берегах одноименной реки. Ее они пересекли по мосту Двух Миров, названному так потому, что он соединял два мира, испанский и индейский. Джоа, которой выпала очередь вести машину на завершающем участке, доехала до самого сердца города — недостроенной церкви Сан-Антонио и выключила мотор.

Давида это удивило.

— Хочешь заночевать здесь, чтобы ехать в горы со свежими силами завтра?

— Нет.

— А что же мы тогда остановились? Я думал, ты хочешь приехать до ночи.

— Ты останешься здесь.

— Не понял...

— Перед бабушкой будет неловко, если она увидит нас вместе. Начнет расспрашивать и не так поймет, если я скажу, что мы — друзья и что ты просто сопровождаешь и оберегаешь. Я должна ехать одна.

— А если?..

— Здесь меня никто не найдет, не волнуйся, — успокоила она его. — Никто не может проникнуть на земли уичолов так, чтобы они не узнали об этом. И еще — я могу передвигаться тут беспрепятственно, а тебе потребуется специальное разрешение, пропуск. Это не туристическая зона со свободным перемещением. Это

охраняемый индейский народ. Так что ты останешься в Боланьосе. Тебе здесь понравится, это старый город рудокопов, хотя смотреть тут, признаюсь, особенно нечего. Могу посоветовать три гостиницы: «Фамилиар», «Реаль-де-Боланьос» и «Халиско». Простенькие, но хорошие. Есть можно опять-таки в «Реаль-де-Боланьос» или же в «Палапе-де-Энрике-Пинедо». Если захочешь адреналина, займись рафтингом или дюльфером^[5].

— Сколько дней тебя не будет?

— Не знаю. Два, три, четыре... Не могу сказать, Давид. Мне нужно не только поговорить с бабушкой.

— А что еще?

Она не ответила, и он не стал настаивать. Учился уважать ее молчание. Поколебавшись мгновение, Давид проникся правотой аргументов Джоа и вышел из машины. Забрал свой чемодан и подошел к ее окошку.

— Береги себя. — Его голос выдавал волнение.

— А ты не скучай, — пошутила Джоа.

— Сможешь позвонить мне на мобильный?

— Если мы в зоне покрытия, конечно.

— Возвращайся, пожалуйста.

— Вернусь.

Оба не решились ни обменяться рукопожатием, ни поцеловаться, ни слегка коснуться друг друга.

Джоа повернула ключ зажигания, двигатель ровно загудел.

От того, с какой скоростью сгущались сумерки, Джоа стало не по себе. Последние километры от Тукспан-де-Боланьос, расположенного в тридцати семи километрах от Боланьоса, до нагорья Ратонтита и ущелья Туле, уже в северном направлении, были самыми трудными. Здесь вообще не было дорог, и горы на каждом шагу скрывали «сюрпризы». Ее окружала могильная темень. Девушка прекрасно понимала — сорвись она с одной из этих отвесных круч, никто никогда ее не найдет.

А она обещала Давиду вернуться.

Подумав о том, что к юго-востоку отсюда, совсем недалеко, по другую сторону хребта Сьерра-Мадре, находится туристический центр Пуэрто-Вильярта, Джоа покачала головой — насколько в жизни все относительно.

В какой-то момент ей показалось, что она заблудилась.

Но нет, у каждого валуна, на каждом пересечении тысячелетних стежек-дорожек инстинкт безошибочно подсказывал, куда ехать, каким курсом двигаться дальше. Девушкой постепенно овладевало спокойствие, оно все росло, но не убавляло ее страхи. И когда спокойствие и страхи уравнивали друг друга, Джоа почувствовала себя сильной. Небеспричинный страх. Небезоглядное спокойствие. Она возвращалась домой, одна, спустя годы. И если в жизни есть особо значимые, переломные моменты, это был один из них.

До этого девушке не хотелось задумываться о способностях, которые выявили в ней события предыдущего дня.

Но она ими обладала, и это ее уже не удивляло.

Сколько времени у нее в распоряжении? Действительно ли решающий день настанет в конце декабря и совпадет с завершением Пятого Солнца по календарю древних майя, и именно поэтому все так спрессовывается и ускоряется? Или же это чистая случайность? Какова во всем этом роль дочерей бури? Кто еще является участником текущих событий и у кого сейчас ее отец, если предположить, что его похитили, а это, похоже, именно так... Почему всякий раз, когда

проглядывает бумаги, рисунки отца, ее тело пронзает дрожь, словно она близка к разгадке, но не видит этого?

Почему она так сухо простилась с Давидом?

Последний вопрос ее взволновал по-иному, заставил улыбнуться и переключиться на другие мысли.

Она его едва знала и только начинала ему доверять. Вчера вечером, в Канкуне, они сидели вдвоем и разговаривали, со стороны, должно быть, напоминая парочку, коих всегда много в туристических центрах на побережье Карибского моря, хотя их беседе менее всего подходило определение «романтическая». Официант, тем не менее, принял их за жениха и невесту или за влюбленных, вогнав Джоа в краску.

Прощаясь в Боланьосе, они вели себя как два полных дурака — неуверенные, робкие.

Она только что с ним познакомилась, но он-то за ней следовал не один год.

Поглощенная этими мыслями, она не заметила, как оказалась на своей земле, у себя дома, — фары автомобиля выхватили из темноты сломанную деревянную доску с названием деревни.

Джоа глубоко вздохнула.

Оставались последние сотни метров. Удивленные шумом автомобиля в столь необычный час, обитатели нескольких домов появились на пороге своих жилищ. За исключением огоньков свечи, керосиновой лампы или чего-то подобного, слабо мерцавших в нескольких окнах, свет нигде не горел, многие, видимо, спали. Все постройки были очень простыми — стены из необожженного кирпича и камней, сверху обмазаны глиной, крыша из соломы. Бабушка жила на другом, западном краю деревни. Джоа ориентировалась без труда, поскольку время здесь будто остановилось — все было как прежде. Из-за позднего часа никто из ребятни не бежал следом. Дальше начинался такой крутой подъем, что вряд ли его можно одолеть на машине. Наверху, на фоне неба, усеянного блестками звезд, в свете растущей луны четко вырисовывались очертания трех стоявших на отшибе домов.

Один из них — ее дом.

— Бабушка...

Джоа не стала брать из машины дорожную сумку, только заглушила двигатель и погасила фары. И бросилась бегом наверх, с каждой секундой приходя во все большее возбуждение. Ей хотелось и кричать и плакать одновременно.

— Бабушка!

В хижине никого не было.

Девушка вышла наружу, передернула плечами от ночного холода, которого до сих пор не замечала. Во тьме различила приближавшуюся фигурку. Старуха с седыми волосами. Судя по тщедушному тельцу, не бабушка. У бабушки более солидная комплекция. Хотя — сколько лет прошло... Как-то с ней обошлась жизнь? В детстве Джоа никогда не задумывалась о возрасте бабушки и сейчас не могла вспомнить, сколько ей может быть лет.

Когда старушка подошла близко и увидела ее, глаза у нее расширились.

Она провела ладонью по своему лицу.

— Каэуака... — еле слышно слетело с ее уст.

Джоа узнала старую Тамари.

— Я не Каэуака, — ответила она как можно мягче. — Я ее дочь.

— *Tla huala chantli.*

— Тамари, я так и не выучилась говорить на *науатле*.

— Ты вернулась домой, — повторила та по-испански.

— Где моя бабушка?

Старуха кивнула в кромешную тьму.

— На Лунной горе, — пояснила она. — Уже две ночи.

— А когда вернется?

Тамари погладила девушку по щекам, взяла ее руки в свои. И лицо старой женщины озарилось счастливой улыбкой человека, нежданно-негаданно облагодетельствованного дорогим подарком.

— Отдохни пока, — сказала она и пожала плечами. — Сегодня уже поздно. Устраивайся и будь как дома.

Здесь времени не существовало, а на Джоа оно давило, заставляло спешить.

Десять минут спустя, укутанная по самые уши, под двумя одеялами, она вмиг заснула на тощем жестком тюфяке, принадлежавшем ее бабушке с незапамятных времен.

Ночь без сновидений, хороших ли, плохих.

Джоа проснулась на рассвете. Ее разбудила тишина. Тишина порой бывает оглушительнее взрыва. Здесь, на землях уичолов, тишина была насыщенной и глубокой, словно изолированность от внешнего мира позволила и ее сохранить в первозданном виде — такой, какой она была в далеком прошлом. Девушка встала, оделась, не забыв про теплый свитер, и вышла на улицу. С вершины холма была видна вся деревушка с разбросанными то тут, то там домами. Вокруг ее машины уже толпилось десятка два с лишним ребятишек, сосредоточенно разглядывавших чудо техники. Как только она появилась у двери своей хижины, их взгляды устремились на нее. Но никто к ней не приблизился. Они уважали ее одиночество. Все обитатели деревни уже знали, что Джоа здесь, но никто ее ни о чем не спросит, пока она не встретится с бабушкой Уаянкаве. Все было в точности как в ее воспоминаниях — слепок застывшего времени.

Джоа позавтракала и ступила на тропу, ведущую к Лунной горе.

Прогулка оказалась не продолжительной. Минут через пятнадцать, в отдалении, она увидела женщину, которая шла в селение.

Свою бабушку Лусию.

Уаянкаве.

Джоа побежала ей навстречу. Согбенная под тяжестью груза, а может, и мыслей, бабушка шла, глядя себе под ноги. Примерно в десяти метрах от нее девушка остановилась, сердце прыгало в груди, дыхание срывалось, стучало в висках. Она ждала, когда бабушка поднимет глаза и увидит ее.

Наконец их взоры встретились.

В глазах внучки одна эмоция сменяла другую.

В глазах бабушки отражалась спокойная мудрость.

— Бабушка...

Слова бабушки ее изумили.

— Я ждала тебя, Акою.

Джоа не спросила даже, почему бабушка ее ждала. Наверное, все уже давно написано в книге судеб. На то она и шаманка. Еще

мгновение они продолжали молча стоять друг перед другом, и наконец Джоя, оправившись от замешательства, заключила бабушку в крепкие объятия. Когда объятия разомкнулись, глаза бабушки искрились любовью. Как и Тамари прошлой ночью, она ласково провела ладонями по лицу внучки, благословляя ее своим прикосновением.

Она пахла землей и дождем.

— Ты так похожа на свою мать, какой она была, когда уезжала отсюда.

Только сейчас Джоя задала вопрос:

— Почему, ты говоришь, ждала меня?

— Мне сказал об этом ветер.

— И он сказал, что я приеду?

— Я видела твоего отца, на корабле, который летел. У него были закрыты глаза.

— Ты во сне его видела?

— Нет, разговаривая с духами. Где он сейчас?

— Не знаю, бабушка. Может быть, с мамой.

Бабушка опустила голову. Сняла с плеча мешок, доверху набитый растениями. Села на валун. Внучка примостилась рядом. Они сидели так, глядя друг на друга и молча вспоминая время, канувшее в реку забвения. В каждой морщинке этого, казалось, столетнего лица запечатлелась память прошлого, прекрасного и безжалостного. Джоя держала ее за руки, ощущая живительное тепло этих шершавых пальцев. Голова бабушки была непокрыта, и длинные серебряные пряди, выбившись из-под ленты, которая перехватывала волосы на затылке, падали ей на плечи, обрамляя лицо.

— Он не с ней, — в задумчивости прошептала она. — Он не принадлежит к их племени.

— Ты имеешь в виду тех, кто принес сюда и дал тебе маму?

— Да.

— Кто они?

Ответу предшествовал взгляд, вознесенный к небесам.

— Они подарили мне то, что я так хотела. — Бабушка по-прежнему была погружена в себя.

— Бабушка, я приехала сюда, чтобы ты мне все рассказала.

— Все?

— Мне нужно знать правду о том, как мама попала к тебе и какой она была!

Бабушка продолжала смотреть в небо. Ее лицо лучилось светом. Избороденное резцом терпеливого божества, оно вмещало в себя целую вселенную.

— Время истекает, Акоуа.

— Какое время?

— Эти женщины должны вернуться.

Пришла очередь Джоа опустить голову. Ей и раньше не всегда было просто понимать бабушку. Похоже, и сейчас мало что изменилось.

Бабушка обхватила ее — опустившуюся перед ней в мольбе на колени — руками и целовала, поглаживая по голове.

Откуда-то налетел ветер, окутал их вихрем пыли и так же неожиданно умчался прочь.

Здесь все казалось исполненным волшебства. Может, просто казалось.

Джоа зажмурила глаза, пытаясь сдержать слезы. Но почувствовала, как две предательских капельки все же скатились по щекам, оставляя мокрые дорожки. Голос бабушки доносился словно издалека, обволакивая ее покровом, сотканным из непонятных, но умиротворяющих слов.

— *Aya e katlapaxe'a uahuac nihaya...*

И вдруг она вспомнила.

Это была колыбельная, которой бабушка убаюкивала ее в своей хижине.

Одетая как женщины уичолов, Джоа по возвращении с гор на добрых полдня завладела вниманием всей деревни.

Теперь уже к ней шли все, от мала до велика — чтобы увидиться вновь и познакомиться, чтобы выразить ей свои теплые чувства и заслужить ее почтение. На Джоа были изумительной красоты *кутуми* и длинная *игуи* до самой земли, вышитые орнаментом с изображениями двуглавых орлов, белок, оленей, цветка лотоса с восемью лепестками — одного из наиболее почитаемых символов уичолов и, конечно же, змей, олицетворявших собой стихию воды. Бабушка дала ей нитки бисера для волос, большое нагрудное украшение и браслеты на руки. Мужчины, особенно молодые, не скрывали восхищения, женщины лишь одобрительно кивали. Все говорили на *науатле*. Джоа мечтала поскорее остаться вдвоем с бабушкой, но приходилось соблюдать обычаи. Ведь вернулась внучка Уаянкаве, дочь Каэуаки. Это — праздник для всей деревни. Событие, нарушающее на пару часов привычное течение жизни, ее вековую обыденность.

Наконец они сели обедать.

Джоа подумала о Давиде, о том, как он там один, как провел свой первый день в Болянхосе, и поняла, что скучает по нему.

Возможно ли, что рядом с ним она чувствовала себя увереннее? Она?!

Лишь после обеда, проведив всех гостей, они наконец остались одни. Вышли из хижины и устроились на пороге.

Видя ее волнение, разговор начала бабушка.

— Что ты хочешь знать?

— Все.

— Есть вопросы, на которые нет ответов, и есть ответы, к которым не подобрать правильного вопроса.

— Почему ты не расскажешь сначала о том, как к тебе попала мама?

— Великая Буря принесла ее мне. — Лицо у нее просветлело. — Это было самое мое заветное желание, единственное, о чем я день за

днем и ночь за ночью упорно молила духов, а уж после смерти твоего деда — и подавно. В тот день, когда я ее нашла, я пошла искать ее.

— Ты ходила искать ее?

— Я услышала ее голос, он доносился издалека. Буря, подобной которой не было ни до, ни после, разрывала небо и нещадно секла землю. Пронзительно выл ветер, подгоняя стонущие тучи, воинственно сверкали молнии и гремели громы, оглушительно ревели горные потоки, прорезая скалы в неукротимом беге к низинам. Но жизнь сильнее стихии. Среди всего этого светопреставления я услышала ее, как сейчас слышу тебя. Я вышла из дома и побрела на ее голос. Когда наконец добралась туда и склонилась над ней, она мне улыбнулась, и все.

— Я всегда думала, что ее кто-то подкинул.

— Я украдкой принесла ребенка сюда и никому ничего не говорила, пока не почувствовала, что он стал моим по праву сердца. Уже никто не мог отнять у меня мою девочку. Мы — уичолы и живем по своим собственным законам. Но твоя мама — полная тайна. Она не родилась в бурю — она рождена бурей. Поэтому я и нарекла ее Дочерью Молнии. В ее присутствии становилось светлее, словно в лучах горного света, когда молния, прорезав небо, разгоняет стаи темных туч. — Бабушка перевела свои усталые, светившиеся добротой глаза на внучку, и заключила: — Нет, Акоуа, ее не подкинули. Никто не мог подкинуть ее в горах. И никто не остался бы в живых, застигни его там та страшная буря. Она пришла с неба.

Пришла с неба.

— Что было дальше, когда она росла?

— Она была необыкновенная. Всегда, с раннего детства. Быстро училась всему. Говорить и ходить начала раньше, чем обычные дети. А потом у нее стали проявляться особые знания и умения. Она говорила с животными...

— Говорила?

— Они ее понимали. Однажды, в семь лет, когда она спала, рядом сел орел. Меня охватил ужас. Я запустила в него камнем, но орел не двинулся с места, только посмотрел на меня таким пронзительным взглядом, что второй раз у меня рука не поднялась. Прошел час, может — чуть больше, Каэуака проснулась. Открыла глазки и увидела возле

себя орла, но не испугалась, а сказала что-то, чего я раньше никогда не слышала, и орел взмыл ввысь и потерялся в просторах неба.

— А что это доказывает?

— Ты приехала из-за тридевяти земель, Акоуа, — покачала головой бабушка. — Ты принадлежишь к двум мирам, но сейчас в тебе преобладает тот мир.

— Я хочу знать, кто я.

— Придет момент, и ты узнаешь.

— Я не могу ждать! Я должна найти папу! Он искал ее!

— Она здесь, — бабушка приложила палец к ее лбу.

— Нет, — запротестовала Джоа. — Ты живешь в мире духов, а мне нужна реальность.

— Есть точка, где все сходится.

— Что за точка?

— Ты сама можешь пойти туда.

— Ты имеешь в виду... принять... что-нибудь такое? — произнести слово «наркотик» у нее не повернулся язык.

— В западном мире наркотики — это извращение. А для нас — ключ к действительности, связь со скрытым нижним миром.

Она не могла поверить этому, и тем не менее...

Связь.

Не было ли это тем, что она искала?

Она закрыла глаза и попыталась привести мысли в порядок.

— Мама обладала каким-нибудь особым даром?

— Да.

— Каким именно?

— Она исцеляла голосом, руками, взглядом.

— Исцеляла?

— Да, — кивнула бабушка.

— Позавчера я взглядом предотвратила смертельный выстрел — отвела в сторону оружие. И только потому, что почувствовала, что мной овладела ярость против того, кто собирался стрелять.

— Ярость — это беспорядок. Ты можешь делать то же самое без нее, достаточно научиться управлять своей энергией. Твой мозг обладает способностями, которые проистекают от звезд.

— Не может быть...

— Каэуака могла видеть — не смотря, осязать — не касаясь, говорить — не произнося слов.

— Но это невозможно!

— Это — дар, а дары просто так не даются, — мягко продолжила бабушка. — У тебя благородное сердце — как и у нее. Ты не должна беспокоиться, что не такая, как остальные. Беспокоятся пусть те, у кого не хватает духа обрести собственную сущность за пределами своих человеческих потребностей. Дар — это еще не все. От того, как дар используется, он может служить добру или злу. — Твоя мама однажды ходила по воздуху.

— Это невозможно, — повторила Джоа.

— Она любила все живое, каждая тварь ей была мила. Как-то она чуть не наступила на змею. Она раздавила бы змею, либо та бы ее укусила. Все решали мгновения. Змея уже разверзла свою пасть, на острие зубов выступил смертоносный яд. Каэуака перед лицом смерти — своей собственной или змеи — оторвалась от земли, сделала три шага по воздуху и вновь опустилась на тропинку. Это выглядело очень красиво. Все — тут, Акоуа. — Бабушка опять коснулась пальцами правой руки ее лба.

Джоа задумалась.

— Что было на маме, когда ты ее нашла? — внезапно пришел ей в голову вопрос.

— Ничего. Она лежала на земле гольшом, но в руке у нее была одна вещь.

— Какая?

Бабушка поднялась. Вошла в хижину и тут же вернулась. И дала ей небольшой камень — овальный кристалл красного цвета. Он не походил ни на один из существующих в природе минералов и, кроме того, был совершенно невесомым.

— Что это?

— Мы так и не смогли узнать.

— Можно я?..

— Да. — Бабушка не возражала, чтобы Джоа оставила его у себя.

Девушка сжала кристалл в правой руке. И хотя он находился в кулаке, казалось, что его там нет, будто от соприкосновения с пальцами он растаял, испарился. Чтобы убедиться, что кристалл никуда не делся, она раскрыла ладонь.

Никогда раньше ей не доводилось видеть такого насыщенного красного цвета.

Ей вдруг страшно захотелось заплакать.

Но тут бабушка произнесла:

— А теперь, Акою, скажи мне, хочешь ли ты поговорить с матерью? Ведь ты приехала за этим, правда?

Рассвет второго дня пребывания Джоа у уичолов был пасмурным. Густой туман скрывал долины, лежащие между гор ниже деревни, и потому казалось, будто дома парят в небе на волшебном ковре-самолете из белой ваты. Солнце не светило — его заслоняла плотная завеса облаков, — не менее белых и оттого холодных.

Обнаружив, что бабушки дома нет, Джоа вышла на улицу и нашла ее за хижинкой.

Она находилась в трансе. Приблизившись, Джоа на мгновение испугалась. Старая женщина, закатив глаза, сидела на земле лицом к скрытому облаками солнцу, спина ее была совершенно прямая. Немного успокоившись, Джоа вспомнила, что и в детстве несколько раз заставляла бабушку в состоянии транса, но никогда он не казался ей таким глубоким, как теперь. И поза была необычной: на корточках, ладони сложены как в молитве, локти упираются в колени. От нее исходило волнение, веяло тайной.

Джоа вдруг поняла, что старая Уаянкаве отправилась за пределы реального мира по ее, Джоа, делам.

Бабушка с великим уважением отнеслась к выбору внучки.

Настрой у Джоа был действительно решительный. Если бы Давид был с ней, он, скорее всего, попытался бы этому воспрепятствовать. Странно — есть люди, которые дружат или поддерживают отношения в течение многих лет, но их ничто не связывает. И наоборот, иным бывает достаточно нескольких дней, если не часов, чтобы между ними возникли весьма прочные узы.

Почему он снился ей той ночью?

Джоа в задумчивости прикрыла глаза ладонью. Нескончаемая череда вопросов. Они осаждали ее постоянно, бесцеремонно нарушали ход мыслей, лезли в голову исподтишка. Вопросы и опять вопросы — вечные спутники сомнений и страхов.

Почему она не просмотрела бумаги отца еще раз?

Нет, дело не в них. Здесь совершенно иной мир, со своими неписанными законами.

Джоа ждала.

Туман рассеялся — и взору предстали долины, облака поредели — и появилось солнце. Едва его первый луч коснулся лица бабушки, она открыла глаза.

— Акоуа, — еле слышно прошептала, увидев внучку.

— Здравствуй, — улыбаясь, ответила та.

Уаянкаве сделала глубокий вдох, наполняя легкие воздухом.

— Духи ничего не ведают, — произнесла она. — Царит великое смятение.

— Значит, я сама должна отправиться туда.

— Ты готова? Это опасно.

— Меня это не остановит.

— Во всем мире принимают наркотики, но делают это по заблуждению и в эгоистических целях. Не для того чтобы найти истину, а чтобы бежать от нее. Мы же не принимаем наркотики, мы пользуемся дарами матери-земли, чтобы стать лучше, очиститься, вырваться к свету. Пейот, грибы, отвары и снадобья, приготовленные так, как это делали тысячи лет назад, — это не игрушки. Туристы приезжают сюда за этим, и на них жалко и смешно смотреть. Их ведет ложь. Но тот, кто ищет единения со своим духом, обретает его.

— Я хочу не только расширить сознание, я хочу поговорить со своей матерью, как мы с тобой вчера договорились. И я готова.

— У тебя достаточно сил?

— Ты знаешь, что да.

— Этот путь нужно пройти до конца — обратного хода нет. Он длится три дня. Ты будешь одна, один на один со своими чудовищами и призраками, страхами и подозрениями.

— Мама там будет?

— Если ты этого захочешь.

— Я этого хочу.

— А если то, что ты увидишь, услышишь или узнаешь, придется тебе не по душе?

— Я буду сильной.

— Свет ослепляет.

— Но не убивает.

— Помоги мне встать.

Джоа подошла и, взяв ее за руки, помогла подняться. Бабушка несколько раз повела головой из стороны в сторону, разминая шею.

Чтобы войти в состояние транса, ей галлюциногены были не нужны. Говоря о трех днях одиночества, Уаянкаве имела в виду самый продолжительный по времени уход за пределы действительности, ограниченный возможностями человеческого организма, — великое испытание, на которое, опасаясь не вынести всех его тягот, решались немногие.

Ибо очищение души и поиск истины, предстоявшие Джоа, исполнены скорби.

Это похоже на то, что испытываешь, приблизившись к воротам смерти, когда догорают последние искорки жизни, заглядывая по ту сторону существования и возвращаясь обратно.

— Пойдем, ты должна подготовиться, — она взяла ее за руку. — Вечером плотно поешь. Эта вечеря — последняя твоя еда на три дня. Я приготовлю снадобье. А сейчас мы пойдем собирать растения и грибы, срезать их ты должна сама?

Они направились в горы. О пейоте Джоа знала очень немного — лишь то, что ей встретилось, когда, интересуясь родиной своей матери, она искала информацию об уичолах, а именно — что это неотъемлемая часть их жизни и верований. Пить пейот здесь не менее привычное дело, чем во всем остальном мире — кофе. Но бабушка говорила о снадобье, то есть смеси из нескольких растений, и это должно унести Джоа в неизмеримо более высокие дали, нежели обычный ритуальный пейот. Уичолы употребляли в основном шесть психотропных растений, которые на языке *науатль* называются *тлапатль*, *олоцухки*, *микстль*, *цинцинтлапатль*, *нанакатль* и *пейотль*, более известный как пейот. Некоторые ошибочно называют его также сан-педро — по имени христианского Святого Петра, хранителя небесных врат, однако сан-педро — это другой кактус, столбообразной формы и значительно крупнее. Пейот, для обозначения которого сами уичолы используют еще слово *хикури*, растет небольшими семействами, как правило под защитой колючих кустарников, которые спасают его от холодов, а своими шипами — и от хищников. Это небольшой кактус серовато-зеленого цвета, с глубоко уходящим в землю реповидным корнем. Растет он крайне медленно — для достижения зрелости ему требуется более пятнадцати лет, поэтому срезать побеги надо очень аккуратно, чтобы не загубить все растение. Диаметр побегов, которых на одном корне может быть от пяти до тринадцати, колеблется в пределах двух-

пятнадцати сантиметров. Наиболее ценятся растения с пятью побегами, так называемые звездочки, поскольку в них алкалоиды содержатся в самом концентрированном виде. Латинское название этого кактуса — Лофофора Уильямса (*Lophophora Williamsii*), в переводе означает «растение, вызывающее удивление в глазах».

Джоа нашла кактус с семью побегами.

— Возьми, — Уаянкаве протянула внучке старый остро заточенный нож, — срежь, как я учила.

И для наглядности показала еще раз — вровень с землей, чтобы не повредить корень.

Джоа проделала эту операцию медленно, сознавая, что совершает первый шаг, после которого отступить будет поздно.

— У тебя ладно получилось, — бабушка спрятала пейот в матерчатую сумку. — Ну, пошли дальше, нам еще другие растения надо найти.

Они продолжили поиски, двигаясь теперь под гору.

Глаза старухи ощупывали землю зорким взглядом, от которого не укрылся бы, наверное, и муравей на расстоянии выстрела.

На приготовление снадобья ушло более двух часов. Джоа наблюдала, как бабушка отмеряла, резала, толкла, варила и парила, соразмеряла отдельные части и смешивала их. Головки побегов пейота лежали в стороне. Джоа уже знала, что должна будет съесть их. А снадобье — это варево, приобретающее все более и более отталкивающие вид и запах — предназначено для усиления действия пейота.

В недолгий путь можно отправиться после малой дозы — достаточно одной-двух головок пейота. Для более длительного странствия требуется от трех до шести. А начиная с семи головок — это уже хождение продолжительностью не менее десяти часов.

На столе лежало семь головок.

Бабушка говорила о трех днях.

Наверное, можно успеть спуститься в самую преисподнюю.

Когда варево подоспело, Уаянкаве перелила его в кувшин. Жижя неопределенного бурого цвета, Джоа даже почувствовала рвотный позыв. Оставалось главное: совершить жертвоприношение. Бабушка вышла из хижины и вернулась, держа в руках курицу. Не произнося ни слова, вручила ее внучке.

Джоа должна была ее умертвить.

Глядя на капли дымящейся крови, вновь переборола в себе тошноту. Подобие улыбки, промелькнувшее на лице бабушки, ее не удивило. Обе продолжали хранить молчание, пока Уаянкаве ощипывала перья и колдовала над курицей, стряпала кушанья из кукурузной муки, фасоли и риса. И не жалела воды, лила ее ручьями.

Когда вся снедь была приготовлена, начало вечереть.

— До полной темноты остается час, — заметила бабушка.

— Это будет сегодня ночью?

— Да. Важно не пропустить правильное время. Самое подходящее — когда вечер превращается в ночь.

Джоа приступила к трапезе и уже скоро в изнеможении отвалилась от стола.

— Я больше не могу... — взмолилась она.

— Ешь еще.

— Ну, бабушка...

— Ешь! — Ее тон не допускал возражений.

— Это чтобы я была сильной?

— Все это ты исторгнешь из себя, — в голосе старухи зазвучали торжественные нотки. — Чем больше ты съешь, тем чище станешь, освободившись от этой еды, ибо с ней ты изгонишь из себя демонов. А после ты должна съесть побеги пейота и то, что я приготовила для усиления их действия. Лучше это делать на пустой желудок. Это совсем не то, что в твоём мире называют «трипповать». Это — серьезное дело, Акоуа. Это великое перемещение.

— А ты где будешь?

— Рядом, но не с тобой. Это путь одинокого странника.

— Это будет длиться три дня?

— Вероятно. Если ты не выйдешь из этого состояния, я тебе помогу, не беспокойся.

— От этого никто не умирал?

— Нет.

— А почему это опасно?

— Чего не знают, того не боятся. Когда вернешься, узнаешь. Возможно, это тебе поможет. А может — навредит. Это может просветить, а может подавить. Все зависит от тебя, от того, как ты будешь смотреть, чувствовать, истолковывать и воспринимать.

Наконец на тарелках ничего не осталось. Джоа распирало от съеденного. Она даже испугалась, как бы ее не вывернуло раньше положенного времени. Бабушка встала из-за стола и нанесла ей на лицо символическую раскраску. Потом покружилась в ритуальной пляске, делая пассы украшенными перьями палочками — *мувиери*. Кому-то происходящее могло бы показаться смешным, но только не Джоа — ее мать была дочерью уичолов, хоть и приемной.

Когда крепко веришь во что-то и вера эта проистекает из глубин минувших веков, смеяться — кощунственно.

Настало время, и бабушка взяла ее за руку.

— Пора, Акоуа.

Они взяли кувшин, пейот, циновку, одеяло, полотенце и свечу и вышли из хижины.

Джоа ни о чем не спрашивала. Она и так знала, куда они идут. На Лунной горе были пещеры, которые в давние эпохи служили жильем их предкам. Хотя и не очень глубокие, эти пещеры были замечательны тем, что их гладкие стены одинаково хорошо защищали и от холода, и от жары. Кроме того, там имелись источники родниковой воды. Все это создавало внутри особый микроклимат. Идеальное место для того, чтобы оставить ее там одну.

Добрались они туда с последними лучами дневного света, за считанные минуты до наступления ночной тьмы. Вошли в пещеру, которую бабушка выбрала, по-видимому, заранее. Но далеко углубляться не стали — остановились метрах в десяти от входа. Здесь не было ни холодно, ни жарко. Уаянкаве зажгла свечу и расстелила на полу циновку — на ней разместила кувшин и пейоты. Подле положила свернутое одеяло и полотенце, опустилась на колени. Джоа — рядом. С губ Уаянкаве монотонно полились слова шаманского заклинания. В завершение она нагнулась в поклоне вперед и коснулась циновки руками, которые во время ритуала держала простертыми над кувшином.

Затем встала и позвала за собой Джоа к одному из родничков, бывшему из стены пещеры.

— Раздаться.

Вопросы были ни к чему. Она послушно сняла с себя одежду, и бабушка, черпая руками ледяную воду, омыла ей голову, грудь, живот, бедра, спину... Джоа дрожала от холода, но терпела. Бабушка сама не спеша вытерла ее, промокая полотенцем и слегка растирая кожу, в которую постепенно возвращалось тепло. На лице Уаянкаве застыло выражение глубокой серьезности. Джоа оделась, и вместе они вернулись туда, где лежала циновка.

Момент истины.

— Сядь и сосредоточься. Думай о том, что ты хочешь увидеть и узнать. Думай о своей матери. Открой ей свой разум, свое сердце и свой дух. Чем спокойнее ты будешь себя чувствовать, тем лучше перенесешь то, что тебе предстоит. В течение трех часов тебя должно вырвать, и ты освободишься от всего съеденного за ужином...

— А вдруг не вырвет?

— Вырвет! — молвила Уаянкаве, явно рассердившись, что ее перебили. — Ровно через три часа после моего ухода, когда ты уже

очистишься, съешь, обязательно — пережевывая, пейоты и запей содержимым кувшина. Потом ляг на циновку, вытянись и закрой глаза. Ты почувствуешь, что переходишь в иную сферу, это переход в два приема: по небесному мосту до грозовых облаков, а оттуда — к порогу космоса. Ты попадешь в мир мыслей, побываешь за пределами земли, совершишь путешествие в прошлое и проникнешься его жизнью. Обретай знание и мудрость. Не воюй. Чувствуй и сопереживай.

Она закончила напутствие, и теперь они смотрели друг на друга. Отблески слабого света свечи плясали на их лицах, своде и стенах пещеры.

Бабушка поцеловала ее в лоб, поднялась и ушла прочь, не проронив более ни слова.

Эти три часа тянулись бесконечно долго.

Страха у нее не было — было чувство глубокой значимости того, что предстоит. Джоа никогда не принимала наркотиков, не верила в их «чудодействие» и ни за что не стала бы гробить здоровье вредными веществами. Но это — она знала — совершенно иное. И тем не менее в глубине души сохранялось предубеждение, несмотря на то, что в жилах ее бабушки текла кровь уичолов, среди уичолов выросла ее мать, а значит и она сама — тоже их роду племени.

Тошнота подступила — вслед за тревогой — в начале второго часа. В животе внезапно все закрутило и завертело, завязало в тугой узел внутренности, и рвотные спазмы пулеметной очередью рвали ее тело, идя волнами снизу вверх. Она не пыталась их сдерживать, но и ничего не делала, чтобы ускорить процесс. Ее бросило в жар. Пот полился градом, словно после километровой пробежки под августовским солнцем где-нибудь на пляже Косты-Бравы. Почувствовав, что огнедышащая лава вот-вот извергнется из ее желудка-вулкана, она рывком перевалилась на бок.

Густая рвотная масса поднялась к горлу и потоком вырвалась изо рта.

Ей пришлось привстать на колени, чтобы не перепачкаться вязкой теплой жидкостью с комочками непереваренной пищи, но желтоватые брызги все равно разлетались в разные стороны. Джоа рвало и раньше, но никогда так сильно, как теперь. Когда она подумала, что внутри уже, наконец, пусто, вдруг последовал новый позыв, и новые волны прокатились по ее корчившемуся в судорогах телу, выдавливая остатки ужина вперемешку с желудочным соком и слизью.

Ее рвало безостановочно.

Под конец — уже одной только желчью. Но и ее не осталось ни капли — после ужасной последней конвульсии с губ потянулась к полу лишь длинная нитка слюны. Джоа поняла — первый шаг пройден.

Она отряхнулась и вытерлась.

— Бабуля, чего же ты... замутила... в этот ужин?..

Обливаясь потом и одновременно дрожа, она упала навзничь на циновку и подумала, что засыпать нельзя.

И заставила себя не спать.

Если второй час пребывания в пещере она ожидала с тревогой, то в третий вступила в нервном напряжении, которое на исходе этих шестидесяти минут уступило место блаженному спокойствию, постепенно овладевшему всем ее существом.

Поначалу она стала думать о том, что желала увидеть и узнать. Думала о матери. Открыла ей свой разум, сердце и душу. Начала успокаиваться, но полное успокоение пришло не сразу — оно крепло и усиливалось, вытесняя взвинченность, по мере приближения назначенного времени. Когда секундной стрелке ее часов оставалось пройти один оборот, Джоа поняла: она достигла мира с собой и со всем, что ее окружает, мира с природой и со вселенной. Состояния абсолютной чистоты.

В этот момент перед ее глазами возник мимолетный образ Давида.

Круг замкнулся — превратился в венец умиротворенности.

Джоа взяла в руки первую головку пейота, разломала ее, поднесла к губам и положила в рот. Вкус — оскоминно-горький, по консистенции — пробка.

После третьей головки во рту стало деревенеть.

Из-за страшной горечи началось обильное слюноотделение.

На пятой головке вновь появились признаки тошноты. После седьмой, последней головки позывы ее казались уже нестерпимыми, но Джоа героически выпила все содержимое кувшина — нечто густое и настолько мерзкое на вкус, что такое зелье лучше было проглотить залпом.

На дне посуды не осталось ни капли.

Джоа повалилась на циновку — головой на свернутое одеяло. Закрывает глаза. Ее опять прошиб пот.

Однако тошнота на этот раз отступила.

Она слушала тишину — сердцем, исполненным любви, в состоянии полного душевного равновесия.

Когда средство начнет действовать? Сколько времени уже прошло — целый час или несколько минут?

Она попыталась поднять руку, на которой был и часы, но не смогла.

Что это за яркий свет и безумство красок вокруг? Она уже в пути?
Что это за убегающая спираль, штопором ввинчивающаяся в бездну?
Это ее врата восприятия? Она действительно плывет в воздухе, не касаясь земли, или это плод ее воображения?

На губах Джоа расцвела улыбка.

Никогда раньше она не бывала в бесконечности, и никогда ей не было так хорошо, как сейчас.

Краски были чисты, а чувства — первозданны и обнажены, как она сама.

Ее тело — божественно. Лаская его, она провела по нему ладонью. Ликование переполняло ее...

Она прервала на минуту воздушное плавание и опустилась на землю, которая от одного ее прикосновения мигом превратилась в чудесный сад с деревьями, увешанными прекрасными плодами. Это был рай, ибо реки здесь текли из меда и молока, издавая нежную музыку, а все животные обладали даром речи.

Они ее знали.

— Джоа!

— Здравствуй, Джоа!

— Спой нам, Джоа!

— Не могу. Мне нужно продолжать поиски. Я ищу свою мать.

После этих ее слов сад растаял.

Вместо него появилась пустыня. Под спудом пурпурно-лилового неба бесплодная земля начала медленно проседать, заворачиваясь краями вверх. И когда они сомкнулись, получился шар — небольшая планета.

Джоа ощутила себя Маленьким принцем. На этой планете ей не понравилось. И, подпрыгнув, она нырнула в ничто.

Она не летела, но и не падала, но плыла в космическом пространстве, а вокруг то тут, то там возникали другие миры, которые звали ее и манили, подобно тому, как сирены завлекали странствующего Одиссея. Очень красивые миры, в которых можно было остаться и обо всем позабыть.

— Джоа!

Это был Давид. Он простирал к ней руку.

Она улыбнулась ему издалека, тоже вытянула руку, и они коснулись друг друга.

— Не сейчас, — сказала она.

Не сейчас. Это значит, что «потом» все у них будет?

Она рассмеялась, почувствовав себя как никогда счастливой, и, окрыленная, продолжила свой вояж по безбрежным просторам, усеянным звездной пылью. Космическая гармония выстраивалась в пентаграмму нотного стана, нотами на котором были звезды. Музыку исполняла она. Песнь пела уже не она, а они. Чарующее и обволакивающее многоголосие. Катарсис.

Она оглянулась, но Давида уже не увидела.

Она осталась одна.

Или нет?

Слева от нее наметилась едва различимая точка, которая стала расти, превратилась в серебристую звездочку и наконец приобрела очертания звездолета. Космический аппарат остановился напротив нее, и из открывшегося люка появился астронавт. Она не видела его лица — мешало затемненное стекло шлема. В ее голове-компьютере зазвучал мужской голос.

— Кто ты?

— Я ищу свою мать.

— Здесь ты ее не найдешь, — ответил астронавт.

— А где же тогда?

— Здесь нет времени, только пространство. Ты должна вернуться туда, где твой голос услышат.

— Куда именно?

— Туда, где боль.

— Но...

Астронавт уже возвращался в корабль.

— погоди!

— Это твоя боль, не моя, — произнес он вместо прощания.

Она и опомниться не успела, как ни астронавта, ни корабля уже не было.

Джоа в недоумении возобновила полет-плаванье. Секунда. Минута. Час. Сутки. Темнота вокруг все сгущалась, пока далеко впереди не завиднелась новая планета. Приблизившись, она узнала ее.

Земля.

Вот и Американский континент, Мексика, на ее западе — Сьерра-Мадре. Влекомая домой, она пошла на снижение над землями уичолов. Еще с высоты отыскала Лунную гору, разглядела в ней поры пещер. В одной из них — ее тело.

Оказавшись в пещере, увидела себя.

Простертая на спине, она лежала, не касаясь земли. Парила в воздухе на еле заметной высоте — на ладонь от пола.

Она неторопливо приблизилась и принялась с любопытством рассматривать себя. В лице — ни кровинки. Дотронулась до своего тела, и оно встрепенулось. Прикоснулась еще раз — реакция повторилась. Не раздумывая более, она вернулась в него.

Боль находилась там. Свербящая, острая, нестерпимая. Настолько сильная, что из глаз полились слезы. Вновь покинуть тело не удалось — оно стало тюрьмой. Она попыталась было разбить стены узилища изнутри — тщетно. Оставалось лишь смириться и приспособиться. Она раскрыла глаза и... оказалась на земле — левитации как не бывало.

Что это — закончилось время действия пейота и бабушкиного снадобья?

Она взглянула на свои руки, тело.

Оно по-прежнему было нагим.

Ее опять ожгло болью, которая вспыхнула в голове, из головы метнулась в сердце и уже из сердца разлилась пожаром всюду. Раздирающий спазм внизу живота, казалось, перевернул все нутро и выталкивал его раскаленным ядром вверх. Она подумала, что ее снова рвет желчью, но изо рта вырвался поток... детей — сотни, тысячи ребятишек. Она исторгала из себя малюсеньких, крошечных человечков, которые — она видела — тонули в этом потоке и, пытаясь спастись, топили друг друга. Она хотела остановить смертоубийство — попробовала закрыть рот, но не могла. Детишки — мальчики и девочки — все извергались и извергались из нее. Хуже всего было видеть их взгляды — полные ненависти, будто во всем виновата она.

Но она не хотела их убивать.

Даже не знала, что носила их в себе.

Когда этот ужас кончился, она вскочила на ноги и кинулась бежать. Прочь из пещеры.

Но через пару шагов от входа ее ноги увязли в земле, и из них выросли корни. Ее руки стали ветвями. Пальцы — листьями. Боль ушла. Она опять пребывала в состоянии мира и покоя. В своей новой ипостаси наблюдала, как ускоряется течение времени. Дни сменяли ночи, с головокружительной быстротой в прошлое уносились сутки за

сутками. Недели, месяцы, годы. А она оставалась прекрасным деревом, продолжала расти все выше.

Не спеша.

В последний день она увидела тучу.

Она знала, что это туча, поскольку была уже многолетним, зрелым деревом.

Поначалу туча казалась белым облачком из ваты. Потом посерела и налилась свинцом. Наконец почернела и разразилась мощной грозой. Разверзлись хляби небесные, и мириады капель посыпались вниз. Победоносное воинство. Освежающий ливень. Она стояла, раскинув ветви, под струями дождевой воды, и знала, что вот-вот небо прочертит зигзаг молнии.

Молния грянула и попала прямо в дерево, вырвав его с корнями из земли.

Она вновь обрела человеческий облик.

Блеск молнии остался в памяти.

Он был таким ярким и ослепительным, что в первый момент она ничего не видела.

А прозрев — сразу узнала.

— Мама... — прошептала Джоа.

- Привет, детка.
Ее голос, ее нежность, ее запах.
— Мама!
— Как ты там, Джоа?
— Хорошо... Хорошо! О, мама, прошло столько времени!
Это... — Она посмотрела вокруг себя. — Это наяву?
— А тебе как кажется?
— Да.
— Значит, так оно и есть. Если ты желала этого всем сердцем, значит — наяву.
— Где ты?
— Здесь. Я никуда не уходила.
— Мы ищем тебя много лет.
— Вы не смотрели туда, куда должны были смотреть.
— Ты умерла?
— Нет. — Ее улыбка стала еще светлее.
— Почему ты не возвращаешься?
— Пока не время.
— А когда оно наступит?
— Скоро.
— Когда это — скоро?
— Существует небесный порядок, в котором все уравновешено.
Мы — его часть, субъект аватаров перемен.
— Я тебя не понимаю.
— Посмотри на себя.
— Смотрю и не вижу ничего такого, — вдруг она вспомнила об отце. — Ты знаешь, папа тебя ищет!
— Не бойся. Он найдет меня. И мы вернемся к тебе.
— Тебя найдет он?
— Да, он.
— И вы вернетесь?
— Дай будущему прийти, его не надо ни торопить, ни искать.
— Ну пожалуйста, скажи мне, когда?

— Когда наступит час.

На сердце у нее накопилось столько вопросов, что она даже не знала, с чего начать.

— Говорят, что ты не из этого мира.

Мать села, поджав под себя ноги. Они находились на самом верху самой высокой горы. Было жарко — на небе сияли девять разноцветных солнц.

— Мы принадлежим к очень далекой цивилизации, настолько далекой, что это нельзя представить в привычных понятиях. Здесь люди измеряют космические расстояния в световых годах. Мы же — в энергетических ядрах. Мы очень дальние соседи. И наша цивилизация достигла развития намного раньше. Но мы — из этого мира, потому что на самом деле существует только один мир — бесконечность. Мы все родились от Большого взрыва.

— Как вы попали сюда?

— Тысячелетия назад мы заселили Землю, сочтя благоразумным не оставлять явных следов внеземного происхождения человечества. Это был первый слепок с нас. Мы никого не завоевывали, поскольку эта прекрасная планета была необитаемой. Род человеческий — наше детище. Но, увы, мы тоже не избавлены от ошибок, и какое-то время были полностью поглощены своими внутренними проблемами. А время у нас тоже совсем не такое, как у вас. И когда обстоятельства позволили нам вновь заняться не только самими собой, оказалось, что ваше развитие пошло собственным путем. Не лучшим и не самым желательным, но самостоятельным. Мы ни в коем случае не намеревались экспериментировать с вами, напротив — хотели, чтобы вы были продолжением нас. Но, к сожалению...

— Мы пошли неверным путем?

— Вы не смогли преодолеть самую начальную, примитивную фазу развития — ненависти, жестокости, войн и взаимоистребления.

— Вы разрушите Землю?

— Нет!

— Измените все?

— Мы — не Бог, а только энергетические существа. Меня и подобных мне направили сюда для сбора информации.

— Это то, что говорят хранители.

— Кто это?

— Они нас охраняют. Знают, что вы вернетесь, и ждут.

— Мужчина, который появлялся во время твоего странствия, — хранитель?

— Да, — при упоминании этой подробности она нахмурила лоб. — Ты наблюдала за всеми моими перемещениями?

— Да.

— Почему же ты не помогла мне?

— Ты должна была одолеть все сама.

— А эти люди, которые называют себя судьями...

— Любое действие рождает противодействие.

— Они могут убить вас?

— Все разруσιμο. Но энергия не умирает. Ты только посмотри на себя.

— А что со мной?

— Ты полна энергии, Джоа. — Это было сказано с материнской гордостью.

— Мама, кто я? Я ведь не знаю.

— Ты — мост между двумя мирами. Поэтому должна быть бдительна.

— В чем?

— В любви.

— Я не влюблена, — покраснела она.

— Любовь — очень сильное чувство, самое мощное и, кроме того, самое непредсказуемое. — Свою нежность к дочери она выразила, излив на нее сноп лучезарного света. — Мы — сгусток энергии, и нас влечет друг к другу только поэтому. Но здесь, на Земле, все иначе.

— Но ты же полюбила папу.

— И родила тебя, в боли и муках. Это было самое прекрасное и невысказанное. А сейчас ты — это я.

— Я не могу любить?

— Ты должна любить.

— А риск?..

— Жизнь полна рисков. Любовь — один из них. Вы эволюционировали своим уникальным путем. На Земле люди живут и умирают...

— А я?

— Ты — такая же, как мы, и одновременно — как люди здесь. Все решит сама жизнь. Предопределенности в этом нет. У тебя есть две сводных сестры.

— Их матери и ты исчезли, потому что вы родили нас?

— Да.

— Мама...

— Ты — самое лучшее, что у меня есть. Была и остаешься. Посмотри на себя.

Джоа посмотрела. Она по-прежнему была нага.

— Ты возродишься, — продолжила мать, — чтобы занять свое место в истории.

— Я тебя не понимаю! — Ей захотелось расплакаться.

Лучезарное проявление нежности вновь коснулось ее и проникло глубоко в душу.

— Верь в себя — всегда, в любой момент.

— А что с папой? Где он?

— Этого я не знаю, Джоа, — в ее голосе слышалась печаль.

— Что я должна делать?

— Следуй указаниям — знакам, которые есть и которых нет.

— В папиных бумагах?

— Да. Ты видела их. Тебе надо только раскрыть глаза.

— Почему ты мне не говоришь, на что именно?

— Потому что я — сон. Я знаю, что ты чувствуешь, но не могу увидеть это, если этого не видишь ты.

Сон.

А хотелось, чтобы явь.

Свет стал ослабевать.

— Не уходи, пожалуйста!

— Я не ухожу, это ты возвращаешься обратно.

— Когда я проснусь, я буду это помнить?

— Да, потому что ты сама отвечаешь на свои вопросы.

— А другие дочери бури — у них есть ответы?

— Да, хотя они этого пока не знают.

— Значит, если я поговорю с кем-нибудь...

— Поговори.

— Для чего?

— Чтобы прийти ко мне.

— Но как?!

Мать начала терять очертания.

— Мама! — цеплялась она за свою фантазию.

— Я люблю тебя, Джоа!

— Нам ведь надо еще о стольком поговорить!..

Вместе с матерью исчезли и все девять солнц. Она видела себя вновь плывущей в полете. Руки крыльями раскинуты в стороны, лицо обращено к небу. Потоки живительного воздуха лохматят волосы.

Возвращение. Ускоренная перемотка назад.

Вот она опять — дерево... вот пещера, куча-мала исторгнутых из нее детей и боль... вот она отделилась от тела, вернулась в космос, повстречалась с астронавтом и простирающим к ней руку Давидом... вот небольшая планета превращается в пустыню, а пустыня — в сад.

А вот и самое начало.

Она ощутила, как у нее стал расти живот, и, все еще не пробудившись ото сна, она родила... саму себя.

Возродилась.

Открыв глаза, Джоа издала нечеловеческий вопль, вырвавшийся из самых глубин ее существа, и, содрогаясь в корчах и стеноя от страха, разразилась бурными слезами.

Джоа стоило немалого труда успокоиться, убедиться, что странствия ее позади и она вернулась к действительности. Пульс был бешеный. Сжавшись калачиком, она еще несколько секунд лежала без движения, пока глаза не привыкли к слабому свету, проникавшему снаружи. Сначала она подумала, что это раннее утро, однако, присмотревшись, поняла: начинало смеркаться.

На ней ничего не было. Все тело — в укусах.

Она села, прижав ноги к груди и обхватив их руками, голову положила на колени. Обвела взглядом вокруг. Разбросанная по полу пещеры скомканная одежда. На месте догоревшей свечи — оплывший волнами воска бугорок.

Во рту было сухо.

Голова полыхала огнем.

Она не чувствовала в себе сил двинуться с места, но провести в пещере еще одну ночь она бы не хотела, а темнота не заставит себя долго ждать. Ползком, на четвереньках, она собрала вещи и стала медленно одеваться, преодолевая боль, вызываемую каждым соприкосновением ткани с гнойничками от укусов. Она туго соображала, пытаясь понять, что с ней произошло. Но образ матери четко запечатлелся у нее в душе. Образ настолько живой, словно она только что была здесь и ушла. А ее голос продолжал эхом звучать в голове. Одевшись, она сначала стала на колени и только потом, задыхаясь, поднялась на ноги. Приблизилась к одному из источников, бивших из стен пещеры, и умылась. Холодная вода привела ее в чувство, но сил отправиться домой все еще не было.

В царившем кругом безмолвии ее приветствовали последние лучи солнца.

Вобрав в себя воздух, она сделала первый шаг к возвращению.

Не пройдя и пятидесяти метров, в изнеможении привалилась к первому попавшемуся на пути дереву. Сколько времени это продолжалось? Бабушка говорила о трех сутках, но Джоа была уверена — такое невозможно. Самое большее — ночь и день. Да и это-то слишком много.

Но откуда такая невероятная слабость...

Она прошла еще с десятков шагов и бессильно опустилась на большой камень. Закрывает глаза и прижала к лицу ладони. От бесчисленных укусов кожа нестерпимо зудела, от них же, по-видимому, поднялся жар. Она отняла руки от лица и взглянула на них — пальцы скрючены, словно когти хищной птицы. Так хотелось есть, что от голода мутило, а во рту будто кошки ночевали.

Закат был сказочно красив. Она сосредоточилась на созерцании, набираясь сил.

Заход дневного светила — событие повседневное. Утром солнце вновь возвращается. Но оно несет в себе жизнь. А жизнь — это вечная чередая рассветов и закатов. Люди живут в этом коловращении, и так проходит их бытие.

Наконец Джоя встала на ноги и в тот же момент увидела ее — она шла к ней, возникнув из-за скалы на изгибе тропы.

— Бабушка! — простонала Джоя и бросилась бегом к ней навстречу.

Старая женщина заключила ее в свои живительные объятия и, слегка покачивая из стороны в сторону, нежно гладила по голове и плечам. Точно так же бабушка обнимала когда-то маленькую девочку, которую привозили к ней погостить в этот удивительный мир. Джоя ничего не говорила. Чувствовала, как бабушкины руки изгоняют злых духов, гнездившихся еще в недрах ее существа. Старые руки, вобравшие в себя тысячелетнюю мудрость уичолов.

— С возвращением, — наконец молвила бабушка.

— Я была... — Она не находила подходящих слов.

— Ты ее видела?

— Да.

Бабушка отстранилась, чтобы посмотреть ей в глаза. В ее взгляде была осторожная надежда.

— И получила ответы на свои вопросы?

— На некоторые. — В голосе послышалась неуверенность. — Я еще не успела все осмыслить. Это было так стремительно...

— Стремительно? — старая женщина улыбнулась. — Прошло, как я тебе и говорила, три дня. Пойдем-ка домой. Я обработаю твои укусы и хорошенько накормлю. Это единственное, что тебе нужно сейчас после такого продолжительного путешествия.

Они шли в полном молчании. Дорога показалась Джоа страшно длинной, но она осилила ее, ни разу не попросив остановиться передохнуть, хотя порой была готова рухнуть от слабости. Увидав, наконец, деревню, а на ее краю — бабушкину хижину, она поняла, что дошла на пределе своих возможностей, и испустила тихий стон.

— Ты очень сильная, — похвалила ее бабушка.

Джоа вспомнила о Давиде. Он уже пять дней в Боланьосе в ожидании и полном неведении.

И томиться ему там как минимум еще ночь. Если, конечно, завтра она уже будет в порядке — предположение, которое в данный момент представлялось ей нереальным.

Войдя в хижину, она как подкошенная упала на тюфяк, не в силах пошевелить даже пальцем. Бабушка с материнской заботой раздела ее и смазала укусы бальзамом — смолянистым варевом, приготовленным, как и все здесь, из корней, листьев, трав, коры, грибов и цветов. Зуд сначала резко усилился, потом появилось ощущение приятного холодка на коже, и его как рукой сняло. От жара бабушка дала ей выпить столь же мерзкое пойло, как и то, которым трое суток назад Джоа запивала пейот.

— Отдохни пока, а я займусь ужином.

— Бабушка...

— Шшш...! — она приложила пальцы к ее губам. — Поручи себя духам. Твоя мать — в тебе. Ты ее дочь. И ты обладаешь способностью собирать энергию, Акоуа. Ты совершила путешествие в себя, в самое свое средоточие, и ты говорила с ней, и этот разговор стал возможен благодаря тому, что известно твоему мозгу, но остается сокрытым. Дай семенам пустить корни, для этого нужно время — не час, иногда и не день. Нет такого дерева, которое выросло бы из земли в мгновение ока. И потом, ты должна терпеливо поливать эту землю.

— А если времени нет?

— Время всегда есть, детка.

На следующий день Джоа проснулась поздно — стрелки часов показывали за полдень. Жара не было, но усталость почему-то не прошла.

Вероятно, действие пейота на организм еще не совсем закончилось. Последний сон врезался ей в память так же четко, если не четче, как тот, в котором она встретила с матерью: Пакаль сходил с рисунка, изображавшего его надгробную плиту, и разговаривал с ней. Просил помочь ему вновь стать тем, кем был.

— Как помочь? — спрашивала она.

— Посмотри на меня и узнаешь, — отвечал Пакаль.

Почему сны всегда такие зашифрованные?

Она умылась водой из тазика, отметив, что гнойнички от укусов уже не болят и начали заживать, оделась и вышла на улицу. Бабушкина хижина была самой простой и непритязательной во всей деревне, никаких кирпичей из необожженной глины и даже соломы — настоящее индейское *tipu*. Бабушка не хотела уезжать из своего скромного жилища, у нее и в мыслях не было поменять его на что-то получше, обзавестись вещами и обустроить быт. Она всегда говорила, что и так счастлива, у нее все есть и больше ничего не надо, а имущество затрудняет течение жизни по долине света.

По долине света.

Удивление Джоа, когда она увидела его, не имело границ.

Это был Давид.

Он сидел на корточках, спиной ко входу в хижину, будто охранял ее.

— Как ты здесь оказался? — пробормотала она, не веря тому, что видит.

Ее появление застигло его врасплох. Он прыжком вскочил на ноги и повернулся к девушке, весь охваченный трепетом, как осиновый лист под порывами ветра. Слова были не нужны — в тот момент взгляды говорили больше слов. Джоа во взоре Давида прочла беспокойство, копившееся все пять минувших дней, а Давид в глазах Джоа увидел радость.

Они устремились навстречу друг другу и обнялись.

— Я больше не мог ждать. — Голос Давида ласкал ее слух.

— Как ты добрался сюда?

— Пешком.

— Из Боланьоса?

— Это не так уж далеко, хотя найти дорогу и не заблудиться было не просто. Сюда только пешком и можно попасть.

— Ты с ума сошел!

— Нет, это ты с ума сошла! — Он чуть отодвинулся и смотрел ей в глаза. — Твоя бабушка мне все рассказала.

Девушка смущенно захлопала ресницами.

— И как она тебе?

— Симпатичная. — Уголки его губ поднялись вверх. — Она улыбнулась мне и положила руку на грудь. И тут же сказала, что я хороший человек и могу остаться.

— О боже! — вздохнула она, окончательно освобождаясь от сомнений.

Если уж ее собственная бабушка...

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного слабой, но хорошо, — призналась Джоа. — В любом случае сегодня я уже собиралась уехать.

— Завтра. — Он не дал ей договорить. — Тебе нужно еще немного отдохнуть и восстановиться. Да и бабушка твоя заслуживает, чтобы ты побыла с ней хоть еще денек. Я ведь пришел сюда рано утром, и у нас было время пообщаться — она замечательная женщина.

— Я знаю.

Они продолжали стоять обнявшись — Давид держал Джоа за плечи, а ее руки лежали у него на груди. Внезапно, видимо, вспомнив, что еще недавно стеснялись обнаружить моментально родившийся у них взаимный интерес, оба встrepенулись, словно по ним прокатился электрический разряд, и растерянности разъединили объятия.

Положение спасло неожиданное появление бабушки.

— Доброе утро, Акоюа.

Джоа подошла к бабушке и поцеловала ее. Старая женщина ни о чем не спрашивала — ей достаточно было посмотреть на свою внучку. Она взяла ее за руку и повела за собой к хижине. На пороге остановила Давида, попытавшегося было зайти вслед за ними.

— Подожди, — сказала она строго.

В хижине взяла бальзам от укусов и, дождавшись, когда девушка снимет с себя одежду, тщательно обработала все ранки.

— Они уже не болят.

— В некоторые попала зараза, поэтому у тебя и поднялся жар. Но змеиный яд сильнее любой дряни.

Одевшись, Джоа перехватила бабушкин взгляд — серьезный и вместе с тем озорной.

— Что такое? — с беспокойством спросила она.

— Молчание кажется подозрительным только тем, кто что-то скрывает.

— Мне нечего скрывать.

— Я видела твои глаза.

— И что же они говорят?

— То же самое, что и твое тело.

— Бабушка... — Она почувствовала, что краснеет.

— Акоуа, я рада, что ты не одна. Единственно о чем прошу тебя — будь осторожна.

— Я и так осторожна.

— Что ждет тебя впереди — неизвестно, и тайну своего будущего ты делишь теперь с другим человеком. То, что ты вчера вечером рассказала мне о матери, не проясняет многие вещи, в том числе — почему исчез твой отец. Как я поняла, этот парень уже не первый год оберегает и, стало быть, знает тебя. Ты же пока знаешь его совсем мало. И он для тебя — тайна. Но пусть это тебя не ранит. Если решишь быть с ним, сделай это по велению сердца.

— Быть с ним?

— Глаза выдали тебя сразу, когда ты только приехала. Такое же выражение глаз я видела у твоего отца, когда он впервые появился в наших краях и познакомился с твоей матерью, и у нее, когда она почувствовала это. Не отказывайся от своего чувства, но еще раз прошу — будь осторожна.

Как можно быть осторожной, учитывая обстоятельства, в которые она оказалась вовлечена?

— А сейчас пойдём, — завершила разговор бабушка. — У нас ведь гость, негоже о нем забывать?

За весь день Давиду и Джоа не удалось ни минутки побыть наедине. Сначала они вместе с бабушкой накрывали на стол, потом обедали. После трапезы гуляли по окрестностям, и старая Уаянкаве увлеченно рассказывала новому знакомцу об уичолах — их славном прошлом, верности ему и неистребимой воле туземцев оставаться самими собой. Потом пошли общаться с местными жителями. Девушки улыбались Давиду, пряча — не только от смущения, но и из кокетства — глаза. Юноши с восторгом рассматривали Джоа. А кое-кто даже осмелился потрогать ее волосы, восхищаясь их медно-красным — натуральным — цветом. К вечеру оказалось, что им еще предстоит праздничная церемония проводов с костром и плясками.

— Куда мы двинемся завтра? — поинтересовался Давид.

— Мне нужно встретиться с кем-нибудь из дочерей бури.

— Зачем?

— Я спросила маму, известны ли им ответы на некоторые вопросы, и она сказала, что да, но они пока сами об этом не знают. Я думаю, сейчас самое время поговорить с кем-то из них.

— А если нет?

— Вернемся в Паленке. Ключ должен быть там. И если все это связано с окончанием Пятого Солнца по календарю мая, времени у нас немного.

— Твоя мать еще что-нибудь сказала о дочерях бури?

— Мне нужно поговорить с одной из них, чтобы найти маму.

— Тогда поехали в Медельин. Помнишь, той ночью в «Шибальбе», перед тем как ты убежала, я говорил — она ближе всего и, если интуиция тебе так подсказывает, я отвезу тебя к ней. Если к полудню или в начале второй половины дня будем в Гвадалахаре, возможно, мы успеем на какой-нибудь рейс до Боготы — прямой или через Мехико.

На том и порешили.

Ночь была прекрасна.

И жизнь, замершая на несколько часов, — тоже.

И она становилась еще прекраснее, когда их глаза встречались.

Особенно если не думать о том, что будет завтра.

Когда праздник завершился, бабушка и внучка ушли в хижину, а Давид отправился ночевать во внедорожник.

Несмотря на усталость, Джоа никак не могла заснуть. Извертевшись на тощем тюфяке, она решила выйти. На улице ей сразу бросился в глаза освещенный луной силуэт — Давид тоже не спал.

Вокруг была полная тишина. Убаюкиваемые ею, молодые люди могли простоять так до самого рассвета.

— Как ты? — нарушил молчание Давид.

— Сейчас — хорошо.

— Благодаря тебе я смог увидеть все это и проникнуться им. — Давид обвел рукой вокруг себя.

— Можно задать вопрос?

— Конечно.

— Кто ты?

Опустив голову, он ненадолго задумался.

— Не более того, что ты видишь перед собой. — И пожал плечами. — Разве что у меня есть мечта и я в нее верю.

— Это ты о них? — Джоа подняла глаза к небу.

— Да, — вздохнул Давид.

Он обхватил ее плечи и привлек к себе. Она не противилась. Наоборот — хотела прильнуть к нему каждой клеточкой своей кожи. Однако сама не сделала встречного движения, не обняла его. Просто осталась стоять в его объятиях, словно окаменела.

Давид, наклонив голову, внимательно посмотрел ей в лицо и поцеловал — в лоб.

И все.

Джоа продолжала стоять с закрытыми глазами. Может быть, она желала чего-то большего, совсем другого поцелуя. А может быть — нет, она сама не знала. Ничего уже не знала. Давид тоже замер.

Они вышли из оцепенения одновременно, словно пробудились ото сна.

— Доброй тебе ночи, — пожелал ей ее хранитель.

— Доброй ночи. — В улыбке Джоа светилась благодарность.

Наступило утро, пришло время прощаться. Все волновались.

Джоа не могла избавиться от мысли, что, возможно, видит бабушку в последний раз. Она такая старенькая... Возраст не подвластен даже ей, против него бессильна и магия шаманов, и природная нестигаемость уичолов.

Она обняла ее и поцеловала, стараясь не расплакаться.

— Ты сделала все сама — сама пришла, сама совершила путешествие на порог космоса и сама боролась за свою судьбу.

— Без тебя у меня ничего бы не получилось.

— Ици, Акоуа, внутри себя. — Старая женщина держала лицо девушки в своих шершавых, как кора дерева, ладонях. — Ничего не отвергай, принимай все как есть, живи полноценной жизнью. Ты — дочь звезд, и уже одним этим ты необычна. Живи и борись с гордо поднятой головой, и тебе нечего будет бояться.

Джоа расцеловала бабушку в изборожденные временем щеки и лоб.

Затем Уаянкаве обратилась к Давиду.

— Моя внучка сильнее тебя, — без предисловий начала она, — но пока не знает этого. Ты ей нужен. В случае необходимости ты должен дать ей свою энергию, дополнить ее собственную.

— Будьте уверены, я все сделаю.

— А теперь — ступайте с миром.

Они сели в машину. Джоа опустила правую руку в карман джинсов, нащупала красный кристалл, с которым нашли ее мать, и с силой его сжала.

— Поехали, а? — попросила она, боясь не справиться с комком, подступившим к горлу.

Давид включил первую передачу, и джип двинулся вниз, подсакивая на неровностях почвы. Жители деревни уже были на ногах. Многие махали им, приветствуя и одновременно прощаясь. Ватага ребятишек бежала рядом с машиной, испытывая, должно быть, чувство сопричастности к большому миру — столь редкое в

размеренной и небогатой событиями жизни их мирка. Давид переключил на вторую и увеличил скорость.

Деревня осталась позади, за облачком дорожной пыли.

Охваченные легкой грустью, они ехали молча. Когда машина спустилась в небольшую лощину, и из-за гор во всем своем великолепии и сиятельной силе появилось солнце, Джоа нарушила молчание.

— Останови.

Солнце расцветило все вокруг веселыми красками.

Горечь расставания неожиданно прошла.

— Пожалуйста, обними меня, — негромко сказала она.

Повинуясь, Давид повернулся к ней и крепко обхватил ее своими сильными руками, заключив в сладостный плен.

Губы Джоа были полуоткрыты, глаза светились чистотой.

Оба полностью растворились в поцелуе — упоительно нежном и таком волнительном.

Когда они разомкнули объятия, все уже было иначе. Было до, и было после, и они это сознавали.

— Ты хоть знаешь, во что ввязался? — еле слышно произнесла Джоа.

— Да.

— Нет, ты не знаешь. — Тень озабоченности, проступившая на лице, не омрачила нежной улыбки. — Думаешь, знаешь, а на самом деле — нет.

— Хорошо, — согласился он. — Не знаю.

И вновь стал целовать ее, тихо, нежно, чувствуя, как она впадает в блаженное забытие.

— Только не говори ничего, — шепотом попросила Джоа, придя в себя.

— Я буду молчать, — тоже шепотом пообещал он.

— И давай поедем дальше. Будет здорово, если сегодня к ночи мы доберемся до Медельина. Нам для этого потребуется немало везения.

Она мягко освободилась от его объятий, откинула голову на подголовник и закрыла глаза. Давид завел двигатель и тронул с места.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пятнадцать тысяч дней

(11—16 декабря 2012 года)

Удача сопутствовала им. Через шесть часов пути они прибыли в Гвадалахару, сдали автомобиль в аэропорту «Мигель Идальго» и успели на самолет, отлично состыковывавшийся в Мехико с рейсом на Боготу. Спустя пятьдесят минут они уже бежали по международному аэропорту «Бенито Хуарес» мексиканской столицы, торопясь на стыковочный борт, который отбывал через час пятнадцать. Из аэропорта «Эль-Дорадо» в столице Колумбии они вылетели в Медельин последним рейсом, в 22:30, и в 23:15 приземлились в аэропорту «Хосе Мария Кордова», расположенном в Рио-Негро, в часе езды от главного города департамента Антиокия.

— Кордова через букву «v», — отметила Джоа, очнувшись от дремы, когда шасси коснулись посадочной полосы.

До этого они почти не разговаривали, все еще оставаясь под впечатлением от поцелуя. Молча смотрели друг другу в глаза, робко, чтобы никто не заметил, обменивались прикосновениями рук, смущенно улыбались, как застигнутые врасплох подростки. Но эти взгляды, касания и улыбки заставляли сердца биться быстрее. Все время последнего перелета, из Боготы в Медельин, Джоа дремала, положив голову на плечо Давиду, который нежно поглаживал ее по щеке.

Выйдя из самолета, они сразу почувствовали холодное дыхание гор. Медельин — город вечной весны, но Рио-Негро находится на высоте более двух тысяч метров от уровня моря. Джоа накинула на себя куртку. Ручеек пассажиров медленно вливался в темнеющее впереди здание аэровокзала, отделанное внутри деревом.

— Нас точно встретят?

— Не волнуйся.

— Поспать бы еще часов десять.

Медельинская дочь бури, Мария Паула Эрнандес, жила в Эль-Побладо, самом престижном квартале города. Оберегавшего ее хранителя звали Хуан Пабло Гонсалес, и его квартира находилась в Лаурелес, одном из наиболее спокойных районов. В течение дня Давид дважды связывался с ним по телефону.

Встреча была назначена на завтра.

Мария Паула Эрнандес была художницей. Ее творчество пользовалось заслуженной популярностью в Колумбии, и она начала завоевывать международное признание. Джоа и Давид знали, что ее нашли после сильнейшей грозы в Гуатапэ, местечке примерно в трех часах езды от Медельина, в те же самые дни, что и остальных дочерей бури. Крестьяне — муж и жена, которые ее обнаружили, тоже считали свою находку даром свыше. Когда ей было пятнадцать, боевики из ФАРК убили ее отца, а через два года бандиты из нелегального вооруженного формирования правого толка, надругавшись, прикончили мать. Мария Паула оказалась на улицах Медельина, среди многочисленных жертв насилия: согнанных с насиженных мест селян, осиротевших детей и беспризорных подростков. Девушка жила на подаяния, пока в ней не обнаружился талант, благодаря которому из жуткой нищеты она смогла достичь своего нынешнего положения. Подобно большинству дочерей бури она не была замужем. Из пятидесяти двух лишь трое исчезнувших вышли замуж или состояли в связи с мужчинами: ее мать и матери двух других девочек, из Индии и Иордании.

Хуан Пабло Гонсалес оказался молодым человеком лет тридцати. Он знал, что гостей будет двое и что у нее рыжие волосы, поэтому, как только завидел, радостно замахал им рукой. Хранители обменялись рукопожатием.

— Вы оказали мне честь этой встречей, — заявил Гонсалес и, не отрывая глаз, долго смотрел на Джоа.

— Что-нибудь не так? — забеспокоилась она.

— Поразительное сходство...

Автомобиль у Хуана Пабло Гонсалеса был старенький и совсем убитый. Сам он трудился в добровольной общественной организации, а финансовую подпитку его деятельности по охране Марии Паулы Эрнандес обеспечивал фонд, который поддерживал всех хранителей.

Путь в Медельин оказался головокружительным. Давид сидел рядом с водителем, Джоа на заднем сиденье. Оба держались за что могли, когда машина на скорости спускалась по нескончаемому серпантину.

— Здесь все так ездят? — нахмутив лоб, не выдержала девушка.

— Еще хуже! — рассмеялся Хуан Пабло. — Увидите, что в городе творится.

Интересующей их темы не касались, пока не миновали платный участок дороги. Рассчитываясь за проезд, они обратили внимание на уже второй по пути из аэропорта армейский или полицейский пост. Когда пост остался позади, Давид спросил:

— Как получилось, что ты познакомился с Марией Паулой Эрнандес?

Колумбиец стрельнул глазами в Джоа в зеркало заднего вида.

— Она заметила мое наблюдение и решила, что я из ФАРК или ЭЛН и замышляю ее похитить. Заявила в полицию, меня задержали, и пришлось им наплести, что я, дескать, без ума от ее искусства и от нее самой. Когда меня отпустили, я пришел к ней и, с разрешения наших руководителей, все рассказал. Мария Паула к тому времени уже обратила внимание на кое-какие свои особенности, так что я не очень-то ее удивил, хотя после этого ее жизнь переменилась. Сейчас мы — друзья, и это облегчает мне задачу.

— Насколько я понимаю, она не знает, произойдет ли что-нибудь, а если да, то где это будет.

— Нет, Джорджина. Ничего этого она не знает.

— Называй меня Джоа, пожалуйста.

Очередной крутой вираж — закрытый изгиб налево. На дорожном полотне — утрамбованный колесами автомобилей слой обвалившихся с гор камней и грунта.

— Мне еще не доводилось встречаться с дочерьми бури, — с волнением заметил Давид.

Дальше ехали в тишине, пока после очередного витка дороги перед ними вдруг не возник город — безбрежное море огоньков, уходящее за горы языками заливов.

— О боже... — пробормотала Джоа.

— Красиво, правда?

— Поразительно.

Ей довелось созерцать из иллюминатора самолета Мехико, Лос-Анджелес, Токио и Сан-Пауло, и панорамный вид этих городов-гигантов произвел впечатление. Но сейчас было совершенно иное — будто, спускаясь с неба, она попадала в его земное отражение, где

вместо звезд поблескивали тысячи маленьких желтоватых светлячков, простирившиеся с севера на юг и с востока на запад.

— Переночуете у меня, — сообщил Хуан Пабло. — Думаю, это удобнее, чем в гостинице, а главное — быстрее ляжете спать. Правда, у меня только две комнаты — моя и гостиная.

— Я могу спать где угодно, даже на полу — нет проблем, — сказал Давид.

— Лучше мы с тобой ляжем в моей комнате, а Джоа пусть устраивается одна в гостиной, — предложил колумбиец.

— Мы не хотим быть обузой...

— Обузой? — оскорбился Хуан Пабло Гонсалес. — Мы счастливы, что вы приехали к нам! И Мария Паула ждет вас с нетерпением. Это же чудо, настоящая связь с ними!

Всякий раз, как произносилось и склонялось на разные лады слово «они», в смысле инопланетяне, у Джоа холодело внутри.

— Как ты себя чувствуешь? — Давид повернулся к ней и положил руку ей на колено.

— Хорошо, — успокоила его она. — Сон — лучшее лекарство. А я сейчас, будь спокоен, засну в момент.

— А как укусы?

— Почти зажили. Помазать еще разок — и буду как новенькая.

Продолжая спускаться по восточному склону, они видели перед собой один из новых пригородов Медельина и долину Абуэрра. Но уже через несколько минут их поглотил город. Ввиду позднего времени движение уже было не таким плотным. Хуан Пабло свернул к югу, проехал еще немного и наконец объявил:

— Лаурелес. Мой дом рядом с торговым центром «Унисентро» и Боливарианским университетом, на первой бомбе.

— Бомбе?

— Ну да. Мы так называем бензозаправки.

Они прибыли на место. Машина остановилась на довольно широкой улице, застроенной небольшими одноэтажными домами. Квартира колумбийского хранителя находилась в единственном высоком — в три этажа — здании.

При виде Марии Паулы Эрнандес у Джоа перехватило дух.

Если бы не какие-то мелкие детали и не возраст — женщине было чуть за сорок, а ее мать, когда исчезла, едва перешагнула тридцатилетний рубеж, — она подумала бы, что перед ней мамина сестра-близнец.

Давид ожидал чего-то подобного и на всякий случай стоял рядом, готовый ее поддержать. И его прикосновение помогло Джоа справиться с шоком, а чуткость словно придала сил. Художница тоже не смогла скрыть эмоций, охвативших ее при виде девушки.

— Дорогая...

Она обняла Джоа и, как принято в Колумбии, чмокнула в щеку, едва касаясь губами. Девушка, все еще охваченная волнением, тоже ответила поцелуем. Держась за руки, они долго рассматривали друг друга.

Копия ее исчезнувшей матери.

Такой могла бы быть ее дочь.

У Джоа мелькнула мысль, что она видит себя в будущем.

Какой она будет в сорок один год.

— Проходите, пожалуйста, — встрепенувшись, молвила, наконец, Мария Паула.

Ее квартира представляла собой большую студию — просторное, в целый этаж помещение. В дальнем конце, за обычной ширмой, угадывалась кровать, виднелись встроенные шкафы для одежды. Вся остальная площадь, за исключением зоны отдыха и приема гостей — нескольких кресел при входе, безраздельно принадлежала живописи. Великое множество этюдов, картин — некоторые большого размера. Они поражали взор яркой палитрой и чистыми красками, напоминали Ботеро, но в отличие от полотен блудного сына Медельина, не изображали пышнотелых. Мария Паула Эрнандес писала животных с головами людей и людей с головами животных, вымышленные пейзажи с океаном красного цвета и зелеными небесами. Среди этого буйства фантазии Джоа усмотрела и отдельные вкрапления портретов,

но и они были выполнены в особой манере — с подчеркнuto кошачьими чертами.

Хотя они находились где-то на нижних этажах двадцатиэтажной башни — одной из многочисленных высоток, иглами вонзающихся в небо над Эль-Побладо, из широкого, во всю стену окна открывался потрясающий вид. Медельин сползал по склону к реке, которая текла из-за гор, окутанных разномастными — белыми, черными и серыми — облаками, оспаривающими у солнца жизненное пространство. Джоа бывала и в других латиноамериканских городах, но эта панорама показалась ей восхитительной и неповторимой. Моментально забылось, что еще в начале девяностых прошлого столетия Медельин занимал первое место в мире по уровню насилия — мрачное наследие тех времен, когда всей жизнью в городе заправлял наркокартель Пабло Эскобара. Об этом им поведал Хуан Пабло, пока вез их сюда.

— Крепкого? — предложила художница.

— Так мы предлагаем кофе, — перевел колумбийский хранитель.

— Нет, спасибо! — в один голос поблагодарили Джоа и Давид.

Все сели в кресла, Джоа — лицом к мастерской, чтобы видеть будоражащие ее воображение картины. Прежде девушка совсем не задумывалась о том, какими они могут быть, и увиденное ее потрясло.

Через свои полотна автор, вероятно, надеялась обрести связь с... ними.

— Хуан Пабло, должно быть, уже рассказал вам мою историю, — начала Мария Паула.

— Да, — Джоа была благодарна, что инициативу взяла в свои руки хозяйка.

— Он сказал, что вы потеряли отца.

— Не совсем так. Он исчез, так же, как и несколькими годами раньше исчезла моя мать. Он ее искал.

— Где?

— В Мексике. Он обнаружил что-то в Паленке, мы так полагаем.

— Паленке, — повторила она в задумчивости.

— Человек, видевший его последним, сказал, что он также упоминал Чичен-Итцу.

Лицо художницы сохраняло непроницаемость. Она держалась с естественной элегантностью, достоинством. Эмоции выражали лишь

глаза, с приязнью смотревшие на Джоа, да руки — теплые, помогающие жестами словам.

— Насколько я понимаю, вы хотели встретиться со мной, чтобы узнать, не могу ли я вам помочь, не так ли?

— Вы географически ближе к нам, чем другие дочери бури, — пояснил Давид.

— И что же я могу сделать? — Она недоуменно пожала плечами.

— Это вам ни о чем не говорит? — Джоа показала собеседнице кристаллический красный камень.

Мария Паула поднесла правую руку к шее и вытянула из ворота блузки цепочку, на которой висел золотой кулон с точно таким же кристаллом.

— Видите, я с ним никогда не расстаюсь, — улыбнулась она.

— Вы знаете, для чего он? — спросила Джоа.

— Нет.

— В эти дни у вас не было никаких предчувствий или необычных ощущений?..

— Сейчас я больше вижу снов. И испытываю беспокойство. Но я связываю это со своей предстоящей выставкой и поездкой в Европу в начале 2013 года.

— Вы пользуетесь своими... необычными способностями?

Женщина опустила голову, хотя было похоже, что она ожидала такой вопрос.

— Ответьте, пользуетесь? — торопила ее Джоа.

— Нет. — Она покачала головой. — Я знаю, что могла бы, но... не хочу выделяться. Первый раз, когда поняла, что... обладаю особым даром, тот случай был для меня травматичен. Связан с отрицательными эмоциями. Ужасом.

— Что с вами произошло?

— На переходе, у сквера Беррио, на меня выскочила машина. И стремительно приближалась. Деваться было некуда, я зажмурилась и думала только о том, чтобы она пролетела мимо, не сбила. Я этого желала так сильно, что... Услышав жуткий грохот, я открыла глаза и увидела разбитую машину, врезающуюся в ограждение. Никто не мог понять, какая сила отвела ее от меня. В том числе сам водитель. К счастью, он остался жив. Он сказал, что словно невидимая рука вывернула руль в сторону. Но я поняла — то было мое желание. Потом

я нашла возможность проверить свое предположение, убедилась, что это так, и решила не играть в героиню, обладающую супервозможностями.

— А как вы убедились в этом?

— Научилась двигать предметы.

— Телекинез считается паранормальным явлением.

— Но это гораздо больше, чем телекинез. Это настоящие сверхспособности. И если их развивать, на определенном уровне или в определенных сочетаниях они могут стать очень опасными, сравнимыми по силе действия со взрывом. Вы же унаследовали их от своей матушки?

— Ну да, но не знаю, сколь они велики.

— И не надо форсировать.

— А если они проявятся спонтанно, сами по себе?

— Мы можем управлять ими, и это надо знать и уметь. — Ее красивые голубые глаза пристально смотрели на Джоа. — Взгляните мне в глаза.

Джоа выполнила просьбу.

И вдруг услышала ее голос.

Но губы ее при этом не шевелились.

Джоа слышала ее мысль.

— Мы — души из иного мира, и здесь томимся в ожидании возвращения или чего-то еще, что сами не можем себе представить, — пронеслось у нее в голове.

— Страшно! — Джоа вздрогнула.

— Мы приходим из более высокого мира, — зазвучал голос Марии Паулы. — И бояться нам не следует, но быть осмотрительными необходимо.

— Но я — наполовину человек.

— Вам еще предстоит выяснить, кто вы.

— Вы что-нибудь знаете о них?

— Ничего.

— Мне трудно в это поверить.

— Я говорю правду. Моя жизнь протекает самым обычным образом, со мной никто никогда не контактировал, мне не являлись откровения. Я уже давно не девочка, мне сорок один год. Это большой срок.

— Но не для них.

— Я — одна из них, и вы — наполовину тоже, — ласково проговорила женщина. — Как бы там ни было, когда чему-то суждено будет произойти, мы об этом узнаем. — Говоря, она поглаживала красный кристалл. — Все мы, дочери бури. И вы, возможно, тоже.

— И вы не испытываете любопытства?

Мария Паула рассмеялась.

— Забавное слово. Любопытство! — повторила она и сделала неопределенный жест рукой. — Я предпочитаю жить в мире и спокойствии, моя дорогая. Когда я узнала, кто я и что я, это привело меня в волнение, но оно продолжалось совсем не долго. Я сказала себе: плохо ли это или хорошо, но ты — обитательница Земли и должна жить как все земляне. Я не знаю ни своего происхождения, ни того, каким может быть мое будущее. Я приму его таким, каким оно будет. Подобно тому, как все мы, люди, принимаем неизбежность смерти. Сопричастны ли мы к чему-то сверхъестественному? Да, несомненно. Но не в нашем ведении знать, к чему. А потому... — Она пожала плечами. — Жить — это прекрасно, здесь или в любом другом месте. И если на Землю меня направили с какой-то целью, ну что ж, проживем — увидим.

— Вы болели хоть раз в жизни? — спросила Джоа.

— Нет.

— Если мы человеческого рода, но у нас просто отличные, отборные, если так можно выразиться, гены, то чем мы отличаемся от них?

— Возможно, ничем, — предположила Мария Паула.

У Джоа вопросы, кажется, иссякли, и она почувствовала себя опустошенной.

Женщина это заметила.

— Мне кажется, вы уедете отсюда разочарованной, — сказала она мягко. — Поверьте, я очень сожалею. Я понимаю, что вы приехали в надежде узнать больше о себе, о прошлом, получить ответы на волнующие вас вопросы, а уезжаете, собственно, ни с чем.

— Не думайте так. Уже само знакомство с вами — это...

Художница накрыла рукой ладонь своей гостью.

— И мне, уверяю вас, тоже очень приятно познакомиться с вами. Никогда не думала, что когда-нибудь испытаю нечто подобное тому,

что испытываю в эти неповторимые мгновения.

— Вы не знакомы с другими дочерьми бури?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Может, из-за того, что у меня была трудная жизнь. Это ведь Колумбия. — Она развела руками в жесте, который не требовал объяснений. — Другие девочки появились не в ближних краях. У меня не было случая, да я его и не искала.

— Почему вы согласились, чтобы я приехала к вам?

— Потому что это — совсем другое дело, и вы это сами поняли. — Мария Паула смотрела на нее так, словно Джоа родила она, а не другая женщина.

За окном вдруг разразился ливень. Над половиной города расстилалось голубое небо, а над другой бушевала неизвестно откуда налетевшая буря. Из тяжелых непроницаемо черных туч лились потоки дождя. Настоящая водяная завеса.

— Не хотите остаться со мной пообедать? — сменила тему хозяйка дома.

Наверное, говорить можно было еще много о чем. А может — и нет. Но обе они с облегчением вздохнули, первое волнение прошло. Мария Паула Эрнандес встала, готовая выполнять роль гостеприимной хозяйки при любом дальнейшем сценарии.

— Может быть, хотя бы выпьете чего-нибудь? — предложила она. — Я, когда много говорю, не могу обойтись без питья — горло пересыхает.

Хуан Пабло Гонсалес остановил автомобиль перед своим домом.

— Ничего, если я оставлю вас на время одних?

— Да нет, все нормально. Нам надо много чего сделать, — поблагодарила его Джоа. — Я уже несколько дней все собираюсь и никак не могу зайти в интернет, поизучать еще, насколько возможно, бумаги, которые нашла в номере отца в Паленке, почитать книги, купленные в аэропорту... У тебя скорость хорошая?

— Ты об интернете? Да, с этим проблем нет. Мой логин для входа — «JPG». Еда — в холодильнике, если вернусь поздно. А если захотите пообедать где-нибудь, на Семидесятой улице много ресторанов. Отличные «фрихолес кон чорисо» готовят в «Эль-Агуакате», а самый лучший «мондонго» — в ресторанах сети, которая так и называется «Мондонгос». Это все здесь, по соседству, возле университета, так что не заблудитесь, и вечером тут спокойно.

— Что такое «мондонго»?

— Суп из говяжьей требухи. Пальчики оближешь. А еще советую попробовать «санкочо». И «бандеха паиса» заслуживает, конечно же, всяческого внимания. Мне действительно жаль, но я должен вас оставить.

— Давай-давай, езжай себе спокойно и не валяй дурака с извинениями!

Колумбиец, кивнув на прощанье, подождал, пока хлопнут дверцы машины, и не спеша поехал дальше. Джоа и Давид остались вдвоем. Давид открыл дверь в подъезд, и они поднялись вверх по лестнице. Оказавшись в квартире своего друга и сознавая, что остались наедине, они напряженно молчали.

В какой-то момент казалось, что он набросится на нее и она ему уступит.

Но благоразумие взяло верх.

Она улыбнулась ему благодарной улыбкой, выразившей, что все еще будет.

— Я не стал спрашивать при Хуане Пабло. Ты ей поверила?

Джоа вопрос удивил.

— А почему я должна не верить?

— Странно, что она ничего не знает и ничего не предчувствует.

— Разве она в этом отношении чем-то отличается от других дочерей бури?

— Нет, — согласился он.

— Следовательно...

— Я думал, вдруг ты заметила что-то, смогла увидеть больше, чем было дано видеть нам.

— Нет, эта женщина — откровенна. И я в восторге от нее.

— Эмпатия.

— Возможно. Понимаешь, я видела в ней свою мать и саму себя, какой буду через годы. А я доверяю своим чувствам и интуиции.

Папка с бумагами отца уже лежала раскрытая на столе в гостиной. И пока они обменивались впечатлениями о состоявшейся встрече, Джоа успела разложить их по порядку.

— Не хочешь посмотреть сначала в Интернете?

— Все, делаю последнюю попытку, — кивнув головой на бумаги, констатировала девушка. — И, надеюсь, ты мне поможешь.

— Я не специалист.

Джоа пристально посмотрела на Давида.

— Тебя не удивляет, что судьи не дают о себе знать?

— Они коварны и изворотливы. Они везде. И здесь тоже. — Он указал на стену, на находившийся за ней город. — После того, что произошло в Чичен-Итце, они затаились и выжидают, решили действовать хитростью и не спешить.

— Почему они хотели увезти меня?

— Они надеялись, что ты располагаешь какой-то информацией. С их стороны это был риск. Думаю, этот тип...

— Николас Майораль.

— Да как бы его ни звали! Думаю, у него просто поехала крыша, он потерял чувство реальности. И меня нисколько не удивит, если организация отстранит его от дальнейшего ведения дела.

— Гм, это слово, «организация», звучит как... — Ее передернуло.

— А это и есть организация, — с горечью подтвердил он. — Их центр называется Астрологическое общество имени Альберта Мердока, и штаб-квартира у них в Нью-Йорке.

— Кто такой этот Мердок?

— Его уже нет в живых. Из той же породы, что Гитлер. Он написал книгу «Завтра — здесь», в которой предсказал пришествие инопланетян.

— Ну и что он в ней «напредсказывал»?

— Подобные предсказания многие делали и до него, но у него было две вещи, которые у других отсутствовали: деньги и ненависть. И то, и другое — в более чем достаточных количествах. Мердок — религиозный фундаменталист. То, что он изложил в своем опусе, — не предупреждение, не призыв к бдительности, но призыв к уничтожению. Прославление превосходства земной расы в космосе. Согласно Мердоку, мы являемся чадами Божьими, а все остальные расы, возможно существующие во вселенной, — дьявольские исчадия, намеренные нас погубить. Он не оставляет шансов ни на что — ни на переговоры и понимание, ни тем более на достижение мира и единства. Либо они, либо мы. Кто — кого, до полного истребления. И он основал свою школу. Судьи — его последователи и духовные дети. У Астрологического общества имени Альберта Мердока есть отделения в Париже, Лондоне, Буэнос-Айресе, Йоханнесбурге, Токио, Сиднее... По сравнению с ними наши возможности более чем ограниченные.

— Получается, мы оказались втянутыми в войну.

— Тотальную.

— И мой отец — первая жертва.

— То, что произошло с твоим отцом, — полная загадка. Раз судьи охотятся за тобой, значит, твоего отца у них нет, и в этом случае...

— Давид, я должна тебе кое-что сказать.

— Скажи.

— С момента отъезда из Барселоны у меня ощущение, что за мной кто-то следует.

— Естественно — я.

— Нет. Кто-то еще. Я и с тобой это чувствую.

— Ты замечала что-нибудь?

— Я стараюсь обращать внимание на все, что вокруг меня, — в самолете, на улице... И — ничего. Самое странное — абсолютно ничего.

Давид погладил ее по голове.

Первая ласка после возвращения на землю из мира уичолов.

— Это нервы.

— Нет, я спокойна.

Ладонь Джоа нежно скользнула по щеке Давида, коснулась его губ, ощутила горячий поцелуй и... На столе были разложены ожидавшие ее бумаги.

— Джоа...

— Сама понимаю.

И все — точка. Сосредоточиться стоило немалых усилий.

Рисунок с надгробной плитой Пакаля лежал в середине. Рядом — два листка с изображением шести иероглифических писем, пронумерованных цифрами от 1 до 6. Все остальные бумаги выложены вокруг, как рамка. Они сидели над этим пасьянсом уже минут тридцать, и Давид первым потерял терпение.

— Нет, это всего-навсего рабочие зарисовки, заметки, сделанные непосредственно на раскопках, — высказал он свое мнение. — Поскольку не хватает именно рабочего дневника твоего отца, логично предположить, что свои открытия он записал в нем.

— Мой отец сделал эти рисунки не просто так, я уверена. — Она упрямо поджала губы. — Мне почему-то вспомнились приснопамятные теории Эриха фон Деникена, бывшие в моде в семидесятые годы прошлого века, а потом полностью развенчанные как несостоятельные.

Фон Деникен утверждал, что он, — Джоа показала на рисунок с плитой, — был астронавтом и изображен в кабине своего корабля. Еще он говорил, что наскальные изображения в Паракасе, в Перу, видимые лишь с воздуха, служили посадочными сигналами для звездопланов, а также что исключительная математическая точность, с которой построены египетские пирамиды, своим происхождением обязана высшему разуму. Деникен ничего не доказал, но разбогател на своих придумках. Мы же исходим из реального существования дочерей бури и предсказаний майя о будущем, поразительно точных. И если о них известно так немного, если открыта лишь малая толика их наследия...

Большая его часть разрушена Диего де Ландой.

Это был монах-францисканец, в течение трех десятилетий обращавший в христианство коренное население Юкатана. В 1572 году его возвели в сан епископа полуострова. В своем религиозном рвении он уничтожил документальные свидетельства культуры древних майя, а также многих идолов, которым они поклонялись, лишив будущих исследователей возможности знакомства с прошлым целой цивилизации. Его миссионерская деятельность обрела формы репрессивного экзорцизма, инквизиция при нем была всесильна. Тем

не менее на закате дней, винась в совершенных бесчинствах, он написал «Сообщение о делах в Юкатане» — произведение, ставшее ключевым для понимания мира майя в эпоху конкисты. Будучи детальной хроникой того периода, оно содержало также описание индейцев и давало представление об их истории. Кроме того, Диего де Ланда разработал первый алфавит для языка майя.

Копию этого алфавита Джоа нашла в одной из купленных в аэропорту книг. История майя была бы сплошным белым пятном, если бы в свое время не были обнаружены Мадридский, Дрезденский и Парижский кодексы, названные так, поскольку ныне хранятся в музеях этих городов. И конечно же, существовал еще «Пополь-Вух» — эпическое произведение майя, их библия.

— Джоа, здесь тоже есть изображение этой плиты, — произнес Давид.

И положил открытую книгу рядом с рисунком ее отца.

Опять по ней пробежала дрожь.

Почему? Отчего? Зачем?

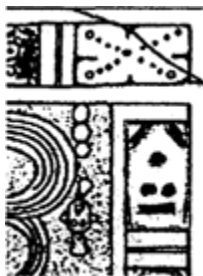
И тут она увидела это. Все так просто, так ясно, так...

— О боже! — простонала она. — Это же все время было здесь, а я...

Давид тоже смотрел то на рисунок ее отца, то на иллюстрацию в книге. Абсолютная калька. Как две капли воды.

Но что-то было не так.

— Смотри сюда! — Джоа показала на прямоугольник в правом верхнем углу отцовского рисунка.

— Да, и что...?

Вопрос так и остался не законченным. Давид разглядывал изображение в книге. На нем плита отличалась. В верхнем правом углу был другой рисунок — что-то вроде креста.

— Это что, твой отец изменил?

— Ну да!

— А не может быть, что это?.. — он искал аргументы, пытаясь выступить в роли адвоката дьявола.

— Давид, это конец, который я искала, число, написанное по-майяски!

— Какое?

— Двадцать семь! — Глаза у Джоа были раскрыты шире некуда. — Гробница номер двадцать семь в Паленке, та самая, в которой я не смогла побывать, потому что она обвалилась!

— погоди, я не догоняю. — Друг явно за ней не поспевал. — Не объяснишь ли сначала, где здесь двадцать семь?

— Майя были превосходными математиками, — Джоа пыталась успокоиться, в том числе — чтобы привести в порядок мысли. — Они умели производить сложные расчеты и записывать колоссальные числа. И все это благодаря нулю — их изобретению, которое все коренным образом изменило. Майя придумали ноль в III веке после Рождества Христова, раньше индусов, которые ввели его в обиход с появлением десятичной системы. Для записи чисел они довольствовались всего тремя знаками. Точка представляла единицу, горизонтальный штрих равнялся пяти, а ноль изображался в виде раковины улитки.

— А почему именно в виде раковины улитки?

— Пустая раковина улитки — это глубокий образ, символ отсутствия некогда имевшегося в форме содержания, которое она вновь может обрести.

— И как же они обходились всего тремя знаками?

— Я покажу тебе. Назови какое-нибудь число.

— 99.

Джоа взяла листок, ручку и нарисовала три черточки и восемь точек, расположив их в определенном порядке, причем верхние точки отстояли от нижних чуть дальше.

И с победным видом показала это Давиду.

— Здесь написано 99? — усомнился он.

— Смотри внимательно: видишь — значки расположены как бы в двух уровнях. Это очень важный момент. Внизу у нас три черточки, по пять каждая, то бишь, пятнадцать. И еще четыре точки — итого девятнадцать.

— И плюс еще четыре точки наверху — двадцать три.

— А вот и нет. Каждый раз при переходе на следующий, более высокий уровень число, которое изображено там, надо умножать на двадцать. Следовательно, на втором уровне у нас четыре единицы, умножаем их на двадцать и получаем восемьдесят. Восемьдесят да девятнадцать снизу...

— Девяносто девять!

— Точно, — Она была очень довольна своим открытием.

— То есть, можно по этим уровням-этажам подниматься до бесконечности?

— Ты понял, да? Смотри еще.

Она написала, причем снизу вверх, несколько строчек с числами:

7-й уровень — 64 000.000 (3 200 000 x 20)

6-й уровень — 3 200 000 (160 000 x 20)

5-й уровень — 160 000 (8 000 x 20)

4-й уровень — 8 000 (400 x 20)

3-й уровень — 400 (1 x 20 x 20)

2-й уровень — 20 (1 x 20)

1-й уровень — 1 (единица)

— Так, действительно, мы можем продолжать до бесконечности. Поразительно, правда?

— Напиши мне теперь 100, — попросил Давид, чтобы окончательно разобраться.

Джоа выполнила просьбу.

— Внизу раковина — ноль, а на втором уровне, или этаже, черточка-пятерка. Пять умножить на двадцать равно ста. При такой системе записи невозможно обойтись только одним уровнем, его не хватает. Самое большое число, которое можно записать в первом уровне, это девятнадцать. Чтобы написать двадцать, уже требуется раковина внизу и одна точка сверху.

— Итак, нам нужно вернуться в Паленке, — Давид откинулся назад.

— Я должна попасть в гробницу 27 и попытаться увидеть, что в ней обнаружил мой отец.

— А эти шесть иероглифических писем?

— Думаю, что начинаю понимать. Сначала я полагала, что это — календари, но теперь вижу, что это запись конкретных дат.

— Ты так считаешь из-за этих полосок и точек, которые находятся слева от маленьких иероглифов?

— Да, — Джоа прикусила нижнюю губу. — Но одно дело знать нумерацию майя, и совсем другое — как они считали время. У меня на сей счет весьма смутные познания, но что нам может помешать их углубить? Как я припоминаю, они использовали три закольцованных системы, и дата определялась путем их сочетания. Это — календарный круг, *хааб* и *тцолкин*. Таким образом, название дней у майя повторялось циклично, каждые пятьдесят два года, когда все три кольца возвращались в начальное положение.

— Что будем делать?

— Пойдем в интернет, естественно! — Она встала из-за стола с намерением направиться в комнату Хуана Пабло, где у него стоял компьютер.

Джоа села за компьютер, включила его и ввела персональный логин владельца.

— Джоа, — в голосе Давида послышались нотки уныния, — а тебе не кажется, что те, кто удерживает твоего отца, уже в курсе?

— Ты не знаешь моего отца.

— А что если они его допрашивали?

Джоа взглянула ему прямо в глаза.

— А не хочешь помолчать, а? Повторяю, ты не знаешь моего отца.

— Мы не знаем, кто они. Некоторые, как, например, судьи, а возможно и еще кто-то, полагают, что на кону стоит будущее человечества. Эти идиоты считают, что дочери бури — это передовой отряд организованного по всем правилам вторжения, и потому придают им ключевое значение во всем, что рано или поздно должно произойти.

— То, что было в гробнице в Паленке, продолжает оставаться там, и мы должны это найти.

— А вдруг он у них? — Давид с многозначительным видом указал пальцем вверх.

— Это означало бы, что он вместе с мамой.

— И что?

— А то, что папа нашел ее и снова счастлив.

— Джоа...

— Ты не представляешь, как он ее любил! — Глаза ее подернулись пеленой воспоминаний. — Когда мама исчезла, в нем будто что-то умерло. Нет, он по-прежнему был отличным отцом, великолепным археологом, но как человек словно перестал жить. Он нуждался в ней, понимаешь? И если он с ней, я успокоюсь и буду тоже счастлива.

— Он может быть и с ней, но жив ли он?

— Нет, он не умер, и мама тоже.

— Откуда тебе это известно?

— Я знаю.

— Твоя интуиция?

Она смерила его вызывающим взглядом.

— Да.

— Ладно, посмотрим, куда мне пойти, — Джоа уткнулась в компьютер, кликнула мышкой на поисковике и ввела в него сразу несколько слов, в частности — «майя», «время», «календарь», что-то еще.

На мониторе высветился список сайтов.

Она вошла на самый первый.

Некоторое время они оба молча читали появившийся на экране текст. Джоа создала новый файл и на всякий случай копировала в него отдельные фрагменты и рисунки.

— Видишь? Согласно представлениям майя, ход времени осуществлялся не прямолинейно из прошлого в будущее, а представлял собой цикличное течение в вечности, — прочла Джоа, как бы подтверждая то, что сказала раньше. — Так, а теперь посмотрим, что нам расскажут о *хаабе*, *тцолкине* и календарном круге.

Ее руки пришли в движение, причем летали по клавиатуре и манипулировали мышью с такой скоростью, что Давид не успевал прочесть всё и даже ухватить отдельные детали информации, мелькавшей на экране. Джоа продолжала переносить фрагменты текста и изображения, прежде всего — иероглифов, в свой файл. Ее действия по мере продвижения работы становились все более четкими и быстрыми.

— Ты уже врубаешься? — насупившись, поинтересовался он.

— Да, по крайней мере, уже в основном вспомнила то, что знала прежде. Скоро я тебе все расскажу. Это немного длинная и сложная история, тем более, если ты не в теме.

— Спасибо, это вдохновляет.

— Я же не называю тебя чайником! — улыбнулась Джоа. — Мне самой непросто разбираться в этой проблематике. Я иногда начинаю думать вслух, это помогает осмысливать вопросы, видеть их и в перспективе и со стороны.

Давид на это ничего не сказал, предоставил ей дальше заниматься делом. На некоторое время даже вышел из комнаты. Когда вернулся, Джоа продолжала, как одержимая, открывать и закрывать разные сайты. Какие-то выписки делала и на листок бумаги. Вбирала в себя информацию, как губка впитывает воду.

Еще минут через пять первый этап ознакомления с материалом завершился.

— Иди сюда, — пригласила она его сесть рядом.

— С чего начнем?

— С азов. — Ее палец указывал на экран, где были открыты сразу несколько окон. Для измерения времени майя пользовались разными календарями, но главные — это *тцолкин* и *хааб*, да еще календарный круг — результат их соединения. Слово *тцолкин* происходит от *тцол* — порядок и *кин* — день. *Тцолкин* иногда называют также «решеткой майя» или «гармоническим модулем майя». Это священный и важнейший для них календарь, состоявший из двухсот шестидесяти дней.

— Кратных тринадцати.

— Совершенно верно, — согласилась Джоа. — В основе *тцолкина* — тринадцать чисел и двадцать названий дней, которые, сочетаясь друг с другом, образуют последовательность уникальных комбинаций. Эти цифры неслучайны: тринадцать — по числу основных сочленений в теле человека, а двадцать — по числу пальцев рук и ног. Как каждое название, так и каждую цифирь майя связывали с определенным богом, обладавшим присущими ему качествами, и эти боги в сочетании определяли, будет конкретный день счастливым или сулит беды. Названия двадцати дней и символы, которыми они обозначались, выглядели так.

И показала их Давиду.

— Как я уже отметила, у каждого символа было свое значение, хотя некоторые понятия или реалии, имевшие для майя особое значение, как например вода и маис, могли олицетворяться несколькими божествами. Имиш был богом земли, корнем, из которого произрастало все, что на ней есть. Ик — богом движущегося воздуха — ветра и жизни, предшественником бога дождя. Акбал — бог потустороннего мира и тьмы, ночное солнце, странствующее по преисподней. Кан — молодой бог маиса, приносивший изобилие. Чикчан был богом, воплощенным в облике змеи — обительницы небес, которая вызывала дождь. Сими — бог смерти. Маник изображался в виде кисти руки и был богом охоты. Ламат — бог неба, олицетворял собой великую планету — Венеру. Мулк был богом, связанным с духами дождя, его символы — нефрит и вода. Ок — проводник во мраке преисподней, его знак — псиняя голова. Чуен почитался великим художником, покровителем искусств и знания. Эб, вкупе с Кауаком, промышлял губельными для урожая ливнями. Бен помогал расти маису и отвечал за хороший урожай. Иш, бог-ягуар, отождествлялся с землей и подземным миром. Мен была богиней луны со старушечьим ликом. Сиб — бог-покровитель землепашцев. Кабан — юная богиня земли, маиса и убывающей луны. Этцнаб — бог жертвоприношений. Кауак — небесный дракон, обобщенная персонификация всех богов дождя и непогоды. И наконец Ахау — солнцезарный бог, который замыкал круг, давая всему новую жизнь и

рост. Эти двадцать богов, однако, не являлись главными в пантеоне майя. Верховными богами у них были Итцама, Чаак, Ах Пуч, Ишчел, Иштаб, Йум Кааш, Эк Чуах...

— А боги чисел?

— Вижу, тебя зацепило.

— Да я просто балдею! — отшутился Давид.

— Хватит дурачиться!

— Я на полном серьезе. Поехали дальше.

— Тринадцать номеров следовали в таком порядке: Хун — приятель богини Луны; Ка — спутник бога жертвоприношений; Ош — бог дождя и ветра; Кан — старое солнце; Хо — старый бог земли; Уак — бог дождей и непогоды. Как видишь, у некоторых явлений по несколько покровителей с разными именами. Далее: Уук — бог-ягуар, символ ночи и преисподней; Нашак — молодой бог маиса; снова Чикчан — бог-змея, повелитель дождя; Лахауу — бог смерти с таким же лицом, как Сими; Булук — друг богини земли Кабан; Лака — юный бог, связанный с Венерой; и Ошлахну — бог воды, похожий на Мулука. У каждого собственное изображение, разумеется.

— Тринадцать чисел и двадцать дней, отлично, дальше.

— А теперь взгляни, какая из них получилась комбинация протяженностью в двести шестьдесят дней, — Джоа показывала Давиду другую таблицу.

— Интересно, значит за 1 Имишем у них шел 2 Ик, 3 Акбал... а после 13 счет возобновлялся с 1, но это уже был 1 Иш... То есть на протяжении полного цикла каждое из двадцати названий использовалось тринадцать раз, но каждый раз индивидуализировалось числом от 1 до 13.

— Это был *тцолкин*, — согласилась Джоа. — Но у майя существовал и другой способ измерения земного года. Назывался он *хааб* — гражданский календарь, согласно которому продолжительность года составляла триста шестьдесят пять дней. Однако майя, в отличие от нас, делили его не на двенадцать месяцев, а на восемнадцать, по двадцать дней каждый. Месяц, по-майянки, это *уинал*, а день — *кин*.

— Но восемнадцать умножить на двадцать — триста шестьдесят. Где еще пять дней?

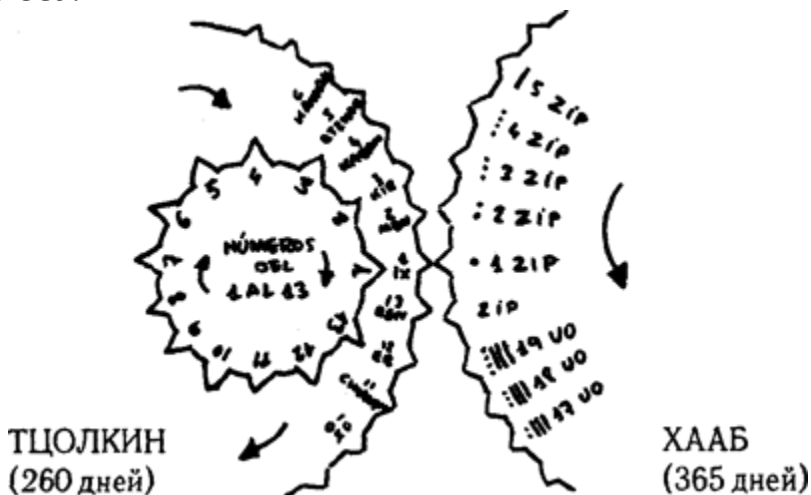
— Их майя объединили под общим названием *уай-эб*, и это были самые неблагоприятные, проклятые дни, в которые они предавались покаянию, постились. Вот знаки и названия месяцев по *хаабу*.

— А календарный круг, как я понял, складывает, объединяет даты по *тцолкину* и *хаабу*?

— Именно. Я здесь нарисовала для наглядности.

И показала ему довольно схематичный набросок, без соблюдения пропорций, на котором было изображено нечто, напоминавшее зубчатые колеса.

— Замысловатые были эти майя, а? — Давид почесывал себе лоб.

— Эта система не хуже других, хотя нам она представляется слишком громоздкой.

— Но, по-видимому, в определенный момент эти шестеренки приходили в первоначальное положение, и отсчет шел заново.

— Это происходило через каждые — четырежды тринадцать — пятьдесят два года по *хаабу*. Цикл включал 18 980 специфических двойных комбинаций. Но поскольку через 18 980 дней «всё возвращалось на круги своя», например, как у нас на рисунке, опять наступала дата 1 Иш — 1 Цип, чтобы отличать ее от идентичных ей парных сочетаний — как предыдущих, так и последующих, майя пользовались еще одной шкалой времени — так называемым длительным счетом. Календарные даты, требовавшие идентификации в более продолжительном периоде, они фиксировали при помощи пятипозиционной комбинации «число-иероглиф».

— Шесть иероглифических письмен, воспроизведенных на рисунке твоего отца, содержат в себе запись дат?

— Точно. Они представляют собой шесть конкретных календарных дат. Главное теперь — суметь их прочитать, а это будет нелегко.

— Зная значение каждого из малых иероглифов, которые их образуют...

— Не все так просто. Начало текущего длительного счета приходится на 11 августа 3113 года до н. э., хотя в зависимости от корреляции календарных систем точка отсчета меняется. На некоторых сайтах я видела, например, стоит 13 августа. Поэтому-то и существует несколько вариантов даты окончания нынешней эры — 21, 22 и 23 декабря. Разночтения есть даже в отношении года.

— Что такое корреляция календарных систем?

— Я объясню позже. — Джоа выставила перед собой руки, как бы отгораживаясь от вопроса ладошками. — Сначала давай закончим с длительным счетом. Чтобы было понятнее, длительный счет соответствует майянской эре — цикличному периоду продолжительностью 5 125 лет. Смотри:

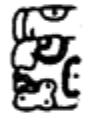

— Уф! Ну и заморочки! — взмолился Давид.

— Полный цикл, или майянская эра, состоит из 13 бактунов, что соответствует 260 катунам, или 6 240 тунам, или 93 600 уиналам, или, в конечном итоге, 1 872 000 кино, то есть дней.

— Что такое бактун, катун и тун? То, что уинал — это майянский месяц, а кин — день, ты мне уже сказала.

— Один бактун равен 144 тысячам дней. Один катун — 7 200 дням. А один тун... видишь? — объяснила Джоа, показывая на соответствующие символы на рисунке.

Транскрипция	Числово обозначение	Изображение в форме головы	Транскрипция	Числово обозначение	Изображение в форме головы
mih			laju'n		
ju'n			b'uluk		
cha			lancha'		
ux			uxlaju'n		
chan			chanlaju'n		
ho'			ho'lau'n		
wak			waklaju'n		
huk			huklaju'n		
waxak			waxaklaju'n		
b'olon			b'olonlaju'n		

Древнее написание	Период	Изображение в виде головы или геометрических фигур	
кин	1 день		
уинал	20 дней		
тун	360 дней		
катун	7200 дней		
бактун	144 000 дней		

— Зная это, ты сможешь вычислить точные даты, зашифрованные иероглифами, которые перерисовал твой отец?

— Думаю, что да. Но мне потребуется время. Иероглифов много. Кроме того, расчет тоже может оказаться не таким уж простым. Здесь все глубоко символично, все имеет свое значение — положение каждого значка, его соответствие. Я тебе еще ничего не рассказала о других таблицах. — Она показала на мониторе две из них, с иероглифами в виде разнообразных голов.

Давид даже побледнел.

— Это — как головоломка, только наоборот. Здесь всё обозначено условными символами, установлены четкие соответствия и равенства значений, и конкретное число выражается в *бактунах*, *катунах*, *тунах*, *уиналах* и *кинах*. А их сумма или, если хочешь, расшифровка, может быть переведена в точную и конкретную дату по нашему, григорианскому календарю.

— Ты можешь сказать мне, что представляет собой или значит каждый малый иероглиф, по крайней мере, в одной из дат,

зашифрованных на рисунке твоего отца?

Джоа взяла один из листков с тремя пронумерованными письменами и стала водить пальцем по обозначенному под номером один.

— Вверху — это вводный иероглиф, но для нас он сейчас неважен. То, что действительно имеет значение, это малые, попарно расположенные иероглифы. Два самых верхних, слева направо, — это бактун и катун; два следующих — тун и уинал; еще два следующих — кин и дата по тцолкину; а два последних — знак владыки ночи и дата по хаабу.

— Владыки ночи? — лицо Давида уже выражало изнеможение.

— Да, они образовывали дополнительный девятидневный цикл, и каждый из них поочередно управлял днями. Здесь, на экране, они представлены в усредненном, так сказать, варианте, потому что на самом деле их всегда изображали с некоторыми вариациями, зависевшими от вкуса исполнителя.

— Следовательно... — Он пытался хоть как-то систематизировать полученную информацию.

— ...я должна найти сумму по длительному счету, слагаемую из пяти чисел, соответствующих первым пяти иероглифам после вводного, прочитав дату по календарному кругу, которая зашифрована шестым и восьмым иероглифами, и дополнить значением владыки ночи, записанным при помощи седьмого иероглифа. Видишь? — Она показала на седьмой значок в рисунке отца под номером 1 и на второй в табличке с изображениями владык ночи. — Это — вариант G2.

— Сногшибательно! — Давид откинулся на спинку.

— Но если ты думаешь, что больше календарей у майя не было, то глубоко ошибаешься. Для более коротких периодов у них существовали и другие системы счета времени, например, календарь космического румба из 819 дней, или 63 раза по 13, календарь циклов Венеры, календарь лунных фаз, календари обращения Марса, Юпитера и т. д. Сверху, как видишь, они ставили как бы общий заголовок — название двадцати *тунов* одного *катуна*, название тринадцати *катунов* одного круга и делали таблицы, подобные таблице тринадцатиричного тунического порядка... Полная галиматья. Вся жизнь майя зависела от неба и погоды. Сумма всех факторов, — Джоа подчеркнуто растянула «е» в слове «всех», — определяла, каким должен быть день, — хорошим, плохим или никаким... Каждый майя с рождения имел такой детально прописанный гороскоп, какой нам трудно себе даже представить, а не гороскоп, как у нас, вообще для Львов или Тельцов.

Мысли Джоа вертелись вокруг погребения номер 27 в Паленке.

— Ладно, — она вздохнула, обозначив тем самым конец урока. — Пока все это была теория. А сейчас, с твоего позволения, я займусь практикой.

— Я могу тебе чем-то помочь?

— Нет.

Оба они немного приободрились — словно ступили на верный путь.

Давид поднялся, но уходить не спешил. Оставаясь рядом с Джоа, застыл на долю секунды, а потом наклонился к ней. Они одновременно потянулись друг к другу, и губы их встретились в нежном и крепком поцелуе.

Джоа улыбнулась.

Прежде чем Давид оставил ее в комнате одну, она нежно погладила его по щеке.

Работа требовала колоссальных усердия и внимания. Дело касалось конкретных дат, и вызывало беспокойство слишком большой разброс во времени в зависимости от выбора точки отсчета — 3113-го, или же, как было сказано Давиду, с учетом других корреляций, 3114 года до Р. Х. Но Джоа намеревалась проверить и этот вариант — хотя бы ради того, чтобы исключить его. Этому она научилась у отца. Лучше с самого начала проверить сомнительное, отвергнуть негодное, выделить окончательную гипотезу и сосредоточиться на ней, чем сразу бросаться на более достоверное, а потом терзаться сомнениями относительно прочих вариантов.

По таблицам и иллюстрациям, уже найденным в интернете раньше и скопированным в рабочий файл, и по тем, что приходилось искать заново, Джоа занялась сначала выявлением значений каждого из составляющих элементов шести писем. В итоге постепенно вырисовалась следующая картина.

Рис. 1: Вводный иероглиф — Сех. Длительный счет: 12—17—18—5—19. Календарный круг: 5 Кауак 7 Сех. Владыка ночи — G2.

Рис. 2: Вводный иероглиф — Сех. Длительный счет: 12—17—18—6—0. Календарный круг: 6 Ахау 8 Сех. Владыка ночи — G3.

Рис. 3: Вводный иероглиф — Сех. Длительный счет: 12—17—18—6—1. Календарный круг: 7 Имиш 9 Сех. Владыка ночи — G4.

Рис. 4: Вводный иероглиф — Канкин. Длительный счет: 12—19—19—17—18. Календарный круг: 2 Этцнаб 1 Канкин. Владыка ночи — G7.

Рис. 5: Вводный иероглиф — Канкин. Длительный счет: 12—19—19—17—19. Календарный круг: 3 Кауак 2 Канкин. Владыка ночи — G8.

Рис. 6: Вводный иероглиф — Канкин. Длительный счет: 13—0—0—0—0. Календарный круг: 4 Ахау 3 Канкин. Владыка ночи — G9.

Проанализировав полученные результаты, Джоа поняла, что даты по календарному кругу и данные относительно владыки ночи ей ничего не дают. У майя они служили определенным целям, но в решении ее конкретной задачи не помогали. Календарный круг

фиксировал дату по *тцолкину* и *хаабу*, а ей требовалось определить совсем другое.

Далее предстояло определить общее число дней по длительному счету. Для этого Джоа сложила численные значения первых пяти иероглифов всех шести дат. Теперь надо было найти способ перевода полученных сумм в даты григорианского календаря. Это превратилось в настоящую головную боль. Оказалось, что все уже найденные и скопированные ею материалы в этом отношении бесполезны. Каким же образом пересчитать с математической точностью количество дней по длительному счету в общепринятую и понятную дату?

Джоа пустилась в новое плавание по интернету. Давид дважды заглядывал из коридора, но, видя ее в состоянии лихорадочного поиска и отрешенности от мирских забот, молча удалялся. На экране компьютера мелькали таблицы, системы... Она нашла руководство по быстрой конверсии длительного счета в григорианский календарь, но данный способ не позволял определить число и месяц — только год.

— Ну же, ну... — Сайты открывались один за другим.

Когда Давид появился на пороге комнаты в третий раз, прошло больше часа.

— Уже скоро, — заметив его краем глаза, сообщила Джоа.

— Я читал сейчас о пророчествах мая, — поведал он. — Потом расскажу.

— Годится.

Поиск иголки в необъятном стоге всемирной информационной сети продолжался. И вдруг...

Она остолбенела.

В это невозможно поверить.

— Ура! Есть! — победно пропела она, найдя замечательную систему преобразования.

Все оказалось предельно просто. Элементарная арифметика и ничего более.

Первые три даты, под номерами с 1 по 3, имели между собой большое сходство, то же самое — три изображения на втором листке, под номерами с 4 по 6. Джоа пришло в голову, что это, вероятно, близко расположенные друг к другу даты. И если удастся перевести в григорианский календарь первую, то со второй и третьей будет намного проще. Равно как и с четвертой, пятой и шестой.

Она начала вычислять. Дата по длительному счету на рисунке 1 в числовой последовательности: 12—17—18—5—19.

— Пусть будет так, — со вздохом согласилась Джоа. — К чертям собачьим вводный иероглиф Сех, повелителя ночи G2, 5 Акауак и 8 Сех. Я поняла, в чем фокус, и они мне ни к чему для того, что интересует меня!

— Ты звала меня? — послышался голос Давида.

— Нет, я сама с собой разговаривала! — крикнула ему в ответ.

— Признаки сумасшествия?

— Гениальности! А ты лучше пойди погуляй и дай мне спокойно поработать! Читай прорицания!

Джоа не пользовалась калькулятором. Умножала, складывала и вычитала на листке, причем очень быстро. Чувствовала, что находилась уже где-то близко.

Подсчеты подходили к концу.

Совершая два последних действия, она уже поняла.

Поняв, побледнела. А когда убедилась, что не ошиблась, бледность стала мертвенной.

В голове все закружилось, в висках стучало, сердце билось в бешеном ритме. Иероглифы оживали, превращаясь в призраки, которые спрыгивали с листка бумаги и иголками вонзались в мозг.

— Боже... папочка... — прошептала она.

Она повторила все вычисления второй раз, от начала до конца, перепроверя каждое число.

Результат вышел точно такой же.

Дата соответствовала по григорианскому календарю воскресенью, 28 ноября 1971 года.

Первая из трех возможных дат рождения ее матери.

Она сдерживала переполнявшие ее чувства, желание немедленно позвать Давида. Перешла к рисунку номер 2. Он был идентичен номеру 1, за исключением четырех последних иероглифов. Его запись по длительному счету: 12—17—18—6—0.

Понедельник 29 ноября 1971 года.

Номер три можно было бы уже не считать. Это был вторник 30 ноября 1971 года.

Ее отец записал по-майянски даты рождения матери... и всех дочерей бури.

Теперь Джоа смотрела на рисунки 4, 5 и 6.

Длительный счет 4-го: 12—19—19—17—18. Следующего, 5-го: 12—19—19—17—19. А 6-го: 13—0—0—0—0.

Последний рисунок привел ее в замешательство — его запись в формате длительного счета начиналась 13 бактунами, а все четыре последующие позиции занимали нули.

Очень круглое число.

Бактун Катун Тун Уинал Кин

Конец и начало времени.

Получив его соответствие по григорианскому календарю, даже не удивилась. Она ожидала этого.

Воскресенье, 23 декабря 2012 года.

Дата, которая наступит через девять дней.

Рисунок номер 4 соответствовал пятнице 21 декабря, а номер 5 — субботе 22 декабря 2012 года.

23 декабря — крайний срок перемены, предсказанной майя.

Конец Пятого Солнца.

Конец человечества — и новое начало.

Отец оставил ей след — гробница 27 в Паленке и шесть конкретных дат.

— Для чего?

— Что «для чего»? — Она вздрогнула, услышав голос Давида, приближения которого не заметила.

— Сядь-ка, — кивком показала ему на стул рядом.

Давид послушно сел, удивленный, что его не отправляют опять «погулять». Сознывая серьезность дела, которым они занимались, и необходимость сосредоточиться на объяснениях, он тем не менее с трудом оторвал глаза от Джоа. Глубокая бледность придавала ее лицу особое выражение — оно словно светило изнутри. Лик, источающий сияние безграничной чистоты.

— Первые три рисунка с этого листка соответствуют 28, 29 и 30 ноября 1971 года — датам, когда родилась моя мать и когда ее нашли. Рисунки со второго листка соответствуют 21, 22 и 23 декабря текущего года.

Комментарии были излишни.

Они не знали, что может произойти, но понимали, что близость даты окончания Пятого Солнца означает, что им следует действовать быстрее.

— Это то, что твой отец?..

— Да.

— Для чего?

— Не знаю. Но ясно одно — он увязывает появление дочерей бури и предсказание майя относительно того, что произойдет через неделю или чуть позже — между 21 и 23 декабря.

— Полагаешь, что луч из глубин космоса достигнет Земли и разрушит ее? — Хотя Давид не собирался острить, вышло как неудачная шутка.

— Нет.

— А если изменится магнитная ось? — выдвинул он еще одну теорию, не лишенную логики. — Это полностью нарушило бы нынешнее равновесие, вызвало таяние льдов на полюсах... В предсказаниях говорится о появлении кометы — знамении конца времён, то же самое, что и в Откровении Иоанна Богослова.

— К нам приближается астероид Апофис, но около Земли, если ты помнишь, он пройдет в первый раз в 2029 году, а во второй — с большей степенью риска — в 2036-м. Так что это — не самая непосредственная угроза. Ты прочел про прорицания майя?

— Да.

— Ну и что в них?

— Погоди. — Он пытался уяснить тему до конца. — Сначала скажи, почему все-таки в этом вопросе о грядущей, согласно воззрениям майя, перемене в мире нет одной-единственной, конкретной даты? Почему одни говорят, что это произойдет 21 декабря, а другие — 23-го? В чем дело? Майя дали маху, оказались не столь точными?

— Дело тут в теории корреляции, как я уже говорила раньше. Попробую объяснить. — Джозеф Кивнула в сторону компьютера — источник своих познаний в данной области. — Тема эта весьма сложная и даже запутанная, поскольку в античную эпоху время не измерялось так, как сейчас. К примеру, 3113 год до Р. Х., который упоминается почти на всех сайтах, посвященных майя, на самом деле,

согласно этой теории, является 3114-м, и наоборот. Все это потому, что в начале христианской эры не был предусмотрен нулевой год. Именно из-за этого мы вместо 3113 года говорим о 3114-м. Кроме того, когда речь идет о майянском Пятом Солнце, то есть об историческом периоде продолжительностью более пяти тысяч лет, следует помнить, что на протяжении его в разные эпохи существовали и разные методики исчисления времени, которые тоже требуют состыковки. Чтобы определить конечную дату Пятого Солнца, ключевое значение имеет знание начальной даты — было ли точкой отсчета 11 августа или 13 августа 3113-го или же 3114 года. Судя по всему, что я видела в интернете, в равной мере признается правильность как 21 декабря, так и 23-го, и даже 22-го. Данная проблема весьма важна для ученых-майянологов, и они не пришли по ней к общему согласию. Теорий имеется на любой вкус. Но поехали дальше. Первым днем юлианского календаря является 1 января 4713 года до Р. Х., иначе говоря, он начался на 1 599 лет раньше начала нынешней майянской эры. Использование корреляционной поправки приобретает существенное значение. Согласно некоему Смайли, эта поправка составляет 482 699. А согласно GMT (Гудман — Мартинес — Томпсон) — 584 285. И если попробовать использовать и ту, и другую поправку, то получается огромная разница. Приведу тебе пример, который скопировала с одного из сайтов.

Джоа написала на листке дату в формате длительного счета: 9—16—4—10—8. Затем — число 1 412 848. Прибавила к нему 482 699 — корреляционную поправку Смайли. В сумме получилось 1 895 547.

— Смотри, длительный счет текущей, как и вообще любой, майянской эры ведется с 0—0—0—0—0. Мы подсчитали, что на момент имеющейся у нас в качестве примера даты с начала эры прошло 1 412 848 дней. Если применить, например, поправку Смайли, то у нас выйдет 1 895 547 дней, что по юлианскому календарю будет 22 сентября 477 года, а по григорианскому — 23 сентября того же года.

— Иными словами — дата возможного конца света колеблется между 21 и 23 декабря.

— Мы сейчас не об этом. Я привела тебе пример с поправкой, которую не использовала. И речь идет о том, что я делала, чтобы перевести даты на шести рисунках в наш нынешний, григорианский календарь. Ты это хочешь знать?

— Я тебе доверяю.

— Ты намерен лишить меня моей минуты славы? — Похоже, Джоа от этого небольшого успеха действительно торжествовала.

— Ни в коем случае. Продолжай, — подбодрил он.

— Ну нет, если сеньора это не интересует...

— Ну, не обижайся, ладно! — Эти слова заставили Джоа улыбнуться.

— Хорошо, поехали дальше! Я объясню тебе способ, которым вывела дату, изображенную на рисунке 1, — она взяла чистый листок бумаги и ручку, намереваясь воспроизвести, к восторгу и удивлению уважаемой публики, те действия, которые проделала несколькими минутами до того. — Поскольку меня интересуют точные день, месяц и год, я буду пользоваться поправкой GMT. — Бросив на него взгляд, она добавила как бы в скобках: — И не спрашивай, пожалуйста, что такое GMT, договорились? — Затем продолжила основную тему: — Прежде всего мы вычислим общее число дней, это — сумма пяти малых иероглифов, которая покажет, сколько дней прошло с нулевого дня нынешней майянской эры. Первый иероглиф — *бактун* 12, то есть 144 тысячи, дней умножаем на 12 и получаем миллион 728 тысяч дней:

— Второй иероглиф — *катун* 17, значит, 7 200 дней умножаем на 17, равняется 122 400 дням:

— Третий — *тун* 18, 360 дней умножить на 18, равно 6 480 дням:

— Четвертый — *уинал* 5, 20 умножить на 5, получается 100 дней:

— Пятый — *кин* 19, другими словами — 19 дней:

— Шестой, седьмой и восьмой иероглифы я не трогала, потому что они служат только для уточнения даты в рамках календарных систем *тцолкина* и *хааба*. Это понятно?

— Говори дальше.

— Теперь все складываем.

Джоа записала произведенные вычисления в форме таблички:

Бактун 12	— 12 умножить на 144 000	= 1 728 000
Катун 17	— 17 умножить на 7 200	= 122 400
Тун 18	— 18 умножить на 360	= 6 480
Уинал 5	— 5 умножить на 20	= 100
Кин 19	— 19 умножить на 1	= 19

Всего дней:

1 856 999

— Мы получили так называемый десятичный длительный счет. К нему прибавляем корреляционную поправку. Это — константа, в

нашем случае — модифицированная GMT. — Видимо, во избежание вопросов Джоа опять кинула на Давида быстрый взгляд.

Прибавила:

Всего дней:	1 856 999
GMT	<u>584 285</u>
Итого:	2 441 284

— Сейчас начинается сложное. Это полученное число, 2 441 284, является юлианским днем. И нам его надо перевести в наши нынешние, григорианские. Для этого воспользуемся следующей таблицей:

Годы	Юлианский день	Годы	Юлианский день
1	1 721 060	1100	2 122 827
100	1 757 585	1200	2 159 351
200	1 794 109	1300	2 195 876
300	1 830 633	1400	2 232 400
400	1 867 157	1500	2 268 924
500	1 903 682	1600	2 305 448
600	1 940 206	1700	2 341 973
700	1 976 730	1800	2 378 497
800	2 013 254	1900	2 415 021
900	2 049 779	2000	2 451 545
1000	2 086 303	2100	2 488 069

— И как она, эта таблица, работает? — спросил Давид, не желая признавать, что окончательно запутался.

— Пользуясь полученным нами юлианским днем, 2 441 284, находим в графе «Юлианский день» данной таблицы ближайшее к нему меньшее число, смотрим его соответствие в колонке «Годы» и запоминаем. Так, это — 2 415 021! Соответствие — 1900-й год! А теперь меньшее нужно вычесть из большего...

Джоа произвела вычитание:

2 441 284
<u>2 415 021</u>
26 263

— А теперь что это такое? — Давид продолжал пребывать в замешательстве.

— Это всё по-прежнему дни. Полученный остаток от вычитания, 26 263, мы разделим на 365 — количество дней в году. Частное — 71 год... с остатком от деления. Теперь мы должны узнать, скольким дням

соответствует наш последний остаток — тот, который отделения, потому что пока это еще не дни. Мы умножаем 365 на 71, получается 25 915 дней. И вот эти-то 25 915 дней мы должны отнять от первого остатка, отделения, то есть от 26 263, получив в результате разницу в 348 дней.

— Вроде дошло! — Давид аж подпрыгнул. — С одной стороны, у нас уже есть 1900, с другой — 71 год, а напоследок — еще 348 дней.

— Не хватает маленькой детали, — Джоа сдержала порыв Давида вывести дату. — Из этих 348 дней надо вычесть... все «лишние» дни високосных годов за период с 1900 по 1971 год.

— Почему? Разве мы их не прибавляем?

— Отнимай!

Давид прилежно записал цифры на бумажке и стал считать, загибая пальцы:

— 1900-й, 1904-й, 1908-й, 1912-й... — Потом у него что-то сработало в голове, и он тут же выдал результат. — Восемнадцать!

— 1900-й — последний год предыдущего, девятнадцатого столетия, а не первый год XX века, — поправила она его, как учительница, поймавшая ученика на ошибке. — Так что не восемнадцать, а семнадцать.

— Хорошо, пусть будет так. 348 дней минус 17 получается 331. Итак, дата соответствует 1971 году плюс еще 331 день, то есть... — Перед тем как осуществить последнее действие, он на мгновение задумался и стал считать не с января, а наоборот — с конца года. — В 1971 году было 365 дней, минус 31 день в декабре, остается 334 дня, это на три больше, чем 331... и эти три дня мы вычтем из количества дней в ноябре... 28 ноября 1971 года!

Завершив подсчеты, он с восхищением посмотрел на Джоа.

— Не надо так на меня смотреть. Честно признаюсь, я не сама это изобрела, а использовала в качестве источника информации интернет, — подытожила Джоа. — Есть и другие методики подсчета, но они более затратные по времени и используют в том числе календарный круг. В завершение темы приведу пример. Существует задокументированная дата, которая приходится на 1500 год. Опираясь на нее, мы тоже можем рассчитывать, переводить майянские даты в эквивалент по григорианскому календарю, как назад, так и вперед.

— И чем она знаменательна?

— Имеется майянская запись, которая гласит: «*Катун 2 ахау. Когда шел 13 тун, впервые испанские чужеземцы ступили на наши земли*». Испанцы конкретизируют этот год как 1513-й. Поскольку в майянской записи говорится о туне номер 13, в качестве начальной точки отсчета была взята дата на 13 лет раньше, а именно 6 июня 1500 года. «*Катун 2 ахау тун 13*» послужило ключом. Стало возможным установить порядок следования остальных катунов, принимая во внимание, что полный круг длится 256 лет плюс 98 дней. — Она взяла листок с распечаткой из интернета. — Я тебе уже говорила, это довольно сложно и запутано. Здесь есть все данные, если тебе вдруг захочется попробовать.

Как только Давид увидел таблицу, глаза у него собрались в кучку.

КАТУН	ПЕРВЫЙ КРУГ	ВТОРОЙ КРУГ
2 ахау	6 июня 1500 г.	13 сентября 1756 г.
	21 февраля 1520 г.	30 мая 1776 г.
13 ахау	22 февраля 1520 г.	31 мая 1776 г.
	7 ноября 1539 г.	16 февраля 1796 г.
11 ахау	8 ноября 1539 г.	17 февраля 1796 г.
	26 июля 1559 г.	2 ноября 1815 г.
9 ахау	27 июля 1559 г.	3 ноября 1815 г.
	11 апреля 1579 г.	21 июля 1835 г.

7 ахау	12 апреля 1579 г. 27 декабря 1598 г.	22 июля 1835 г. 7 апреля 1855 г.
5 ахау	28 декабря 1598 г. 14 сентября 1618 г.	8 апреля 1855 г. 23 декабря 1874 г.
3 ахау	15 сентября 1618 г. 1 июня 1638 г.	24 декабря 1874 г. 10 сентября 1894 г.
1 ахау	2 июня 1638 г. 17 февраля 1658 г.	11 сентября 1894 г. 29 мая 1914 г.
12 ахау	18 февраля 1658 г. 4 ноября 1677 г.	30 мая 1914 г. 13 февраля 1934 г.
10 ахау	5 ноября 1677 г. 23 июля 1697 г.	14 февраля 1934 г. 1 ноября 1953 г.
8 Ахау	24 июля 1697 г. 9 апреля 1717 г.	2 ноября 1953 г. 19 июля 1973 г.
6 ахау	10 апреля 1717 г. 26 декабря 1736	20 июля 1973 г. 6 апреля 1993 г.
4 ахау	27 декабря 1736 г. 12 сентября 1756 г.	7 апреля 1993 г. 22 декабря 2012 г.

— Почему у *ахау* такая странная последовательность — сначала нечетные, потом четные, и все в порядке убывания?.. Нет, ладно, не все ли равно, в конце концов! — Он махнул рукой, словно отбрасывал только что заданный вопрос в сторону. — Больше ничего не объясняй, на сегодня уже более чем достаточно. Я сдаюсь.

— Теперь твоя очередь. — Джоа скрестила руки на груди. — Рассказывай о пророчествах майя.

Прежде чем начать, Давид полистал книгу.

— Поразительна точность их предсказаний. Например, *чиламобы*, их пророки, за несколько столетий предвидели пришествие испанских завоевателей. Сильно, правда? Книгу книг *Чилам Балам* следовало бы изучать в школах.

— Только прошу тебя — без фанатизма.

— Хорошо, — Давид собирался с мыслями, чтобы толково изложить прочитанное. — Первое пророчество майя — о возвращении Кетцалькоатля, Кукулькана. Он был на Земле четыре раза. Начиная с 1993 года обратился в Пятый Цветок, это — пятое пребывание. Что касается 1993 года, то его вывели из четвертого *ахау* — тоже разновидности даты. — Он сделал жест рукой, которым явно хотел сказать, что больше об этом ничего не знает. — Текст говорит: «В четвертый раз, когда заговорит *катун*, четвертый раз он явится *Итце*, Кудеснику Воды, в Чичен-Итце, Месте у Колодца, где живут Кудесники Воды». Таким образом, имеется указание, что в духовном смысле местом его возвращения в мир будет Чичен-Итца. Согласно толкователям этих пророчеств, речь шла о том, что 6 июня нынешнего, 2012 года произойдет нижнее соединение Венеры с Солнцем в условиях, которые повторяются раз в сто четыре года, то есть единожды за два мезоамериканских века продолжительностью пятьдесят два года. Так оно и было. Но самое поразительное во всем этом — астрономы заранее рассчитали, что в своем движении по небесной сфере Солнце пересечет темное пятно в центре Млечного Пути, от которого майя начинали мерить смещение равноденствия. Так и произошло в текущем 2012 году. Если согласиться с гипотезой, что они унаследовали знания от инопланетян, все становится гораздо понятнее. Но как бы то ни было, умение измерять время у них фантастическое. Обрати внимание вот на что. — Он принялся зачитывать вслух небольшой отрывок текста: «Концепция длительного счета майя основывается не на количестве дней, прошедших с определенного начального момента, а на количестве дней, недостающих до соединения с темным пятном в Млечном Пути. С

удивительной точностью они определили, что указанное соединение будет иметь место в 2012 году, и избрали дату 22 декабря для того, чтобы, начиная с нее, в обратном порядке развернуть свои эры вплоть до 13 августа 3114 года до Р. Х., сделав этот день точкой отсчета, началом своей истории. Это уникальный случай среди всех культур Земли: народ, понимавший и строивший свою жизнь не по тому времени, которое прошло, а по тому, которое придет». Давид оторвался от книги. — Как видишь, автор этих строк приводит другие даты — 22 декабря как конец и 3114 год как начало, хотя сейчас это уже не имеет особого значения.

— Давай-ка перейдем ко второму прорицанию.

— Оно о голоде и нужде во втором *ахау*, то есть в период между 2012 и 2032 годами. Воды и хлеба, как в нем говорится, убудет, что полностью согласовывается с нынешним состоянием планеты, истощенной во всех отношениях и страдающей от глобального потепления, которое сулит XXI веку мрачное будущее. Третье предсказание тоже касается сокращения — чего бы ты думала? — веса и влияния религий. «*На то воля Божья, что вполтину убудет его храм в то царствие*», — говорится в нем. Церковь сегодня каждый день теряет верующих.

— Но в нем ничего нет о нынешних религиозных войнах.

Давид пожал плечами.

— Тринадцатый *ахау*, то есть период 2032—2052 годов, предшествует вселенской гекатомбе. С ней связаны пятое, шестое и седьмое пророчества... В них, в частности, говорится, что «Солнце обернется ликом Луны», «прольется кровь по деревьям и камням, возгорятся пламенем небеса и Земля по слову Божьему». Некоторые трактуют это как наступление эпохи необратимых перемен, которые пройдут по властным элитам, Международному валютному фонду, Всемирному банку, Большой восьмерке — группе наиболее индустриально развитых стран, биржевым спекулянтам с Уолл-стрит... Слова «Солнце обернется» связаны с возможностью космической катастрофы, и здесь стоит вспомнить кометы и метеориты. Этот астероид — сначала в 2029-м, а потом в 2036 году — в первую очередь. Надо иметь в виду, что каждые сто тысяч лет на нашей планете происходят изменения магнитной оси, вызывающие, в том числе, крупные катаклизмы и оледенение. «Лик Луны» часто

интерпретируется как метафора размышлений, глубокого ума, то есть провозглашается наступление эпохи интеллектуального развития. Короче говоря, множество всевозможных толкований.

— Можешь не продолжать. Ни одно из этих пророчеств не говорит о том, что мир прекратит существовать через несколько дней. Однако совершенно определенно речь идет о том, что грядут перемены в физическом и духовном плане, что родится новая вера, дети перестанут быть невинными, эпидемия выкосит значительную часть человеческого рода, вернуться на Землю пророки, падет цивилизация, и мы приблизимся к новой эре человечества.

— Страшный суд.

— Что-то в этом роде.

— Все религии и пророки предсказывали нечто подобное, да и не представляет труда спрогнозировать, что мы так или иначе погубим планету. Что там насчет грядущей, согласно майя, перемены?

— Четвертый *ахау* — это последняя глава Пятого Солнца, а второй и тринадцатый *ахау* — первые главы Шестого Солнца. — Давид сверился с книгой, снова взяв ее в руки. — В Первом Солнце мы существовали в форме животных; во Втором обрели человеческую форму, но были из глины и совсем примитивны, со слабо развитым мозгом; в Третьем наш мозг увеличился, а сами мы были уже из дерева; в Четвертом возвысились до положения детей маиса, получили сознание, характер и индивидуальные особенности; в Пятом, нынешнем, научились ставить перед собой цели и добиваться их достижения, воспитывать характер и развиваться как личности.

— Знаешь, что во всем этом плохо? Что пророчества все истолковывают кто во что горазд. — Джоа не скрывала разочарования. — Я-то думала, они наведут нас на какой-нибудь конкретный след.

— Ты считаешь, они ничего не дают?

— Подытожь своими словами.

— Я полагаю, основные мысли сводятся к следующему: человечеству предстоит сделать выбор между своим исчезновением как вида и эволюцией в направлении полной интеграции в новый космический порядок; Землю ожидают потрясения в виде катастроф, обусловленных климатическими изменениями и всем тем, что происходит на Солнце, — пятнами, взрывами и т. д. и т. п. Мы — раса,

отмеченная печатью страха смерти, загробного мира, и вместо этого страха должно появиться новое духовное состояние.

— Чудесно! — хмыкнула Джоа. — Однако ни слова о возвращении создателей, творцов.

— Тем не менее есть еще два момента, которые показались мне заслуживающими внимания. Один, относительно недавний, касательно инопланетян. — Давид искал в книге. — Согласно представлениям майя, всякому великому преобразованию предшествует буря — 11 августа 1999 года началось решающее тринадцатилетие, которое сейчас подходит к концу. В тот день человечество вступило в Зеркальную галерею. Цитирую: «Или мы научимся видеть себя такими, какие мы есть, и изменим отношение к планете и самим себе, или же планета позаботится, чтобы покончить с нами». Что и происходило все эти тринадцать лет. Другой поразивший меня момент — это то, что в самый пик затмения 11 июля 1991 года, когда, помнишь, я рассказывал, твоя мать потеряла ребенка, в 13 часов 18 минут в небе появился космический корабль, который в Мексике видели тысячи людей, а сотням его даже удалось заснять. Аппарат висел в воздухе в течение тринадцати минут и в 13.31 испарился, тринадцать — число, обозначающее у майя плодородие и смерть, но не как конец, а как начало возрождения. Тысячи людей его видели. Что это — массовая галлюцинация?

На сей раз Джоа ответила не сразу.

Закрыла глаза.

Голова раскальвалась.

Единственно, в чем она была уверена, — в необходимости вернуться в Паленке и попытаться найти последний след... Если он существует и она будет способна его увидеть.

— А если его не существует, зачем отец изменил рисунок надгробной плиты Пакаля, вписав в него число двадцать семь?

— Мне сейчас не хочется думать о марсианах, понимаешь? Я себя чувствую слишком реальным человеком, чтобы пускаться в поиски фантастических объяснений тому, что кто-то сказал сотни лет назад, пусть я и отпрыск одной из дочерей бури. — Она поднялась из-за стола и, выключая компьютер, сказала почти шепотом: — Я иду спать. Завтра опять рано вставать.

Давид молча захлопнул книгу.

Они были в квартире одни, Хуан Пабло не вернулся.

Джоа закрыла глаза и попыталась заснуть, но голова бурлила как котел, кипящий на медленном огне. В темноте она почувствовала себя маленькой, беззащитной, ввергнутой в пучину неизвестности, из которой не знала, как выбраться.

Давид потихоньку вошел в комнату и лег рядом.

Ощувив его присутствие по едва ощутимому колебанию воздуха, коснувшись ее плеча, когда он ложился, девушка затаила дыхание.

Она его хотела и боялась. Он был ей нужен. И все же...

— Джоа...

— Да? — еле слышно ответила она.

— Я не знал, спишь ты или нет.

— Заснуть, боюсь, будет не легко.

— Мне тоже, — признался он. — Сплошные сомнения и нескончаемые вопросы.

— Например, какие? — чтобы лучше его слышать, Джоа, лежавшая к нему спиной, повернулась.

— Не могу понять, зачем твоему отцу понадобилось привлечь тебя, оставлять этот след. Втянув в самую гущу событий, он подвергает тебя опасности.

— Ради бога, Давид, или ты забыл, что я дочь своей матери, что я — мостик к звездам?

— Если он ощущал опасность или ему угрожали, почему не связался с тобой по телефону и не сообщил ничего конкретного?

— Вероятно, не мог или думал, что если, не дозвонившись, оставит голосовое сообщение, им сможет воспользоваться кто-то другой... Не знаю, но могу придумать с десятков различных версий.

— А что если он ушел по собственной воле?

— Вот это мне представляется невозможным. Его увели.

— Они?

— Ты имеешь в виду инопланетян?

— Да.

На несколько секунд между ними повисло молчание.

— Твоя мать...

— Давид, прошу тебя, замолчи! — В ее голосе слышалась мольба.

— Прости.

Вновь воцарившееся молчание затянулось. В комнате было темно, но Джоа знала: их тела разделяют всего несколько сантиметров, он лежит, опершись на локоть, смотрит на нее, и воображение — средство более могущественное, нежели зрение — позволяет ему видеть ее во тьме.

Джоа приподняла руку. Безошибочно нашла лицо Давида. Нежно провела тыльной стороной ладони по его щеке.

Он замер.

Прикосновение было легким и мимолетным. Потом ее рука скользнула вниз, легла в его руку и замерла.

Нет, это было не приглашением — стремлением раствориться в покое.

Когда Давид склонился над ней, она закрыла глаза.

Его губы коснулись ее лба, затем сомкнутых век, щек и, наконец...

Этот поцелуй словно распахнул в ней какую-то потаенную дверь...

Дал выход чувствам.

Девушку охватила истома, обволокла чарующая нега. Ее губы ответили его губам, уста слились воедино. Джоа и Давид точно желали выпить друг друга — нежно, мягко и страстно, постепенно растапливая остатки слабого сопротивления. Этот поцелуй был уже совсем не такой, как в тот раз, когда они покинули землю уичолов.

Джоа вся трепетала.

Рука Давида, ласкавшая до того ее руку, обвила Джоа за талию, чтобы с силой привлечь к себе. В вихре страстного желания возникла едва уловимая пауза, и в этот миг она тихо застонала.

— Пожалуйста, не надо... — прошептала девушка, испугавшись силы своего желания.

— Хорошо. — Он отстранился.

— Нет, не уходи! — Она перехватила его руку и вернула себе на талию: — Обними меня.

Он беспрекословно исполнил ее просьбу. Они лежали, объединенные объятиями в одно единое целое.

— Я хочу объяснить тебе... — нерешительно начала Джоа.

— Не надо.

— Нет, серьезно, я сама не понимаю, что со мной творится.

— Ты боишься.

— Я очень хочу тебя, но я еще не готова. — Она прижалась к нему.

— Я умею ждать, — прошептал он ей в самое ухо.

— Спасибо. — Она подняла руку и стала гладить его по голове.

— Когда я тебя впервые увидел, ты была еще девочкой. Прелестной, но совсем юной девочкой. За эти два года ты... Я влюбился в тебя тогда с первого взгляда... — У Джоа сердце захолонуло, перестало биться. Пауза. — Когда мы разговаривали в первый раз в Паленке...

На этот раз уже она искала его губы.

Нашла и запечатала их своими.

Больше они ни о чем не говорили. Утонули в поцелуе — крепком, сладком, нескончаемом... И оба не заметили, как он перешел в блаженный сон.

Джоа и Давид встали на рассвете и успели на самый ранний рейс. Хуан Пабло настаивал, чтобы они задержались хотя бы еще на пару деньков, но для них был дорог каждый час. Из Боготы в Мехико им пришлось лететь первым классом, а с билетами из Мехико в Вильяэрмосу дело обстояло и того хуже: ничего не осталось даже в первом классе. Их внесли в лист ожидания, но они решили, что если освободится лишь одно место, брать его не станут. Либо лететь вместе, либо не лететь.

За десять минут до закрытия рейса, когда они уже не сомневались, что застрянут на ночь в Федеральном округе, произошло чудо: появились сразу три места в эконо-классе. Два достались им, а третье — какой-то женщине, которая ехала одна.

В Вильяэрмосу они прилетели уже почти ночью. В аэропорту взяли на прокат одну из последних машин. В «Шибальбе» останавливаться не рискнули. Давид сразу поехал к небольшому дому в центре городка, где снимал комнату в прошлый раз. Хозяйка уже спала, но неудовольствия, что ее вытащили из кровати, не выказала, довольная прибытием новых постояльцев и возможностью заработать несколько лишних песо. Девушку она смерила взглядом сверху вниз, прикидывая возраст, и, ничего не сказав, дала им ключ и оставила одних. Как и предыдущей ночью, они легли, обнявшись.

Наутро, когда Джоа открыла глаза, шел уже одиннадцатый час. Увидев, что в комнате, кроме нее, никого нет, испугалась. Но едва соскочила с кровати, как дверь открылась и вошел Давид, на лице которого играла улыбка.

— Доброе утро, — приветствовал он ее.

Она его обняла.

— Почему ты меня не разбудил?

— Тебе нужно было выспаться.

— Ты уже позавтракал?

— Нет, завтракать мы пойдем вместе.

Джоа поцеловала его в губы и скрылась в ванной. Через пять минут она была готова. На завтрак ушло четверть часа. Прошлой

ночью поужинать им уже не удалось, а еда, чем они питались в течение целого дня — в самолетах и аэропортах, — была не особенно вкусной. Поэтому молодые люди отдали должное домашней стряпне хозяйки, которая все это время, безмолвно покачиваясь в гамаке, подвешенном у входа, делала вид, что дремлет, но держала их под прицелом своего недремлющего ока. От ее неусыпного взгляда они избавились, только сев в машину, чтобы ехать на раскоп.

Но вот наконец их цель и, возможно — последняя надежда.

— Если эта гробница двадцать семь все еще закрыта... — Джоа прикусила нижнюю губу.

— Знаешь, что меня беспокоит?

— Что?

— То, что судьи не дают о себе знать. Они вовсе не из тех, кто сдается и отступает.

— А меня не оставляет все то же ощущение.

— Что за тобой следят?

— Да.

— Вчера в самолетах, начиная с Медельина, я внимательно рассматривал пассажиров. Ни одного повторяющегося лица. Никого, кто висел бы у нас на хвосте...

Они очень быстро проехали семь с небольшим километров, отделявших городок от развалин древнего Паленке, и запарковали машину у входа. Как и в прошлый раз, Джоа предъявила пропуск, теперь еще и распространив его действие на Давида, которого держала за руку. Отчетливые оттиски печатей компетентного министерства без лишних разговоров распахнули перед ними двери на территорию археологического памятника. Фотографию отца, показывая документ, она прикрыла на всякий случай большим пальцем. Шествуя по направлению к гробнице двадцать семь, девушка не переставала смотреть по сторонам, разыскивая глазами Бенито Хуареса — своего говорливого провожатого в первое посещение комплекса.

Номер двадцать седьмой был закрыт, и Джоа овладело беспокойство.

Они пошли к двум другим гробницам. Когда приблизились, из одной из них навстречу им торопливо выбрался археолог. Информация об исчезновении Хулиана Мира к тому времени уже стала достоянием гласности.

Она об этом не подумала.

— Джорджина! — выпалил Бенито Хуарес с широко раскрытыми глазами. — Девочка моя! Куда ты подевалась? Сначала ты пропадаешь, потом мы узнаем, что и твой отец... Я боялся худшего!

— Я как раз его и искала, — Джоа попыталась предотвратить необходимость пускаться в излишне подробные объяснения. — Я не могла вам ничего сказать, потому что шло следствие и... меня просили сохранять конфиденциальность.

— Я понимаю, все прекрасно понимаю! Что-то удалось выяснить?

— Пока нет.

— Клянусь всеми святыми! У меня в голове не укладывается, как может бесследно исчезнуть такой человек, как Хулиан Мир? Полный абсурд! — Тут он впервые взглянул на Давида, словно только сейчас заметил его присутствие.

— Давид Эскудэ, — представила его Джоа. — Помогает мне в поисках. А это — Бенито Хуарес.

Мужчины пожали друг другу руку. Археолог выглядел точно так же, как и когда Джоа познакомилась с ним, — весь перепачкан землей, вспотевший от трудов праведных, с блестящей лысиной и в круглых очках, оседлавших хребет его выдающегося носа.

— И ты вернулась в Паленке, чтобы?.. — Он понимал, что ее возвращение связано чем-то конкретным.

— Мне нужно осмотреть двадцать седьмую гробницу.

— Вчера мы расчистили завал... — Он нахмурил брови. — Зачем тебе эта гробница?

— Отец что-то усмотрел в ней, перед самым исчезновением.

— В двадцать седьмой? — Археолог не верил своим ушам. — Мне он ничего не сказал.

— Возможно, он пришел к такому выводу уже вечером, у себя в гостинице.

Бенито Хуарес почесал лысину.

— Эх, Хулиан, Хулиан... — вздохнул он. — Самый скрытный на всем белом свете человек. И самый непроницаемый.

— Так мы сможем спуститься в эту гробницу, сеньор Бенито?

Голос у Джоа был просительный.

— Там еще не вполне безопасно...

— Ну, пожалуйста.

— Думаю, что это возможно, если вы обязуетесь быть осторожными.

— Ну конечно!

— Хорошо, пошли, — и первым направился к двадцать седьмой.

В тот момент два других археолога появились на свет божий из недр номера двадцать пять, продолжая спор, начатый еще внизу.

— Вечно они сцепятся, — пробурчал себе под нос Бенито Хуарес. — Когда один утверждает, что найденная надпись гласит то-то и то-то, другой настаивает, что ее значение совершенно иное. Чудеса, да и только. Если бы знаки, символы и иероглифы можно было расшифровывать так просто, как получается у этих ребят! Но ничего, они молодые, у них все еще впереди, научатся. Археология — это наука времени. Мы раскапываем историю на миллионы лет назад и пытаемся раскрыть все ее секреты за какие-то жалкие месяцы, пусть даже годы нашего эфемерного настоящего.

Он безостановочно продолжал вещать о непреходящем значении своей профессии все то время, которое им потребовалось, чтобы дойти до места назначения. Джоа с чувством сжала руку Давида, и он ответил ей тем же — внешне незаметный, но важный для обоих жест. Спускаться по ступенькам к гробнице двадцать семь пришлось поодиночке. Возглавил цепочку Бенито Хуарес. Он открыл замок, призванный держать запертой полуразвалившуюся деревянную дверку, и все вошли внутрь.

И тут же ощутили сырость, холод и причастность к истории — именно в указанном порядке.

Запах влажной земли и прошлого.

Археолог щелкнул выключателем, и путь им осветила гирлянда лампочек. Они прошли по горизонтальному коридору длиной метров десять, с укрепленными по обеим сторонам стенками, и оказались перед узенькой лестницей, спускавшейся вниз.

— Осторожно, тут очень скользко! — предупредил провожатый.

— Эти надписи и стелы в коридоре... — начала зондировать Джоа.

— Рассказ об одной битве, — на сей раз коротко ответил Бенито Хуарес.

— Когда я была здесь первый раз, вы мне сказали что-то о будущем, что гробницы таят в себе множество предсказаний и

календарных дат.

— Конечно, здесь немало разных дат и прорицаний. Ты побывала уже в номерах 25 и 26, где мы обнаружили упоминание о приходе испанцев, записанное задолго до того, как оно стало фактом, и я говорил, что нам потребуется немало времени, чтобы более точно все это расшифровать.

Тогда Джоа предположила, что в 27-й гробнице будет примерно то же самое.

Она ошиблась?

Лестница из тринадцати довольно высоких ступенек оканчивалась у входа в помещение с настолько низким потолком, что кое-где они касались его головой. Это было преддверие усыпальной камеры.

— Тут мы нашли две мумии. Двух слуг, — прокомментировал археолог.

— Эта находка из разряда важных?

— Все находки важные. Не такие выдающиеся, ясное дело, как гробница Пакаля. Но мы ведь еще не закончили копать и исследовать. Хотя, с научной точки зрения, обнаруженный саркофаг, по всем признакам, не из самых ценных. Пошли дальше, там есть еще подземный зал, побольше.

Прямо перед ними находилась дверь, ведущая в усыпальницу, но чтобы попасть туда, надо было миновать еще один проход, не очень длинный — около трех метров.

— Это как раз тот коридор, который дал частичную просадку, и обрушение лишило нас нескольких настенных надписей, — пояснил археолог. — Здесь будьте особо осторожны, ничего не касайтесь. Ни стен, ни потолка.

Проскользнув по этому коридору, они очутились в погребальной камере. В глаза бросился саркофаг — уже без крышки и пустой. Стены находились в ужасном состоянии. Рисунки и надписи едва виднелись: время и влага их не пощадили. В стороне был каменный проем еще одной двери, которая вела, судя по куче грунта близ нее, в помещение, где продолжались раскопки и куда они направятся после усыпальницы.

Ее отец был здесь и видел эти четыре наполовину обсыпавшиеся стены в тот день, когда сказал Бартоломэ Сигуэнсе, что у него есть ключ.

«Путь близится к концу, Бартоломэ. У меня есть ключ. Я должен вернуться в Чичен-Итцу».

Что-то там было. И ей предстояло это найти.

Основная часть рисунков и надписей располагалась на двух боковых стенах, поскольку в торцевых были двери. Из-за слабого освещения, чтобы более или менее разглядеть или, скорее, угадать очертания изображений на стенах, приходилось практически утыкаться в них носом.

— Похороненный здесь был, по-видимому, либо *чи-ламоб*, то есть прорицатель, либо *ах-кин* — жрец. Нам удалось установить с большей или меньшей степенью достоверности, что письма на этих стенах повествуют о его свершениях и заветах. Однако сейчас нас больше интересует соседнее помещение, которое может быть значительно важнее, — пояснял по ходу дела Бенито Хуарес.

Внезапно Джоа ощутила теснение в груди.

На стене напротив выхватила глазами наполовину вытравленный фрагмент — полдюжины еле различимых иероглифов. Некоторые детали привлекли ее внимание. Особенно одна.

На поведении девушки никоим образом не сказалось, что она обнаружила нечто, ее взволновавшее. Джоа осмотрела и остальные письма — вдруг найдет еще что-нибудь. Осмотр производила не спеша, дотошно, с невозмутимым видом обходя стены по периметру. Это помогло ей, кроме всего прочего, успокоиться, восстановить дыхание. Затем вернулась к тому месту, где находилась пробудившая ее интерес надпись. Вернее — фрагмент, поскольку большая часть поверхности стены обсыпалась и от надписи мало что осталось.

— Ну как? — спросил археолог.

— Интересно.

Давид заметил в ее голосе особые нотки. Подошел посмотреть, что она там изучает.

— Может ты, дочка, сможешь сказать мне, что такого увидел здесь твой отец? — Бенито Хуарес сделал жест, изображавший недоумение. — И если углядел что-то, почему мне-то ничего не сказал?

Возможно потому, что это не представляло никакого интереса ни для кого, кроме него самого, мужа одной из дочерей бури. След был

здесь, перед ее глазами.

Джоа еще мгновение помолчала.

— Вы правы, — начала говорить она, стараясь ни лицом, ни голосом себя не выдать. — Каждая новая гробница — важное открытие, и требуется немало времени, чтобы расшифровать найденное. В ту ночь отец пришел к какому-то заключению, но к какому, о чем — не могу даже предположить. Вероятно, даже о чем-то, что не имеет ко всему этому прямого отношения.

— Жаль, — археолог развел руками.

— В любом случае — спасибо.

Давид почувствовал пальцы Джоа на своем запястье. И по тому, как она настойчиво поворачивала его руку, понял: девушка подавала ему знак встать между ней и археологом.

Сделав шаг вперед, он обернулся и по губам прочел: «*Уведи его!*»

В том первом помещении, где находились две мумии, я увидел нечто, что меня поразило. — Хранитель взял инициативу в свои руки и, подхватив Бенито Хуареса под локоток, аккуратно развернул в противоположную от Джоа сторону.

— Да? А что же именно?

Давид деликатно, но решительно подталкивал археолога к выходу и вслед за ним тоже скрылся в проходе, оставив Джоа за спиной.

Одну.

Не теряя ни секунды, она извлекла из кармана цифровую камеру. Сначала сняла заинтересовавший ее фрагмент — вблизи и с расстояния, потом — все стену целиком. Фотографировала без вспышки, при тусклом свете лампочек. Последний кадр, однако, чтобы подстраховаться, щелкнула со вспышкой, рискуя выдать себя.

А потом вышла из усыпальницы и миновала опасный коридор.

Давид проявил высокий, точнее — высочайший интерес к фрагменту, описывавшему славные дела одного из соратников покойного, а Бенито Хуарес, встретив в лице молодого человека благодарного слушателя, превзошел себя в красноречии и подробнейшим образом, не скупясь на захватывающие воображение детали, комментировал письма.

Джоа все еще была дрожь.

Распрощаться с Бенито Хуаресом труда не составило. Завершающие минуты своей лекции он посвятил Хулиану Миру. Настоятельно просил позвонить, если что-то станет о том известно, и дал свой телефон. Джоа расцеловала археолога в обе щеки. Его глубоко посаженные глазки не могли найти, на чем бы или на ком им остановиться.

Отойдя от него не более чем на пять шагов, но когда он уже не мог их услышать, Давид не смог сдержать свое нетерпение.

— Нашла? — полушепотом выпалил он.

Джоа оставила его вопрос без ответа. В ней самой бушевала внутренняя буря.

— Так ты нашла? — повторил он вопрос уже с нотками беспокойства в голосе.

— Да, нашла. Речь может идти только об этом. Но мне нужно войти в интернет и рассмотреть фотографии.

— Ты сделала фотографии? — удивился Давид.

— Благодаря тебе. Тебе ловко удалось увести Бенито Хуареса.

— Что ты обнаружила?

— Число.

— Ради бога, Джоа! Что за число? Что оно означает? Почему я должен вытягивать из тебя слово за словом?

— Пока не знаю! Число, и все! — возмутилась девушка. — Как ты можешь требовать от меня, чтобы я тут же выдала тебе и его смысл, и что оно значит? А если я ошиблась?

— С твоей интуицией тебе не пристало ошибаться.

— Давид... — терпение у нее было на исходе.

— Понял, прости, — извиняющимся тоном проговорил он. — Ты разнервничалась.

— Да, — призналась она и опять взяла его за руку.

Давид с силой сжал ее пальцы, склонился над ней и поцеловал в лоб.

Это сняло с нее напряжение.

Они уже приближались к выходу из археологического комплекса.

— То, что я обнаружила, в ужасном состоянии, — сама вернулась к теме Джоа. — Иероглифы еле различимы, есть символы и знаки, которые могут иметь разный смысл. Но самое плохое то, что эта часть надписи не сохранилась целиком, а отдельные детали вряд ли помогут многое прояснить. Однако это число...

— У тебя уже есть идея?

— Я предпочла бы сначала убедиться. Кроме того, у меня нет никакого желания садиться здесь на землю и воспроизводить, рисуя на придорожной пыли, увиденные письмена. Я их, конечно, и в памяти держу, но...

Она замолчала. Давид это истолковал правильно, и больше они не говорили, пока, взявшись за руки, шли ускоренным шагом в направлении арендованной машины. Инициативу сесть за руль Джоа предоставила Давиду. Семь километров до городка они пролетели с самоубийственной скоростью, благо что к этому часу поток автобусов с туристами почти иссяк. В доме, где они квартировали, компьютер, разумеется, был излишней роскошью, поэтому молодые люди отправились искать интернет-кафе. Его они нашли сами, без расспросов, на пересечении улицы Альенде и аллеи 5-го Мая. Запарковали машину и вошли.

— Ты кабель взяла? — спохватился Давид.

— Взяла. Я подумала, вдруг понадобится, — улыбнулась она. — Кабель и все необходимое.

— Интуиция? — Он тоже улыбнулся.

— Хватит издеваться.

— Я и не издеваюсь! — Он был искренен.

В интернет-кафе было довольно много народу, но два свободных компьютера нашлось. Джоа выбрала тот, что стоял подальше от входной двери, чтобы на монитор не падал прямой свет и не мешали блики. Вынула и положила перед собой фотокамеру, переходник и пустой диск для записи информации. Терпеливо подождала, пока загрузится компьютер, и подключила к нему фотоаппарат.

На экране появились снимки, сделанные в гробнице двадцать семь.

Девушка расположила их в четырех окнах, открытых одновременно. Изображения вышли плохо — едва угадывались очертания. Давид молчал, стараясь ее не отвлекать и не раздражать.

Джоа поочередно увеличивала их, рассматривала, затем уменьшала и сравнивала с другими.

Из небольшой сумки, висевшей у нее на шее, откуда несколькими минутами раньше появились компьютерные причиндалы, она извлекла шариковую ручку и крохотную записную книжку.

— Ты всегда такая предусмотрительная?

— Угу, — лаконично ответила Джоа, поглощенная перерисовыванием в блокнотик контуров с первой фотографии, к которым время оказалось благосклоннее, и они были наиболее различимы.

Число.

— В самом низу, видишь, у нас ноль, — начала она комментировать вслух. — На втором уровне — две черточки, две пятерки. Следовательно, десять умножить на двадцать — получится двести. Еще выше — три черточки и две точки, то есть семнадцать. Семнадцать надо умножить на двадцать и еще раз на двадцать — всего на четыреста, поскольку это уже третий уровень. Так, получается... — вычисления она делала отдельно. — Шесть тысяч восемьсот. И наконец на четвертом уровне — единица, умноженная три раза на двадцать... восемь тысяч.

— Итого — пятнадцать тысяч.

Джоа продолжала всматриваться в иероглиф.

— Пятнадцать тысяч чего? — слетел с уст Давида вопрос.

Странно. Ее инстинкт буквально кричал ей что-то, но что — она в замешательстве не могла разобрать.

— Посмотри сюда! — она указала на два с трудом различимых иероглифа.

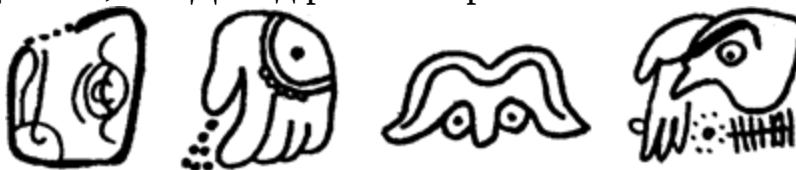

— Что они значат?

— Я не совсем уверена, но первый, мне кажется, я уже где-то видела. Может, в нем чего-то не хватает. А второй вообще не узнаю, — делилась своими соображениями Джоа, копируя одновременно эти значки к себе в блокнотик и нумеруя их.

— Здесь есть еще и другие, довольно четкие.

Джоа перерисовала и пронумеровала также и их. Причем делать это начала до того, как Давид решил обратить на них ее внимание.

— И что ты думаешь?

— Посмотрим, чем нам поможет интернет.

— Это будет не то же самое, что искать иголку в стогу сена?

— Есть много весьма толковых сайтов. — Девушка забила в поиск то, что ее интересовало. — Джона Монтгомери, например. У него выложен даже отличный словарь. Или сайт Мерла Грина Робертсона. Кстати, «Шибальба» находится на улице, которая названа в его честь.

— Как тебе удобнее: чтобы я остался с тобой или предпочитаешь поработать одна?

— Нет, побудь со мной, — попросила она.

Не поворачивая головы, она нежно провела по его щеке левой рукой, на миг оторвав ее от клавиатуры.

И отрешилась от окружающей действительности, погрузившись в океан иероглифов, символов и значков с лицами персонажей, с которыми древние майя отождествляли события и явления своей жизни.

Первым удалось распознать иероглиф номер пять.

— Звезда, — прочитала Джоа. И озвучила его по-майянски: — Эк. Затем пришел черед номера четвертого.

— Рассеивать. Чок.

Еще через пять минут был найден иероглиф номер два.

— Росток, пробивающийся из знака Луны, — Джоа произносила слова отдельно, пытаясь одновременно отыскать общий смысл сфотографированной ею надписи. — *Тцо*.

Иероглиф номер один находился на том же сайте, посвященном знакам Солнца, Луны и различным отображениям понятия «день».

— Обозначение периода, равного одному дню, использовавшееся майя в календаре длительного счета, — в свою очередь прочел вслух Давид.

Оставалось идентифицировать иероглифы номер три и шесть.

Прошло еще четверть часа, но дальше они так и не продвинулись.

— Даже если мы узнаем, что они значат, все равно останется нечитаемой больше половины надписи, — резонно заметил Давид.

Однако Джоа не желала сдаваться.

Она открыла уже хорошо известный ей файл — введение в иероглифику майя. Девяносто девять страниц в формате PDF... Начала быстро перелистывать их и вдруг...

— Ура! — испустила победный клич, очень довольная собой.

Иероглиф номер три означал «рождение». *Сий*. А номер шесть — «посланник».

Джоа откинулась на спинку стула.

— День, Луна и что-то появляющееся из нее, рождение, рассеивать, звезда и посланник. — Давид перечислил значения шести расшифрованных иероглифов. — А также иероглиф, обозначающий число — 15 тысяч.

Глаза Джоа перемещались с одного иероглифа на другой, а с них — на фотографию надписи на стене 27-й гробницы. Теперь она рассматривала их в том порядке, в котором они располагались на стене. Там на первом месте стоял иероглиф, которому они присвоили номер шесть, — посланник; на втором — номер четыре, то есть рассеивать; на третьем — номер два, или пробивающийся из знака Луны росток; на четвертом — номер три, рождение; на пятом — номер один, период в один день; на шестом — иероглиф, обозначающий 15 тысяч; на седьмом — номер пять, звезда. Все остальное было неразличимо, а следовательно, расшифровке не поддавалось.

— Я не должна рассматривать это, как нечто обособленное, — вдруг произнесла она. — Это должно быть связано с моей матерью.

Ее мама.

Следы, которые оставил отец.

Даты, зашифрованные в шести зарисованных им письменах...

Джоа внезапно побледнела.

— Быть того не может! — прошептала она, не дыша.

— Успокойся.

— Это — невероятно... — Она растерянно моргала.

— Не держи в себе. Скажи вслух. Обычно это помогает, — подбадривал он.

Она, казалось, не слышала его. Склонившись над листком бумаги, начала записывать на нем что-то сверху вниз.

Давид оторопело наблюдал, как она лихорадочно писала. Лишь трижды прервалась, чтобы подсчитать на пальцах, во-первых, количество дней в 1971 году после 28 ноября, как ему удалось подсмотреть, а во-вторых — в 2012 году до 21 декабря и умножить один раз, на другом листке, 365 на 3:

в 1971 году — начиная с 28 ноября (включительно) = 34 дня

в 1972 году — 366 дней (високосный)

в 1973/74/75 годах — три года по 365 дней = 1095 дней

в 1976 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 1980 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 1984 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 1988 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 1992 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 1996 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 2000 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 2004 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 2008 году — 366 дней

три года = 1095 дней

в 2012 году — по 21 декабря (включительно) = 356 дней

— У меня не хватает духу сложить все это, — призналась Джоа, закончив составление списка числа дней за период с 28 ноября 1971

года по 28 ноября текущего 2012 года.

За нее это сделал Давид.

Удивлению его не было границ.

— Сумма равна... 15 тысячам, — наконец промолвил он.

Справившись с эмоциями, Давид спросил:

— Что это значит? Как ты объяснишь это?

— А ты не видишь? — в лице Джоа по-прежнему не было ни кровинки. — В надписи говорится о посланниках и звездах, о днях и лунах, о рассеивании чего-то, вероятно, посева семян и о рождении или рожденьях во множественном числе. Недостает того, что стерло время. Возможно, в этом ключ ко всему, скажем, указание на место встречи или возвращения наших галактических прародителей. Но и без этого ясно, что здесь, столетия назад, майя рассказывали о дочерях бури. Они предсказали их прибытие и то, что им предстояло сделать, но как раз эта часть надписи не дождалась наших дней! Если они прибыли на Землю 28 ноября 1971 года, что-то должно произойти с ними или с их участием 21 декабря нынешнего года, через несколько дней. Ровно через 15 тысяч дней после их рождения. Всем дочерям бури исполнится 15 тысяч дней! Если же они появились 29 ноября, это будет 22 декабря. А если 30 ноября, то это событие произойдет, соответственно, 23 декабря. Вот почему мой отец оставил шесть рисунков, шесть иероглифов с шестью возможными датами. Увидев это, — она дотронулась кончиком пальца до майянского иероглифа, изображавшего число 15 тысяч, — он сразу обо всем догадался. Это было недостающее звено!

— Ты хочешь сказать, что окончание Пятого Солнца как-то отразится на них?

— Да, Давид, именно это я и хочу сказать. — В ее голосе слышалось уныние.

— Хорошо, эта цифирь, 15 тысяч дней, связана с датой рождения дочерей бури и точно совпадает с концом пятой эры по календарю майя. Но откуда ты знаешь, что раньше не было других дочерей бури и что это не повторяющийся во времени цикл?

— Я не отрицаю такой возможности. Но сколько раз окончание цикла продолжительностью 15 тысяч дней могло совпадать раньше со столь знаменательной для майя датой?

— *Touché*^[6].

— Мы пока узнали возможное содержание только одной части постановки, — она не обратила внимания на его реплику, свидетельствующую о том, что он сдался. — Не забывай, что отец исчез и до сих пор не найден, и это продолжает оставаться ключевым вопросом во всей этой истории.

— Значит, воз и ныне там, то есть мы по-прежнему в тупике.

— Я бы так не сказала, — она вновь указывала на иероглиф с числом. — Мы знаем, что на верном пути. Возможно, нам надо увидеть и понять что-то еще. Мой отец после того, как увидел эти иероглифы, сказал, что ему надо ехать в Чичен-Итцу.

— Неужели мы упустили что-то еще? — Давид буквально вперился в экран компьютера.

Сидевшая рядом с ними девушка со скуластым личиком и индейским разрезом глаз уже почти в упор, не скрывая этого, смотрела на них.

Они стали говорить тише.

— Здесь есть еще с десятков полностью стертых изображений и столько же наполовину стертых, — с сожалением констатировала Джоа.

— Обрати внимание на этот значок, похожий на фасолину.

Джоа перерисовала изображение к себе.

— Это может быть что угодно, в том числе и часть какого-то сложного, составного символа.

Давид внимательно посмотрел ей в лицо.

— Они по прошествии 15 тысяч дней вернутся за дочерьми бури, и произойдет это через неделю. — Джоа произнесла эту фразу медленно, с расстановкой, отчеканивая каждое слово, каждый слог. — И заберут их с собой. Иначе быть не может.

— Может, они просто прилетят повидаться.

— Но в любом случае — прилетят.

— А что насчет всеразрушающей молнии или луча и всего остального, о чем говорится в пророчествах?

— Конца света не произойдет. Они придут, и это ознаменует начало чего-то нового, какого-то иного измерения в жизни человечества. Если помнишь, это одно из толкований пророчеств майя, в первом из которых говорится о возвращении Кукулькана.

— И что, весь мир станет свидетелем их прихода?

— Этого я не знаю, — призналась она. — Но что-то заставляет меня думать, что так не будет.

— А почему ты уверена, что они придут не для того, чтобы нас уничтожить? — Давид вспомнил об ампула адвоката дьявола.

— Потому что они не разрушители. Доказательством тому — пример моей матери.

— Но она исчезла.

— После того как у нее появилась я.

— Значит ты теперь вместо нее.

Что он сказал, Давид понял только после того, как слова уже слетели с его языка. Джоа сидела, повернувшись к нему лицом. Глаза ее были словно два глубоких озера. Давид взял ее руки в свои.

— Джоа...

— Я не знаю, что будет, Давид. — Она говорила от сердца, нежно, мягко, чтобы не ранить его. — Но что бы ни произошло, я там буду. Я должна там быть.

— Но тебя могут...

Она приложила ладонь к его губам.

Потом покачала головой из сторону в сторону, очень медленно.

— Где это произойдет? — обреченно спросил он.

— Это знал мой отец. Поэтому его и похитили.

Ответ Джоа ставил точку в обсуждении данной темы.

Последнее изображение, в форме фасолы, маячило на экране перед их глазами все то время, которое потребовалось девушке, чтобы скопировать необходимую информацию на флэшку и выйти из Интернета.

Еще какое-то время они не вставали — продолжали оставаться на местах.

Хотя рядом с ними за компьютерами сидели не меньше десятка других посетителей интернет-кафе, им казалось, что вокруг никого,

они одни посреди безбрежного океана и терпят кораблекрушение. В тысячах километров от Барселоны, вдали от родных очагов. Одинокие странники, плывущие без руля и ветрил по неведомому и безликому миру.

Обладатели истины, в которую невозможно поверить.

И открой они эту истину, никто в самом деле не поверил бы.

— Больше не будешь пытаться найти что-нибудь подобное этой фасолине?

— Это не более чем деталь, часть целого. И, как тебе известно, может входить в состав доброго десятка различных иероглифов. — Собрав и уложив в сумку записи, фотоаппарат, соединительный кабель и флэшку, Джоа первой встала из-за стола. — Можно искать долгие часы, до посинения. Если мой отец увидел что-то еще... На то он и специалист, правильно?

Давид расплатился за пользование компьютером и время в Интернете. Когда он вышел, Джоа ждала его, прислонившись к машине. Ее задумчивый взгляд терялся где-то в необозримой дали. Давид обнял ее. Она ждала его сильных рук, ей было в них так упоительно хорошо — спокойно, уютно и тепло. Склонила голову ему на грудь, прильнула к своему хранителю.

И сколько так простояли, в объятиях, а потом бродили по городу, целуясь и лаская друг друга, минуту или час, они не знали.

Никто на них не смотрел, никому до них не было дела. Или так только казалось.

Они понимали, что за минувшие сутки в них многое изменилось, и приближавшаяся ночь будет уже не такой, как предыдущие.

Ощущали себя на пороге нового, пока не ведомого им состояния.

У Джоа пылали губы.

У Давида бушевал пожар в голове, полыхало все тело...

Глаза, руки, сердца, чувства, — все стремилось навстречу друг другу.

— Восемнадцать дней назад мне сообщили об исчезновении отца, — прошептала она, ероша ему волосы. — А пятнадцать дней назад появился ты, до смерти напугав меня той ночью в «Шибальбе».

— И ты тут же от меня убежала.

— А что ты хотел, чтобы я сделала?

— Поверила мне.

— Ты, конечно, молодец, юноша видный, но чтобы так сразу поверить... — съязвила она, сама того не желая.

— Что с тобой?

— Сразу всего не скажешь, — ответила она откровенно.

— Ну, начни с чего-нибудь.

— Знаешь, какой-то запутанный клубок.

— Это из-за меня? — У него вопросительно поднялись брови.

— Нет, не из-за тебя. — Она обвела его взглядом, в котором горело желание. — Это нагрянуло неожиданно-негаданно, в нелегкий для меня момент, когда я меньше всего была к этому готова. Но что суждено — того не миновать, и есть неизбежные вещи, которые происходят тогда, когда происходят. Зато теперь я точно знаю, что без тебя не выдержала бы обрушившихся на меня трудностей. Я имею в виду то, что случилось с моим отцом. Иногда мне кажется, что у меня голова вот-вот расколется на части.

— Ты выдержала бы все сама. — В голосе Давида не было ни тени сомнения. — Я в жизни своей не встречал человека более сильного, чем ты.

— Нам удалось многое узнать, почти все. Но мы так и не знаем, где состоится — не знаю, какое слово лучше подходит — прибытие,

возвращение или встреча. И это лишь при том условии, что я нигде не ошиблась.

— Не ошиблась, можешь быть уверена. И я разделяю твои выводы.

— Давид...

— Что?

— Я очень хочу найти отца и маму тоже, но я теперь не смогу без тебя.

Долгий поцелуй погрузил ее в пучину забвения.

— Не думай об этом сейчас.

— Если назначение дочерей бури — быть своего рода базой данных или чем-то вроде этого, аккумуляровать и хранить в себе информацию, то я...

— Шшш!.. — Он не дал ей договорить, вновь прильнув поцелуем к ее устам.

Наступавшая ночь убаюкивала нежностью. Это будет их первая ночь в покое и умиротворении. Не надо уже никуда торопиться. Они остановились на краю того, что щемяще сладко манило. И им было все равно — бездонная ли пропасть их ожидает впереди или просто ступенька. Они созрели для того, чтобы сделать шаг в доселе им неизвестное.

А пока всячески гнали от себя тревожные мысли.

— Надо бы поужинать, — предложил Давид, когда они подходили к дому, где сняли жилье.

— Я не голодна.

— Тогда идем к себе?

Джоа не ответила. Вещи они оставили в машине и шли налегке, взявшись за руки и прижимаясь плечом к плечу. Все вокруг казалось ей совершенно иным, нежели утром.

Да и было иным, Джоа это знала, и сама она стала иной.

И тем не менее какие-то колебания еще были, заставляя ее оттягивать решающий миг. Она остановилась.

— О чем ты задумалась?

— Не скажу. И не приставай ко мне. Иначе пожалеешь.

— Тогда можно я попрошу тебя кое о чем?

Обычная романтическая парочка, ничем не отличающаяся от других. Типичное воркование влюбленных, ни о чем и обо всем.

Да так оно и было на самом деле. И ей это нравилось.

— О чем же?

— Ты мне так и не расскажешь, что означает твое имя — Акоюа?

— Нет.

— А если я тебя очень хорошо попрошу...

— Зачем ты хочешь это знать?

— Я хочу тебя.

Джоа вздрогнула.

— Не говори этого сейчас.

— Я тебя люблю.

— Давид, нет. Только...

— Только не говори, что еще рано, что мы недостаточно знаем друг друга или что все это происходит под влиянием момента.

— Могла бы.

— Но ведь не скажешь?

— Думаю, что любовь — не только это, а ты как считаешь?

— Любовь — это неожиданность, изумительный сюрприз.

— И поэтому я должна тебе сказать, что означает имя Акоюа.

— В частности.

— Оно мне не нравилось с детства. Но, к моей радости, меня так никто и не называл, кроме бабушки.

— Такое плохое имя?

— Истинное Благословение.

— Как ты сказала?

— Истинное Благословение, — повторила она. — Для моей матери так оно и было. Я вполне допускаю, она могла думать, что ей нельзя иметь детей или что у нее не будет больше ребенка после того, как она потеряла мою сестру.

— Я хочу предложить тебе...

— Что?

— Поехали в Канкун, на майянскую ривьеру, проведем там несколько дней, пока будем ждать наступления дня встречи.

— Романтическое бегство? — От удивления у нее расширились глаза.

— Да.

— При всем том, что происходит или вот-вот произойдет? — не верила она.

— А что ты собираешься делать? Чем мы будем заниматься это время?

— Исследовать!

— Что? У нас больше не осталось следов.

— Отец сказал, что поедет в Чичен-Итцу.

— Но он вполне мог иметь в виду что-то другое.

— Там место встречи.

— Хорошо, а почему не в Тикале? Или не в Ушмале, Тулуме или в конце концов не здесь, в Паленке? Есть дюжина других больших городов майя.

— Нет, это должна быть Чичен-Итца.

— Докажи.

— В первом пророчестве майя говорится, что Кукулькан вернется в Чичен-Итцу.

— Ладно, не до конца убедительно, но, признаю, не лишено смысла.

— А давай-ка повидаемся с Бартоломэ Сигуэнсой. Вдруг он знает или вспомнит еще что-нибудь, если мы ему расскажем о том, что сегодня обнаружили...

— Завтра, Джоа. Завтра. Дай себе передышку, прошу тебя.

— Ох, Давид! — воскликнула она то ли с укоризной, то ли от борющихся в ней чувств и закрыла глаза.

Они опять оказались все в той же ловушке.

Снова впереди зияющая бездна, ее отец, мать, невероятная эпопея, завершавшая большой круг в истории человечества. Ощущение уверенности в том, что в их жизни присутствуют существа из другого мира, те же самые, что некогда заселили Землю или вдохнули разум в ее обитателей.

От этого уже никуда не убежать, не скрыться. Даже пытаться не стоит.

— Все, пошли в нашу комнату! — Джоа сдалась.

О ее готовности, бесповоротно сделанном выборе говорил тон, которым она это произнесла.

Давид внимательно посмотрел на нее.

— Ты уверена? — спросил, слегка растягивая слова.

— Мне хочется, чтобы сегодня ночью мы не просто заснули в объятиях, — подтвердила она.

— Тебе уже не страшно?

— Как никогда раньше, — честно призналась она. — Поэтому ты мне нужен.

Больше она ничего не стала говорить. Не сказала, что думала о своей матери, о том, как это произошло у нее с отцом, и о том, к чему привело. Не сказала, что никогда и ни в чем не была так уверена и в то же время не волновалась так сильно, как сейчас.

Эстер, должно быть, очень бы посмеялась.

Но Джоа была не такая, как все. Особая. И она готовила себя к ответственному шагу.

— Я тоже тебя люблю, — прошелестели ее слова в сладкой тиши ночи, переходя в самозабвенный поцелуй.

Этот поцелуй длился вечность. Оба словно растворились в нем и не могли пробудиться. И пробуждение наступило не скоро.

Давид и Джоа не видели и не слышали, как кто-то появился в их комнате и, отделившись от стен, тенью приблизился к ним. Не знали, сколько их было, что они им вкололи и что делали с ними потом.

Они просто заснули в поцелуе, после которого ничего не было.

Ее разбудили голоса. Вначале она решила, что видит сон. Однако вслед за слухом, постепенно, одно за другим, у нее восстановились и все остальные чувства.

Ужасный вкус во рту.

Запах дезинфицирующих средств, присущий помещениям, которые содержат в стерильной чистоте.

Глаза, едва приоткрывшись, увидели огромную, но не слепящую лабораторную лампу вверху, белые стены и спящих вокруг людей в зеленых халатах.

Только тогда поняла — это не сон.

Первая реакция была вскочить и бежать, но на смену спонтанному порыву, с трудом пробивая путь к разуму, пришло осознание реального положения.

Она лежала на спине, связанная по рукам и ногам, в незнакомом месте. Находившиеся рядом люди говорили по-английски. На ней были не ее вещи, а казенная голубая ночная рубашка больничного образца.

— Сознание к ней вернулось, — прозвучал голос сзади. Откуда-то справа появился мужчина лет сорока с небольшим, привлекательной внешности, с квадратным подбородком, стальными глазами и военной выправкой, которую не мог скрыть даже халат. Слегка склонив голову, он внимательно изучал ее холодным взглядом. Таким взглядом и с подобным выражением лица, должно быть, охотник рассматривает подстреленную дичь.

Джоа, несмотря на владевший ею страх, посмотрела на незнакомца с вызовом.

В памяти у нее всплыли последние моменты ночи в Паленке, она вспомнила поцелуй Давида и то, что они собирались заняться любовью...

— Кто вы такой?

— Успокойтесь, — ответил ей по-испански мужчина.

— Где я?

Ответа не последовало. Он продолжал осматривать ее.

И тогда в ней вскипела ярость, подобная той, что появилась в день, когда судьи пытались ее похитить. Она сконцентрировала свою энергию на незнакомце.

Его неожиданная улыбка озадачила ее.

— Не тратьте напрасно силы, — слова он произносил медленно. — Мы ввели вам ингибитор.

Она толком не знала, что такое ингибитор. Резкими движениями тела попыталась освободиться от пут. Однако кожаные ремни на поясе, щиколотках и запястьях надежно удерживали ее на каталке. Джоа приподняла голову, чтобы лучше видеть его, но тут же ее уронила. Ее переполняли и страх, и ярость.

— Не утомляйтесь, — мужчина был по-прежнему холодно корректен. — Здесь ваши способности вам не помогут, тем более в вашем нынешнем состоянии.

Она взглянула по сторонам — везде мигали лампочками многочисленные приборы, светились мониторы компьютеров, за которыми сидели или деловито переходили с места на место обслуживающие их операторы, всего человек десять-двенадцать.

— Чего вы хотите?

— Понаблюдать вас. И ничего более. Если вы поможете нам, все будет значительно проще. Мы не желаем вам вреда, понимаете?

Через тонкую ткань зеленого халата просвечивала военная форма. Джоа пыталась понять, какой страны. Подозрительно напоминает... неужели американская?

Но это — абсурд.

Она же в Мексике.

Или уже нет?

Девушка вновь попыталась сосредоточиться, собрать в кулак всю свою ярость, сфокусировать ее.

Лицо мужчины скривила усмешка превосходства.

Джоа осознала тщетность своих усилий. Где-то в глубинах организма произошел сбой, возникла какая-то несогласованность в функционировании мозга и нервной системы. Ингибитор?

— Вы — судьи?

— Судьи, хранители... — улыбка стала язвительной. — Не будьте смешной. Это — игры фанатиков и дилетантов.

— Вы — американец.

— По эту сторону Атлантики мы все американцы, или у вас есть возражения?

— Гражданин США.

Ответа не последовало. Мужчина отвернулся, обращаясь к одному из находившихся неподалеку сотрудников.

— Готово, Мак?

— Еще одну минуту, сэр.

Сэр.

Весьма уважительно.

Кто-то приблизился к ней сзади и стал укреплять на голове датчики — по два на висках и темени и еще штуки три или четыре на других областях. Последний закрепили в районе продолговатого мозга, предварительно положив ей под голову валик, чтобы своим весом она не давила на прибор.

— Будьте умницей, — сказал напоследок офицер. — Если вы нам поможете, все это быстро закончится. И вас отпустят домой.

Слово «дом» произвело на нее впечатление, от него повеяло чем-то далеким.

— Где Давид?

Мужчина отошел в сторону.

— Где Давид? — повторила она свой вопрос в пустоту.

И замолчала, обдумывая ситуацию. Это ей давалось с превеликим трудом, поскольку после болезненного пробуждения голова плохо слушалась, мысли разбегались.

Если до того вблизи нее еще наблюдалось какое-то движение, то теперь все вокруг замерло. Каждый из членов команды, обслуживавшей систему приборов, к которой ее подключили, занял свою штатную позицию.

Она ощутила всюду едва заметное щекотанье, словно внутрь нее запустили муравьев.

Электрический ток, подумала она.

И вдруг — будто распахнулась некая потайная дверца. Сюрреальные муравьи тысячами устремились в ее мозг и расползлись по нему, заполняя вплоть до самых отдаленных закоулков.

Они кишели везде.

Джоа хорошо видела один из мониторов слева от себя. На нем находилось синтезированное в трехмерной графике изображение

головного мозга, ее собственного, которое оператор попеременно вращал вокруг вертикальной и горизонтальной осей.

Ее мозг на экране светился и переливался всеми цветами радуги.

— Это поразительно, сэр! — сказал один из лаборантов по-английски, указывая на различные участки изображения. — Взгляните сюда, сюда... и сюда.

— Невероятно.

— Вся эта область необыкновенно развита, в интеллектуальном плане и в функциональном...

— Какой колоссальный потенциал! — вздыхая, промолвил офицер, ее прежний собеседник.

На несколько секунд они умолкли. Джоа продолжала созерцать трехмерную картинку своего мозга. Ждала, когда они возобновят разговор.

— Ее мозг подобен мощнейшей энергетической батарее.

Этого ей было достаточно.

Ингибитор блокировал определенные импульсы, поступавшие в мозг, поэтому ярость и не преобразовывалась в силу, способную стать эффективным оружием, пусть и оборонительным. Но на мышление он влияния не оказывал.

«Необыкновенно развитые области», «энергетическая батарея»...

Закрыв глаза, девушка напряженно думала.

Ингибитор воздействовал, по-видимому, на некий механизм, который подобно электрическому выключателю замыкал и размыкал цепь. Следовательно, надо найти в себе этот «выключатель» и попытаться понять, как им управлять.

Джоа почти перестала дышать, полностью углубившись в себя. Сначала сосредоточилась на сердце, снизила частоту его сокращений, избавилась от страха и ощущения безысходности. Потом обследовала ноги, руки, туловище. И наконец, достигнув во всем теле уравновешенности, подняла это качественно новое состояние выше — в голову и, материализовав его в форме покрывала, окутала им свой мозг. Образовавшаяся защитная оболочка должна была скрыть любое проявление деятельности клеток мозга, сделать его непроницаемым для «исследователей», стремившихся вторгнуться в самые глубокие и сокровенные ее мысли и тайны.

Потому что искали они именно это, ее тайны.

Изображение мозга на мониторе из многоцветного стало превращаться в белое.

— В чем дело?

— Не знаю, сэр.

— Мак...

— Все системы функционируют нормально.

— Отсутствует сигнал с датчиков.

Вокруг воцарилось гробовое молчание.

— Это она, сэр, аппаратура в порядке, — нарушил тишину чей-то голос.

— Но каким образом она?..

Секунды тянулись очень медленно. Прошла, возможно, минута. Джоа заботило только одно — продержаться и победить «железо», обмануть датчики, не дать муравьям вновь забраться в голову. Она была всецело поглощена этим и не заметила, что ее собеседник подошел и стал рядом, пока тот не прикоснулся к ней рукой.

— Что вы делаете?

Джоа открыла глаза, счастливая, что настал ее черед улыбаться с видом превосходства.

— Либо вы будете с нами сотрудничать, либо будет хуже. — Холод во взгляде теперь дополнялся холодом и в речах.

— Хуже для кого? Кто вы такие и чего хотите? — Девушка изо всех сил старалась не сорваться, не оказаться вновь в плену страха и бессилия.

— Мы хотим вступить в переговоры с ними, — ответил мужчина на последний из ее вопросов.

Джоа отметила это про себя.

Впервые ее собеседник приоткрыл забрало.

Мужчина склонился над ней, их лица разделяли всего несколько сантиметров. В глубине его глаз Джоа прочитала, что ради достижения поставленной цели он не остановится ни перед чем. И что время его поджигает.

Для него она была, вероятно, не более чем очередная... латиношка. Отморозок.

— Ты обязана помочь нам, — перешел он на «ты». — Ты — ключ к этой двери.

Джоа не желала его больше видеть. Вновь закрыла глаза и сосредоточилась на укреплении броневых щита, который огораживал ее мозг от грубого вторжения тех, кто хотел в нем покопаться. Она знала, что этот человек, этот военный, продолжал оставаться рядом. Чувствовала его колющее дыхание на своем лице.

— Джорджина...

Она ждала продолжения. Ее мозг достиг почти идеального альфа-состояния.

— Все бесполезно, сэр, — подтвердил это сотрудник по имени Мак.

— Сделайте же что-нибудь, черт ее подери!

— Если наряду с энергетическим потенциалом мы не подавим ее волю...

— Так подавите!

— Но это не так просто.

Офицер отошел от Джоа и направился в сторону Мака, к главному посту контроля и управления системой, подключенной к ее мозгу. Девушка напрягла слух, но не смогла услышать, о чем шла речь. Однако по манере поведения и тону было понятно, что командир привычно «строит» своих подчиненных.

Продолжения, собственно, не последовало.

Напряжение в лаборатории перевалило критическую точку и постепенно пошло на убыль. Вновь воцарилась тишина, но уже совершенно иного свойства, нежели прежде. Чьи-то руки сняли с Джоа электроды, на нет сходило легкое жужжание выключаемой аппаратуры.

— Отвезите ее! — распорядился начальник.

— Есть, сэр.

— Но не к ней. Оставьте ее у него.

Давид...

Ей чуть не стало дурно из-за того, что и его постигла та же участь. Но сразу за этим возобладало другое чувство. Эгоистичное, но вполне человеческое. Чувство облегчения, что она будет не одна.

— Ингибиторы продолжаем вводить в прежнем объеме?

— Разумеется, два раза в сутки.

— Питание?

— Ни в чем не должно быть недостатка.

Ее повезли. Толкал каталку Мак, ему помогали два ассистента — по одному с каждой стороны. Джоа, закинув голову назад, увидела молодое и более, если так можно выразиться, человеческое лицо, хотя глаза его избегали ее взгляда.

— Вы везете меня к Давиду? — спросила она его по-английски.

— Какому Давиду?

Джоа охватило беспокойство.

— Мы вместе были в Паленке.

— Нет, вас доставили сюда одну.

— К кому же вы везете меня? Ваш начальник сказал, чтобы меня оставили у...

Молчание вместо ответа.

— Где я?

Результат прежний.

Они вошли в довольно длинный коридор — мрачный и холодный, хотя до этого ей казалось, что воздух вокруг жаркий и насыщенный влагой. В самом его конце остановились перед запертой металлической дверью с прямоугольным окошком. Слева и справа — по часовому.

На форме — флажок Соединенных Штатов Америки.

Хотя предположения ее подтвердились, она все равно не могла в это поверить.

Не спуская с девушки бдительных глаз, ассистенты освободили ее от пут и помогли встать на ноги. Мак приказал одному из караульных открыть камеру.

Еще до того как Джоа слегка подтолкнули, побуждая переступить порог, она уже знала, что ее ждет за ним. Вернее — кто.

— Папа! — простонала она.

Он дремал, возможно, его держали на седативах. Внешне выглядел сносно, если не брать в расчет не бритую несколько дней щетину. Одежда, как и на ней, казенная, что-то вроде рабочей спецовки. В помещении, ибо язык не поворачивался назвать комнатой то, что для них в действительности было тюрьмой, стояли две кровати. Так называемые удобства находились в углу справа от входа, вне сектора обзора из окошка двери, предоставляя обитателям камеры возможность хоть здесь скрыться от неусыпного ока надзирателей. Джоа опустилась на колени перед отцом и смотрела на него широко раскрытыми глазами, не зная, что делать дальше. Стон, вырвавшийся у нее, как только она увидела и узнала узника, потревожил его сон.

У Хулиана Мира дернулись веки, и на сетчатке возник образ дочери.

— Джоа... — пробормотал он.

— Папа! — Девушка обняла его и стала целовать.

Отец поднял руку, чтобы погладить дочь по щеке. Действительность начала брать верх, окончательно рассеивая остатки забытья. Он тоже заключил ее в объятия, и оба молчали, обуреваемые целой гаммой чувств.

Однако это продолжалось недолго.

— Папа, — Джоа помогла ему приподняться и сесть. — Где мы?

— Не знаю. Одно несомненно — на каком-то военном объекте США.

— В Мексике?

— Не думаю.

— Но это... неслыханное дело, похищение! Кто они такие?

— Может быть, из ЦРУ, или из АНБ, а может — из НАСА, кто их разберет. Они, естественно, кое-что знают, но много ли — не могу понять, и хотят разузнать как можно больше. Было бы наивно полагать, что единственными обладателями столь важной информации являемся лишь мы да еще несколько человек. По-видимому, у них есть опасения...

— Они готовятся уничтожить посланцев звезд? — изумлению Джоя не было предела.

Хулиан Мир увидел в ее взгляде и нескрываемую тревогу.

— Мне это неизвестно, — признался он.

— Боже, они такие же безумцы, как и судьи!

— Так ты уже знакома и с ними?

— С судьями и хранителями? Да. Мой хранитель мне очень помогает все эти дни. Без него... — При воспоминании о Давиде на душе у Джоя заскребли кошки.

— Я очень корю себя, что втянул тебя в эту историю, дочь! — На его лице появилось выражение горького сожаления.

— Папа, но я имею к этому самое непосредственное отношение.

— Как им удалось тебя захватить?

— Я шла по твоим следам, по бумагам из...

Хулиан Мир приложил указательный палец к своим губам, другой рукой прикрыл дочери рот и с многозначительным видом обвел глазами стены и потолок.

Не в силах молчать после разлуки, она придвинулась к отцу так, что ее губы почти касались его уха, и, сложив вокруг них ладони трубочкой, перешла на шепот.

— Почему ты мне ничего не рассказывал о маме, обо мне самой, о ребенке, которого мама потеряла, обо всем этом?

Отец точно так же, на ухо и создавая руками защитный экран, ответил на ее вопрос вопросом.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Знаю, откуда — не важно. Кроме всего прочего, я ездила к бабушке. И мне удалось вступить в ментальный контакт с мамой!

— Боже милостивый, Джоя...

— Да, я пошла на это, потому что ты меня никогда ни во что не посвящал!

Глаза отца округлились от изумления.

— Я должен был беречь тебя!

— Ты все равно не смог бы держать меня всю жизнь в башне из слоновой кости, и тем более беречь от такого! — Несмотря на необходимость соблюдать осторожность, шепот стал громче.

— Еще пару недель назад я и сам не подозревал, чем это может закончиться и куда нас приведет, — посетовал он.

— Ты не переставал искать маму?

— Ни на один день, — согласился он, и нахлынувшие теплые воспоминания озарили его лицо улыбкой. — Я не сомневался, что рано или поздно... Что нужно только неукоснительно следовать знакам и верить, что они приведут меня к ней.

— Каким знакам?

— Мне недоставало лишь главных ответов — когда и где...

— Ты ничего не сказал им? — Джоа показала в сторону двери.

— Нет, — прозвучало категорично в ответ. — Поэтому-то они и тебя сюда затащили. Во-первых, ты моя дочь, а во-вторых, может быть, ты тоже сумела найти эти ответы, — и, глядя ей в глаза, добавил: — Ты ведь сумела, Джоа, не так ли?

— Да, — прошептала она ему прямо в ухо. — Я обнаружила след на рисунке с надгробной плитой Пакаля, спускалась в гробницу двадцать семь в Паленке и обнаружила там информацию о 15 тысячах дней.

Глаза Хулиана Мира сияли гордостью.

— Папа, а как эти вояки пронюхали, на что ты вышел в своих научных изысканиях?

— Ну, они же не тупицы! Каким-то образом я «засветился». А когда у меня сошлись все концы с концами, было уже поздно. Мне времени хватило только на то, чтобы оставить тебе этот знак в виде рисунка крышки саркофага.

— Мне думается, у них уже тоже есть все ответы.

— Если бы это было так, мы не сидели бы здесь, и тебя они не стали бы похищать. Чего-то им не хватает, что-то не срастается. Мне не встретился здесь ни один специалист по майя. Сплошь военные и технари. Они видят все в совершенно другом ракурсе, в своем обычном, милитаристском. Могущественная внеземная держава, которая может стать либо врагом, либо союзником. Сейчас они всеми силами пытаются выяснить, в какой точке произойдет возвращение.

— Папа, это — единственное, чего я не знаю!

— Да нет, знаешь, — продолжая соблюдать предосторожность, он так понизил голос, что даже Джоа едва его слышала. — Ты это знаешь так же хорошо, как и я.

Она не поняла, к чему отец убеждал ее в этом, и очень боялась, что он произнесет заветное слово. Вдруг тюремщики все-таки

способны слышать их разговор.

— Тот тип, что командовал всеми, когда они пытались влезть ко мне в мозг, сказал, ключ к этой двери — я, а они, дескать, хотят вступить в переговоры.

— Я им не верю, — сказал Хулиан Мир. И тут же спохватился: — Как это — пытались влезть к тебе в мозг?

— Подключили меня к каким-то системам, но я заблокировала от них свой мозг, и они остались ни с чем. Послушай, папа, как ты думаешь, почему они не захватили для своих исследований никого из дочерей бури?

— Полагаю, они еще попытаются это сделать. Но ты — совершенно иное дело, ты ведь не такая, как дочери бури. В тебе ровно половину составляет земное начало, и эти горе-исследователи рассчитывают найти в тебе уязвимые места и воспользоваться ими...

Джоа крепко обняла отца. Эмоции первых минут встречи улеглись, и они вполне владели своими чувствами. Несмотря на обстоятельства, отец и дочь, после стольких недель разлуки и неизвестности оказавшись снова вместе, испытывали воодушевление.

— Ты должен рассказать мне о маме. — Ей уже не было нужды говорить шепотом. — Ты знал о хранителях?

— Да, знал, что они поблизости.

— Ты считаешь, что сейчас уже все потеряно?

— Я, честное слово, не знаю.

— Если этим типам удастся через меня выйти на них... — Джоа передернуло.

— Они ведь могут причинить тебе боль. — На отца обрушились новые переживания. — Я не хочу потерять еще и тебя, понимаешь?

Она понимала, но мысли ее шли в ином направлении.

— Папочка, ты не должен им ничего говорить. Это неважно, что я у них... Не должен!

Хулиан Мир ответил без слов.

Джоа достаточно было посмотреть в его глаза и увидеть в них его истерзанную душу. И отцовскую готовность на что угодно ради спасения своего ребенка.

Уже наступил вечер, когда дверь камеры открылась. Их вывели наружу, предварительно связав руки. Хулиан Мир, похоже, уже свыкся с подобным обращением, но Джоа это выводило из себя.

Охранники все как на подбор — в камуфляже, бритоголовые, вымуштровано-бравые, невосприимчивые. С их сурово сомкнутых уст не сорвалось ни единого слова.

Они препроводили отца и дочь по коридору к еще одной двери, за которой оказалась небольшая площадка для прогулок — клетка с песчаным покрытием, зарешеченная со всех сторон по бокам и сверху. Их сразу объяла не успевшая остыть духота в сочетании с очень высокой влажностью.

— Мы либо все еще в Мексике, папа, либо уже во Флориде. Но не может быть никакого сомнения, это типично карибский климат. — Джоа жадно вдыхала воздух, словно берущая след гончая.

Вдали голубел лоскуток моря, обрамленный по сторонам поросшими лесом грядами невысоких холмов. И ничего более. Можно сколько угодно гадать, где они, и не угадать. Да и не столь это важно в их положении.

Они были пленниками. Два человека, безнаказанно похищенные представителями военной машины мировой державы номер один.

— Все это время тебя держали здесь?

— Да.

— Тебя пытали?

Хулиан Мир опустил голову.

— В прямом смысле слова — нет, но ведь существует немало других способов причинять боль, — признался он.

Джоа не стала углубляться в подробности, понимая, что больше отец ничего не скажет. Да и ей эта тема была крайне неприятна. А в их обстоятельствах единственная возможность не впасть в депрессию и сберечь силы заключалась в сохранении душевного равновесия. Они понимали, что все зависело от ее ментальной энергии и физических сил отца.

— Вчера я была в Паленке. — Девушка посмотрела вверх. — То же небо, те же звезды, тот же месяц.

В голове у нее пронеслось: «И мы собирались заниматься любовью». Давид! Где он сейчас? Неужели тоже в плену? Так хотелось рассказать о нем отцу... Но не сейчас. Сейчас не время.

— Как ты узнал, что она оттуда?

— Вначале мы оба ничего не знали. Она — точно так же, как и я. Но с течением времени стали выясняться некоторые вещи... Потом объявились хранители. А уже после этого твоя бабушка рассказала нам, как она нашла твою маму, о ее первых годах, необычных способностях.

— Ты знаешь, что из дочерей бури только трое родили детей?

— Да, я слышал об этом от хранителей.

— Тебя это не удивляет?

— Не думаю, чтобы это имело какое-то значение.

— А я считаю, что это очень важно, — не согласилась с отцом Джоа. — Три нарушительницы норм, предписаний или законов... можно называть это как угодно. И все три исчезли при поразительных астрологических обстоятельствах.

— Думаешь, их наказали?

— Нет, я думаю, что они потеряли способность выполнять порученную им миссию.

— А следовательно, ты и другие две девочки...

— Не знаю, папа. Если ее функции перешли по наследству ко мне, через несколько дней я узнаю об этом, и, честно говоря, меня это пугает.

— Никто их этих женщин ни о чем не знает. Нескольким я писал, с одной беседовал по телефону...

— Я встречалась с той, что живет в Медельине. За эти три недели где я только не побывала.

— Ни с кем из них я никогда не встречался. Наверное, боялся. Кто она, как выглядит?

— Художница. Очень похожа на маму.

— Кто похож на нее, так это ты. Когда мы полюбили друг друга, она была твоей ровесницей. И ты — вылитая мама, ее живой портрет: глаза, волосы...

— Ты ведь думаешь, что она у своих, да, папа?

Они ходили по небольшой площадке кругами по часовой стрелке. Разговаривали так тихо, что сами с трудом слышали друг друга. Хулиан Мир размышлял над вопросом дочери, хотя вывод сделал для себя уже много лет назад.

— Да, — согласился он.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю.

— Думаешь... они вернут ее?

Отец не ответил.

— Если мы хотим быть там, надо выбираться отсюда, папа.

— Джоа, мы — пленники, и это — режимный объект. Или ты не вполне это понимаешь?

Девушка осмотрела прутья решетки, оценила на глаз расстояние до моря, прикинула высоту поросших деревьями холмов. Еще раз отметила про себя, что ночь очень быстро сменила день.

— Это произойдет в Чичен-Итце, правда, папа? Я чувствую, — на ухо прошептала она отцу.

— Чувствуешь? Разве в гробнице двадцать семь ты не увидела четкое указание?

— Я вычислила 15 тысяч дней, расшифровала иероглифы с датами рождения, а также иероглифы со значением солнца, луны, звезды, посланника и рассеивания семян.

— А еще-то один?

— Какой?

Хулиан Мир наклонился и быстро нарисовал на песке фигурку. Нарисовал и тут же стер.

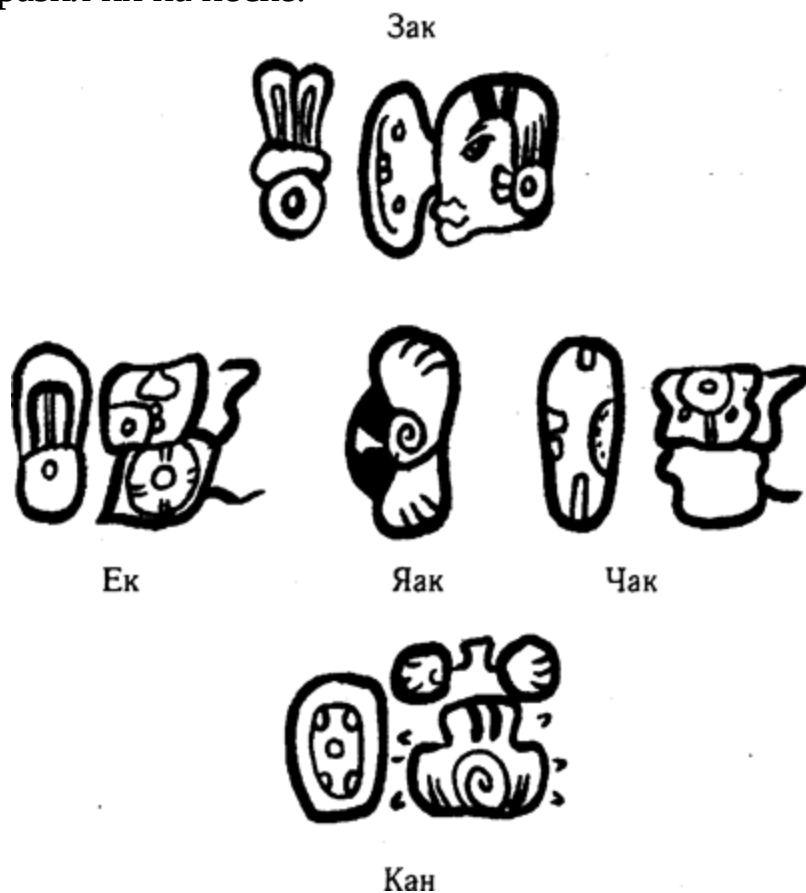
Ту самую — в форме фасолины, которую сутки назад, не сумев прочесть, она сочла частью стертого временем какого-то другого, сложного иероглифа.

— Я видела, но не смогла... — Она чувствовала себя посрамленной. — И решила, что это часть недостающего целого. Но что это?

— Йаак — сердце мира, согласно представлениям майя. Средоточие четырех румбов. Румбы — это эквивалент наших сторон света.

И изобразил их на песке.

— Румбы определяло движение Солнца, и каждый из них имел у майя собственный цвет.

— И что, Йаак, кроме того, представляет Чичен-Итцу?

— Чичен-Итца располагается в самом центре северной оконечности Юкатана. Среди остатков надписи на стене двадцать седьмой гробницы встречается, точнее сказать — угадывается и прямое указание на этот город — едва различимый символ Чичен-Итцы. — Хулиан Мир снова все стер. — Вообще-то, конечно, было бы невероятно, если бы ты увидела и распознала его.

То ли охрана что-то заподозрила, то ли положенное время истекло, но дверь отворилась, и из нее вышли три стражника. Двое

занялись Джоа и отцом, а третий внимательно обследовал то место, где узники ненадолго задержались и, склонившись над землей, о чем-то шептались.

При этом никто не произнес ни слова.

Их отконвоировали обратно в камеру.

Джоа проснулась рано. Часов у нее не было, точного времени не знала. Тюремщики забрали у нее все личные вещи. Девушка с облегчением вспомнила, что после интернет-кафе, прежде чем отправиться с Давидом бродить по улицам Паленке, сумку с фотоаппаратом, флэшку с фотографиями и описанием найденных в сети иероглифов и всем прочим они оставили в машине.

Там же лежал и ее красный кристалл овальной формы.

Почему она вспомнила о нем сейчас?

Встав, Джоа подошла к койке, где спал отец. С нежностью и жалостью всматривалась в его черты. Он сохранил свой светлый ум, но после исчезновения матери словно надломился. Все прошедшие годы отец и виду не подавал, особенно в общении с ней, что сердце его надрывала невыносимая боль потери. Джоа представила себе, как жестоко он должен страдать и мучаться все эти дни, ведь последнюю надежду на чудо — встречу с матерью — он связывал с тем, что должно произойти в Чичен-Итце меньше чем через неделю.

А их держали в тюрьме.

Не исключено, что и не выпустят никогда. Иначе как эти америкосы объяснят похищение? Или все-таки в один прекрасный день их втихаря выбросят на улице какого-нибудь города и потом будут всячески отрещиваться от своей причастности к преступлению? Или угрозой расправы попытаются заставить их держать язык за зубами?

Или же просто шлепнут, ведь вместе с ними канут все проблемы.

Джоа подумала о Давиде. История их любви почти такая же, как и у ее родителей. С единственной разницей, что они даже не успели начать жить.

Это вновь наполнило девушку яростью. Нет, такое не забывается!

Джоа попыталась преобразовать закипевшее в ней чувство в материальную силу, привести в действие свой генератор энергии. Усилием воли она собрала ярость воедино, полученный концентрат переместила в центр мозга и разлила по обоим полушариям. Сама сосредоточилась на двери.

Она хотела выбить ее, одним ударом сорвать с петель. От неимоверного напряжения, а внутри у нее словно происходило землетрясение, дрожала как в лихорадке. Однако дверь оставалась на месте.

— Вот дерьмо!.. — бессильно выругалась Джоа.

Перед сном ей опять делали инъекцию. И скоро, видимо, будут колоть еще. Проклятый ингибитор! Если бы действительно обладала сверхъестественными способностями, она смогла бы перебороть этот препарат, нейтрализовать его действие или соответствующим образом изменить свою на него реакцию.

Вновь ее взгляд обратился на дверь. Джоа была исполнена решимости продолжать борьбу, не сдаваться.

И вдруг дверь открылась.

Двое вооруженных караульных стояли в коридоре по обеим сторонам от проема, обзревая помещение. А в камеру вошли четверо мужчин в зеленых халатах. Максимум предосторожности.

Они растолкали ее отца.

— Встать, быстро!

Двое подхватили под руки девушку и вывели из камеры. Двое других проделали то же самое с отцом. Двое в военной форме замыкали шествие. Их вели тем же путем, что и накануне, но в обратном направлении. Нигде не останавливались до самой лаборатории. Персонал в полном составе уже находился там, работал за компьютерами, приборами, аппаратами, образующими единую систему. Когда они вошли, никто даже голову не повернул в их сторону.

Вчерашний офицер тоже был на месте.

— Доброе утро, — приветствовал он ее. — Ну как, выспалась?

Джоа пробуравила его пристальным взглядом.

Пронзила клинком взывавшей в ней злости. И вдруг услышала пронесшийся у нее в голове легким дуновением голос. Имя.

— Отлично, а вы, полковник Тревис? — с вызовом ответила офицеру.

Тот от неожиданности побледнел.

Джоа сохраняла на лице улыбку. Скрывала за ней собственное удивление. Произошла какая-то вспышка, озарение, и в мозгу молнией пронеслось имя — Ханк Тревис.

Полковник больше ничего не сказал.

— Всем приготовиться! — громко скомандовал он, плохо скрывая раздражение.

На каталку положили не Джоа, а ее отца. К его голове не стали прилаживать датчиков, но на ногах и руках защелкнули металлические браслеты. А ее поместили под какой-то стеклянный колокол.

Прежде чем девушка что-либо поняла, сверху ударил луч, мгновенно парализовавший ее. Луч света.

— Папа... — простонала она, понимая, что они собираются делать.

Полковник Тревис вернулся к тому месту, где находилась обездвиженная Джоа.

— Я задам тебе два очень простых вопроса, слышишь? Первый: как ты узнала мое имя? И второй: ты будешь сотрудничать с нами?

— На первый отвечу, что вы сами мне его сказали. А на второй — нет, не буду.

Спорить никто не стал.

— Начинайте! — приказал полковник.

Первый же разряд, который пропустили через Хулиана Мира, был такой силы и напряжения, что исторг из него вопль боли. Джоа с ужасом видела, как забилось в судорогах его тело, выгнулось дугой, несмотря на ремни.

— Садисты! — крикнула Джоа в отчаянии.

Ханк Тревис вернулся в поле ее зрения.

— Нет, мы не такие, — словно оправдывался он. — Но речь идет о вопросе чрезвычайной важности, и обстоятельства приобрели характер форс-мажора. Если тебя интересует, сколько выдержит твой старик, скажу прямо: недолго. Эти металлические контакты, подключенные к разным частям тела, способны вызвать летальный исход. Так что уж будь любезна, помоги нам, а заодно и себе.

— Не делай этого, Джоа! — крикнул отец.

— Ну так как, Джоа? — и Тревис кивнул Маку.

Только кивнул.

Новый разряд был более мощным и продолжительным.

Душераздирающий вопль Хулиана Мира слился с ее собственным криком.

— Они звездные странники! — Глаза Джоа сверкали огнем. — И никому не причинят ни боли, ни зла! Они не такие, как мы!

— Откройся нам, Джорджина, прошу тебя! — Ханк Тревис почти упирался носом в пучок света, который парализовал ее тело. — Позволь нам только побродить чуть-чуть по закоулкам твоего мозга, и все закончится буквально за считанные минуты. Тем более что сил у тебя немного. Со временем ты все равно сдашься.

— Нет! — щеки ее прочертили две дорожки слез.

— Тут же у тебя есть все, — полковник указательным пальцем правой руки чуть не стучал ей по лбу. — Информация об их мире, технологиях, о прошлом, настоящем, будущем... У тебя тут все, девочка, в этих девятых процентах мозга, которые мы не используем и не знаем, как использовать. Ты же не такая, как мы!

— Вы кончите тем, что разрушите вселенную.

— Ну же, девочка! Будь умницей!

Он поднял руку, готовый подать сигнал продолжать пытку.

— Джоа, не верь им! Заклинаю тебя мамой!

Рука опустилась. Третий разряд длился вечность.

Она уже не кричала.

Ярость пошла на спад, возмущение рассеивалось, гнетущая безысходность и отчаяние отступили. В глубине души зародилось и нарастало другое чувство. Всем ее существом с неукротимой мощью овладевала ненависть. Ненависть всеобъемлющая. В чистом виде. Неприкрытая.

Ингибитор блокировал в ней источники энергии... Световой поток обездвиживал... Но если ей хватило доли секунды, чтобы узнать имя полковника Ханка Тревиса, значит, рассуждала Джоа, она способна совершить и нечто другое, нечто большее.

Где-то оставалось окошко. И его надо было снова отыскать и распахнуть.

Девушка закрыла глаза.

Крик отца не давал сосредоточиться, но через несколько секунд он оборвался.

Девушку словно подменили. Женское начало куда-то улетучилось. Свету явилось холодное, бесчувственное создание. Безжалостное существо, готовое разрушать.

Полковник в очередной раз пытался увещевать ее, но она его не слушала. В ней, как в котле, кипела ненависть, перехлестывая через край и разливаясь вокруг, а она направляла огнедышащий поток лавы, это энергетическое продолжение себя. Телепатического посланца.

Она нашла нечто большее, нежели окошко.

Она обнаружила двери.

Проникла в систему. Внедрилась в самое сердце лаборатории.

В интегральные схемы, платы, жгуты проводов, базы данных. Она не знала ни названий, ни для чего они служили. Все это ее не интересовало. Главное — она знала, как противостоять своим недругам, как вывести их из строя.

И реализовывала свое знание на практике.

Компоненты системы начали один за другим взрываться, по мере того как из центральной вычислительной машины на них поступал телепатически сгенерированный сигнал.

Это оказалось столь просто... — как заразить компьютер вирусом.

Одержимая яростью.

Крики неслись уже со всех сторон, и кричал не ее отец. В разноголосице поднявшегося ора звучал крещендо весь букет чувств и проявлений, вызываемых столпотворением: недоумение, озабоченность, растерянность, тревога и паника.

— Вырубить ток!

— Берегись!

— Она атаковала систему!

Дело было сделано. Результаты его — необратимы. Никто уже не мог ничего изменить. Спустя несколько секунд, из чувства самосохранения, Джоа открыла глаза и то, что увидела, иным словом как паника, назвать было невозможно. Все сотрудники в зеленых халатах суматошно носились туда-сюда. Одни пытались обесточить питание основных элементов системы, другие — гасить из огнетушителей пробивавшиеся там и сям язычки пламени. В лабораторию ворвались люди в военной форме.

В центре всех событий — полковник Тревис.

— Не дайте им скрыться!

Его приказ запоздал буквально на секунду.

Световой пучок, который парализовал ее тело, внезапно погас.

Джоа выскользнула из-под стеклянного колокола. К ней на перехват побежали два солдата.

Она помнила, как взглядом отвела в сторону оружие в руке Николаса Майорала, а его самого послала в нокаут. Сейчас ей не доставало энергии, чтобы совершить что-то подобное, но зато имелась в распоряжении телепатия.

Джоа проникла в умы двух бравых вояк, нащупала таившиеся там страхи и комплексы, разбудила их.

Оба встали как вкопанные, схватились руками за головы и упали.

Ханк Тревис оцепенело наблюдал эту картину.

Во взгляде Джоа, как, впрочем, и в ней самой, оцепенение полностью отсутствовало. Она действовала как машина, живая машина.

Руки полковника тоже поднялись к голове...

— Джоа!

Встревоженная, она обернулась на голос отца. Благо на нее уже никто не обращал внимания, поскольку пожар распространялся по помещению со стремительной скоростью. Вся лаборатория с минуты на минуту могла взлететь на воздух.

Следовало подумать о безопасности и спасении.

Джоа бросилась к отцу, освободила его от оков и помогла встать. Хулиан Мир не понимал, что творится кругом, но сознавал — вся эта катавасия из-за его дочери. После трех мощных электрических разрядов у него страшно болело все тело, подгибались колени, и он с трудом держался на ногах. Дочь поддерживала отца.

— Папа, мы должны бежать!

— Куда?

— Не отставай от меня!

Перед тем как они выбежали из лаборатории, зрительная память запечатлела изображение: в охваченном огнем помещении, где вот-вот грянет жуткий взрыв, полковник Тревис, беспомощно распростертый на полу, созерцал бегство своих пленников и ни черта не мог ни понять, ни поделать.

Они выбежали наружу.

Над головами ревела сирена. Громко, натужно, пронзительно. Джоа огляделась. Строение, откуда они выбрались, пряталось в каменистых складках рельефа местности. Позади — поросшие деревьями холмы. А прямо передними — довольно длинный и тоже всхолмленный спуск к морю.

В отдалении — мачта с развевающимся на ветру американским флагом.

— Сюда! — потянула она за собой отца.

— Нам от них не скрыться! — Хулиан Мир словно настраивал себя на поражение. — Они все равно нас поймают!

— Почему ты сомневаешься во мне? — В улыбке Джоа сквозил легкий укор.

Земля дрогнула от мощного взрыва, разнесшего в прах ту часть здания, в которой они только что находились.

Отец и дочь побежали к воде.

Сирены рвали воздух. По нескольким дорогам справа от них в зону взрыва спешили бригады служб экстренного реагирования. Пожарные машины, кареты «скорой помощи», армейские джипы с солдатами... До беглецов, похоже, никому не было дела.

Еще дальше, на противоположной стороне залива, находилась взлетно-посадочная полоса аэродрома. С боковой стоянки в небо взмыл вертолет. Джоа насчитала около дюжины летательных аппаратов, в том числе два транспортных самолета и один боевой.

Вертолет, облетев руины, заложил резкий крен вправо и двинулся в их направлении.

Стрекот лопастей угрожающе нарастал.

Обнаружив их, пилот наверняка сразу же вызовет группу захвата.

Преодолевая небольшое возвышение, Хулиан Мир то и дело останавливался передохнуть. Вертолет снизился на некотором расстоянии от них и продолжал лететь параллельным курсом, едва не касаясь земли.

Впереди виднелось море, справа — разрезавшая надвое берег большая бухта. У девушки возникло ощущение, что она знает, где они находятся, но проверить свои соображения и поделиться ими с отцом она не успела.

Джоа встретила глазами с солдатом, целившимся в них из вертолета.

Прозвучал характерный сухой хлопок.

Телепатия тут была бессильна. Джоа поняла, что пуля предназначалась не ей. Смертоносный кусочек свинца неумолимо приближался к груди ее отца.

Она видела его полет словно в замедленной съемке.

Утреннюю инъекцию ингибитора энергии ей сделать не успели. Действует ли еще вчерашняя доза, Джоа было неизвестно, и времени на размышления у нее не было. Одно она знала наверняка — прицельный выстрел ранит или убьет ее отца.

Она продолжала следить за полетом пули.

Занесла вверх руку...

И резким парирующим движением отбила ее в полуметре от отца.

Когда пуля упала у их ног, течение времени восстановилось.

Девушка снова подняла руку и, будто отгоняя назойливую муху, отбросила винтокрылую машину на десяток метров, отчего вертолет кувырнулся в воздухе и грохнулся боком на каменистую землю, отстреливаясь лопастями. Упав вертолет с большей высоты, он бы наверняка разбился вдребезги, хотя надо отдать должное умелым действиям пилота. Члены экипажа успели покинуть машину до того, как ее охватило пламя.

Минуты через три они добрались до кромки воды.

— Что дальше? — Хулиан Мир с трудом переводил дыхание.

— Скорее туда!

Метрах в ста слева от них на воде покачивалась моторная лодка, привязанная к торчавшему из воды столбику. Но Джоа не была уверена, что отцу удастся до нее добраться:

— Папочка, пожалуйста, идем. Ты должен мне верить.

Хулиан Мир вымученно улыбнулся в ответ.

Вода не доходила до пояса, и они почти без труда достигли лодки. Джоа помогла отцу перелезть через борт. Из-за скалы справа, словно выросшей из зеркальной глади воды, показались первые солдаты.

Девушка дернула шнур стартера, двигатель зафыркал, и, развернув посудину носом к открытому морю и придав ей ускорение толчком, она перемахнула через борт.

Лодка набрала скорость и изящно заскользила по воде.

Солдаты рассыпались по берегу, занимая позиции для ведения огня.

Но стрельбу им открыть не удалось.

Они не могли взять в толк, почему стволы винтовок сами собой задрались вверх, а вернуть их в горизонтальное положение никак не удавалось.

Их не преследовали ни с воздуха, ни по воде.

Вероятно, они полагают, что беглецам далеко не уйти.

И действительно, за пределами бухты море вовсе не выглядело спокойным. Утлая моторка была явно предназначена только для внутренних акваторий. Волнение между тем усиливалось.

Вдали был хорошо виден столб густого черного дыма высотой в десятки метров.

— Надо возвращаться к берегу, — приняла решение Джоа.

— К чему вообще тогда было бежать? Они схватят нас и снова упекут, и никакие твои способности не помогут.

Хулиан Мир явно недооценивал свою дочь.

— Папа, мы были на военном объекте. А если доберемся до деревушки или какого-нибудь города — мы спасены.

— Почему? Мы наверняка в Соединенных Штатах Америки, скорее всего, во Флориде. Нас арестуют, обвинят в чем им только заблагорассудится, и готово.

— До этого не дойдет, если нам удастся рассказать обо всем как можно большему числу людей.

— Ты же видишь — они не торопятся нас ловить. Прекрасно понимают, что нам не скрыться.

Джоа не стала возражать.

Она все более убеждалась в правильности своего предположения, но не спешила делиться им с отцом.

Она взяла курс на запад, оставляя берег по правому борту.

В пределах видимости — ни души.

Как же тянется время...

— Смотри, поселок!

Джоа направила катер к населенному пункту. Бухта, из которой они вышли, и столб черного дыма находились теперь справа. Лишь бы горючего хватило...

Берег приближался, уже можно было разглядеть дома, лодки и баркасы, пришвартованные к пирсу в небольшом заливчике. Пристань спокойствия у дьявольского логова.

Ступив на землю, отец и дочь подошли к мужчине, который сидел на каменном парапете, изъеденном солью и волнами. Его обветренное лицо полускрывал козырек бейсболки с эмблемой «Нью-Йорк Янкиз», на застиранной футболке угадывался лейбл «Найк». Увидев на беглецах голубые казенные робы, человек молча ждал, что будет дальше.

— Вы говорите по-испански? — спросила Джоа на испанском.

— Как это, говорю ли я по-испански? — Вопрос привел мужчину в замешательство. — Естественно, девушка, а по-каковски же еще?

— Где все-таки мы находимся? — не выдержал Хулиан Мир.

— Ты что, товарищ?! — Мелодика языка, произношение, интонация и, конечно, обращение — окончательно развеяли сомнения и вызвали на лице Джоа радостную улыбку. — Шутишь, что ли?

— Папа, мы на Кубе, — упредила Джоа незнакомца. — И только что нам удалось бежать из Гуантанамо.

С той стороны залива раздался очередной взрыв.

— Это вы, что ли, устроили салют на базе у янки? — Глаза кубинца светились революционным счастьем.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Они

(19—23 декабря 2012 года)

Выйдя в зал прилета международных авиалиний аэропорта Канкуна, она с волнением искала его взглядом среди встречавших.

— Джоа!

Сумка с вещами, купленными в Гаване, выскользнула из рук, и девушка бросилась Давиду на шею.

Они забылись в долгом поцелуе.

Хулиан Мир стоял поодаль и наблюдал за ними.

— Ой... — Заметив его заинтересованный взгляд, Джоа отпрянула от Давида и представила их друг другу.

— Спасибо, что ты так помог ей, сынок, — от всей души поблагодарил Хулиан Мир.

— Помог? — Давид не скрывал удивления. — Да нет, сеньор, скорее, это она спасла мне жизнь.

— Не говори мне «сеньор», давай-ка лучше будем на «ты».

— Хорошо, — согласился юноша. — Как прошел перелет?

— Так себе, — поморщилась Джоа. — Болтало, шел дождь...

— Здесь тоже льет как из ведра.

И правда, аэропорт окружала непроницаемая водяная завеса. Ливень сопровождался шквалистым ветром, вырывавшим из рук отважившихся выйти на улицу смельчаков зонты.

— Полагаю, вы уже в курсе? По прогнозам, на побережье Юкатана ураган обрушится послезавтра, то есть 21 декабря. Синоптики пока не уверены, пойдет ли торнадо дальше над сушей или нет. В это время года ураганы, да еще такие сильные, — явление небывалое, их сезон заканчивается самое позднее в ноябре. Смерч идет прямо на нас. Люди боятся, что природа сошла с ума...

— А не могут этого сделать *они*? Вызвать ураган?

— Если это не совпадение, значит, они не желают, чтобы к моменту их прибытия кто бы то ни было здесь находился, — заметил Хулиан Мир. — А если это так, каким образом нам удастся остаться и проникнуть на территорию комплекса?

— Мы аккредитованы тут как ученые. По официальной версии, наша группа занимается изучением ураганов, — пояснил Давид. —

Поэтому никто не может ни попросить нас покинуть регион, ни эвакуировать отсюда принудительно.

— Каково расчетное время прохождения глаза урагана над Чичен-Итцей?

— В полночь с 21 на 22 декабря, — ответил Давид.

Все это явно не было простым совпадением... Но пора было выбираться из аэропорта. Из-за плохой погоды люди не спешили покидать терминал, и в холле образовалась толчея. Когда они направились к выходу, вслед, развернувшись веером, двинулись трое парней.

— Не беспокойтесь, это тоже хранители, — сказал Давид, когда они укрылись под навесом, протянувшимся вдоль фасада здания. — Еще четыре человека в машине сопровождения. — Он кивком указал на автомобильную стоянку. — Давайте не будем выходить из-под навеса, иначе промокнем до нитки.

Там, где обычно толпились, предлагая свои услуги, представители туркомпаний и бюро путешествий, было непривычно пусто. Люди сейчас больше интересовались не тем, как устроиться в Канкуне, а как отсюда выбраться. В любую минуту аэропорт могли закрыть из-за нелетной погоды.

Пока Джоа с отцом находились в Гаване, ожидая новых паспортов, они с беспокойством следили за метеосводками, опасаясь, как бы погода не нарушила их планы. Неожиданное появление профессора Хулиана Мира на Кубе привлекло внимание СМИ, многократно усиленное его отказом комментировать свое исчезновение.

— Когда ты позвонила мне из посольства Испании в Гаване... я ушам не поверил, — с волнением в голосе произнес Давид. — Я ведь думал, что больше не увижу тебя никогда.

Джоа сжала его ладонь. Хотя в последние дни она только о нем и говорила, открывая отцу свои чувства к Давиду, сейчас присутствие родителя смущало ее. Приходилось себя контролировать.

— Да, это трудно представить! Сначала база в Гуантанамо, потом мы без документов, денег, одежды оказались на территории Кубы... И нам еще повезло. Не будь папа известным человеком, нам бы не удалось хоть чего-то добиться за такой короткий срок. И еще эта

шумиха в прессе — почему мы не возвращаемся в Испанию, а отбываем в неизвестном направлении...

— Газеты пишут, что на военно-морской базе Соединенных Штатов Америки в Гуантанамо произошел несчастный случай, — усмехнулся Давид.

— Если бы нас держали далеко от моря, бежать было бы невозможно.

— Что ты сделала?

— Ты не поверишь. — Джоа опустила голову.

— Она атаковала их информационно-компьютерную систему. Попросту взорвала, — ответил за нее Хулиан Мир.

Давид действительно был поражен и горел нетерпением узнать подробности, но на то, чтобы удовлетворить его любопытство, времени уже не оставалось. Около них затормозил микроавтобус, и боковая дверца сдвинулась, открывая вход в салон. Давид загрузил сумки, вошел сам и помог подняться на высокую ступеньку Джоа и ее отцу. Трое хранителей влезли в автобус последними. Машина тронулась к выезду с территории аэропорта. Сзади, как прилепленный, шел еще один фургончик.

— Это Карлос, Марио и Анастасио, — представил коллег Давид. — За рулем Теодоро. С ребятами, которые в машине сзади, познакомлю потом.

— Куда мы едем? — спросил Хулиан Мир.

— В Чичен-Итцу, разумеется. Чем раньше мы там будем, тем лучше. Если повысят степень штормового предупреждения, не исключено, что перекроют дороги, и тогда прощай все надежды добраться до руин. Если же мы прорвемся, оттуда нас уже никакой силой не выгнать. И еще одно...

— Что? — Джоа видела, что Давиду трудно решиться произнести это.

Давид окинул отца и дочь взглядом.

— Все дочери бури в течение последних трех дней покинули свои дома и исчезли.

— Как это... исчезли? — запнувшись, промолвила Джоа.

— Бесследно. Никто не знает, где они, даже хранители. Будто испарились.

— Они едут сюда, — предположил Хулиан Мир.

— Мы почти в этом уверены, — кивнул Давид. — Особенно, после того как я обнаружил вот это.

Он опустил руку в карман куртки и что-то достал. Когда он разжал пальцы, в ладони у него лежал камень, который бабушка подарила Джоа. Тот самый кристалл, с которым нашли ее мать. Только он был уже не красным, а зеленым.

— Три дня назад, в день вашего бегства из Гуантанамо, — Давид протянул камень Джоа, — около полудня, когда, боясь сойти с ума, я решил разобрать твои вещи, я обнаружил его таким. Я не сказал тебе раньше, потому что не знал, что это могло означать.

— А теперь?

— Думаю, кристалл служит чем-то вроде пейджера или будильника.

— Прохождение глаза урагана над Чичен-Итцей, конец эры Пятого Солнца, сбор дочерей бури через 15 тысяч дней после их появления на свет... — Джоа все больше волновалась. — Все сходится! Они возвращаются! — Девушка побледнела и воскликнула: — Мамочка!

Глаза Хулиана Мира заблестели.

— Папочка, скажи что-нибудь, ну, пожалуйста! — Джоа схватила отца за руки.

— Как знать, а вдруг ничего не произойдет, вдруг ее здесь уже нет, и они забрали ее с собой...

— Папа, это — встреча! Мама обязательно там будет!

— Мы не знаем, какие у них цели, Джоа.

— Да какими бы ни были их цели, они не причинят нам вреда, не станут вмешиваться в нашу жизнь! Я это знаю! Я чувствую!

Все взгляды были устремлены на Джоа, связующее звено между мирами.

— Я тоже в этом уверен, — поддержал ее Давид, нежно обнимая девушку за плечи. — И они. — Он обвел взглядом остальных хранителей.

— Папа, ты тоже так думаешь?

Глубоко вздохнув, Хулиан Мир утвердительно кивнул.

— Конечно, доченька. Но после всего, что произошло в последние дни...

— Папа, ты должен верить. Не в меня и не в себя. В маму. Она придет. Обязательно придет. Я тебе обещаю! — страстно убеждала отца Джоа.

Машина набирала скорость. Водитель давил на газ, несмотря на дождь и шквалистый ветер. Но, к счастью, по их стороне шоссе движение почти отсутствовало. В противоположном направлении шел нескончаемый плотный поток, движение которого затормаживали обгонявшие друг друга на подъеме длинные многотонные фуры. Это было похоже на паническое бегство. Шоссе, по которому они двигались, связывало Канкун, штат Кинтана-Роо, с внутренними районами полуострова, поделенными между тремя штатами. Вскоре они должны были въехать в штат Юкатан.

Неожиданно Джоа вспомнила о других участниках этой истории.

— Судьи проявлялись?

Ответ ее не успокоил:

— Точной информацией мы не располагаем, но уверены: они что-то готовят. Именно поэтому мы мобилизовали значительные силы хранителей.

— Значит... мы на тропе войны, — подвела итог Джоа.

Отели, продолжавшие работать, пустовали. Хранители поселились в «Вильяс Аркеолохикас», и не только из скромности, но и потому, что вокруг этой гостиницы можно было создать защитную зону из микроавтобусов и внедорожников. Хранители заняли номера по соседству с Джоа и ее отцом. Устроившись в отеле, Джоа и Хулиан Мир пошли знакомиться с хранителями из Мексики, Колумбии, Панамы, Соединенных Штатов Америки и Испании, приехавшими на место раньше. Среди них были воистину ветераны движения, десятки лет прослужившие своему делу. Не все хранители добрались до Юкатана, а судя по погодным условиям, кому-то из них это могло и вовсе не удалиться.

Отца и дочь ни на миг не оставляли одних. Только перед самым ужином они на несколько минут поднялись к себе в номер. В окна хлестал ливень. Потоки воды то и дело резко меняли угол наклона под мощными порывами ветра, дувшего все сильнее. Стихия разыгралась не на шутку. Хорошо, что не начались перебои с электричеством.

Хулиан Мир заключил дочь в объятия. Внимательно посмотрев Джоа в глаза, он наконец произнес:

— Давид хороший парень. Он мне по душе. Я в твою мать влюбился с первого взгляда. Джоа, ты у меня замечательная. И я отлично понимаю его. И тебя тоже понимаю.

— Спасибо.

— Знаешь, когда я увидел вас вместе, только тогда осознал, какой же одинокой ты была все это время. Иногда мы настолько теряем разум, что перестаем отдавать себе отчет в том, что в мире есть многое, ради чего стоит жить и бороться. А мой мир — это твоя мать и ты.

— Когда все закончится... Не знаю даже, как все у нас будет дальше... Папа, во мне иногда будто просыпается чудовище. Как тогда, в Гуантанамо...

— Тобой двигал гнев.

— Нет, папа! Мною владела ненависть. Мне хотелось... изничтожить их, понимаешь? Ненависть была во мне ключом,

ненависть без тени жалости или сочувствия. Не хотелось бы, чтобы такое повторилось снова, потому что ничего более ужасного, горького и саморазрушительного я никогда не испытывала.

— Любовь вселяет в нас мир, Джоа.

— Но должна ли я быть столь эгоистичной и ради собственного умиротворения связать Давида обязательствами, обрекая его на неопределенное будущее?

— Почему ты не хочешь позволить ему решить это самому?

— Потому что он влюблен в меня, и это мешает ему мыслить рационально. Со мной сейчас происходит то же самое.

— Можно я дам тебе совет? Слушай всегда свое сердце и поступай каждый день так, как оно велит. Жизнь — в повседневном. И строить планы на далекое будущее — дело почти никчемное.

— *Carpe diem.*

— Совершенно верно.

— А в нынешних условиях тем более верно, да? Папа, ты веришь, что через два дня может завершиться этап в существовании человечества, что мы вступим в фазу обновления, которая приведет нас к цивилизации более высокого уровня?

— Кто знает, наша биологическая и духовная эволюция предопределены свыше или жизнь — что-то вроде бесконечного несчастного случая, и развитие обусловлено нашими собственными успехами и неудачами... Но есть вопрос, который сейчас очень сильно меня волнует. Никто не говорит, но я знаю, он у всех сидит в голове.

— О чем ты, папа?

— О тебе.

— Я не понимаю.

— Да нет, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. — В голосе его звучала глубокая печаль. — Замечала ли ты в эти дни какие-то изменения в себе?

— Что ты имеешь в виду?

— Все дочери бури соберутся здесь, потому что это предписывалось им изначально, с момента прибытия к нам. И сейчас их позвали, дали сигнал. А если все так, как мы предполагаем, ты будешь представлять свою мать, будешь вместо нее.

— Думаю, тут ты ошибаешься. О том же самом мне намекал Давид, когда мы только познакомились. Уверяю тебя, если б я

унаследовала на сто процентов все то, чем и кем была мама, то знала бы об этом. От нее во мне половина, а другая половина — твоя, папочка. Я принадлежу роду человеческому, сколь бы велики ни были дарования, ниспосланные мне из другого мира.

— Сегодня ты сказала, что мама будет там. Я надеюсь, что так и будет, и это наполняет меня страхом.

— Почему?

— Сначала целью моей жизни было любить ее. Потом — искать. А какая теперь может быть цель? Только обрести ее вновь.

— И чего же ты боишься?

— Вдруг она придет только для того, чтобы окончательно попрощаться?

— Она знает, что ты будешь там. И что на протяжении всех этих лет ты искал ее. И сейчас мы здесь именно поэтому. Мне думается, время во вселенной не измеряется везде одинаково. Земное ощущение времени, наши представления о жизни и смерти должны отличаться от того, как воспринимают течение времени они.

— Почему же она ушла? — продолжал Хулиан Мир мучить себя сомнениями.

— Тогда ее забрали. Если бы она осталась, события развивались бы иначе. И они ее забрали, у них имелись на то причины. Возможно, потому что она влюбилась, и у нее появился ребенок, как и у тех двух дочерей бури, которые тоже родили девочек.

— Высокая цена.

— Она подарила мне жизнь, папа.

— Иногда мне казалось, что она ангел. А ты — ее воплощение, дочка. И ее упование.

Он снова обнял дочь.

Упование.

А та ненависть, которую она чувствовала в Гуантанамо? Таким было ее воплощение? И упование...

— Мы должны верить, иначе наша жизнь становится бессмысленной, — прошептала Джоа, ощущая на плечах тяжесть отцовских рук, ласку, которой ей так недоставало прежде.

Они с Давидом были одни... Все, что происходило за стенами их комнаты, — потеряло сейчас всякое значение.

Он ей так нужен...

Carpe diem.

Прервав на мгновение сладостный поцелуй, они не могли насмотреться друг на друга. Каждое нежное прикосновение воспринималось теперь по-новому. Каждый поцелуй — как самый первый. Они тонули в водовороте этого восхитительного состояния, пребывали в смятении и неге, словно в чудесном сне — и, наверное, как и для всех влюбленных, жизнь для них разделилась на ту, что была до, и ту, что начнется после. Столь упоительно хорошо им никогда еще не было.

— Я никогда не прощу им, что тогда, в Паленке, они помешали нам, лишили такого блаженства, — прошептал Давид и снова принялся страстно целовать ее, лаская плечи, шею, грудь. Джоа в истоме откинулась на спину и потянула его к себе. Тело ее трепетало. Они стали единым целым, слились неразрывно... Исчезли сомнения, и не нужны больше были ни слова, ни взгляды. Они говорили телами.

А ветер за окном, жутко завывая и грохоча, сотрясал стены здания. Стихия играючи вырывала из земли могучие деревья. Обломанные ветви, ворохи листьев, газеты, куски сорванной кровли, обломки рекламных щитов — кружились в безумной свистопляске, подобно стаям фантастических слепых птиц.

Джоа не было дела до стихии. Она постигала великую тайну любви.

Тайну объятий мужчины и женщины.

Carpe diem.

Главные силы экспедиции выдвинулись незадолго до наступления темноты. Передовая группа прибыла на руины еще в первой половине дня на тот случай, если события вдруг начнут развиваться раньше, чем ожидалось.

Было 21 декабря.

Последние часы тянулись особенно долго. Примерно с полудня скорость ветра стала спадать. По радио передавали метеосводки и информировали о происшествиях, причиной которых стал ураган. Сообщалось о странном поведении стихии: при контакте с сушей смерч должен был разразиться тропической бурей, но этого не произошло, и он, словно по заданной траектории, продолжал двигаться в направлении Чичен-Итцы, над которой его глаз должен был оказаться около полуночи. Это был очень нетипичный ураган. Вопреки всем законам он мог зависать на одном месте и при этом не разрушался. Стержень смерча с глазом внутри окружал грозовой фронт большего диаметра, и в зоне между стенками двух тромбов тоже располагалась область относительного спокойствия. В районе этого-то «века», защищавшего глаз урагана, и находились сейчас участники экспедиции.

До археологического комплекса они дошли за несколько минут. На всех — непромокаемые плащ-накидки и дождевики с капюшонами, на ногах — сапоги. Уродливое кубическое сооружение, предназначенное для прохода добропорядочных туристов через кассу, было закрыто. Не работали и торговые киоски.

Поджидавшие у главного входа проводники из передовой группы повели всех кружным путем — через располагавшийся слева перелесок.

Петляя по тропинке, они наткнулись на хижину, притулившуюся в расселине между утесами. Из темного дверного проема на них уставились несколько пар глаз. Стоявший впереди мужчина осенил себя крестным знаменем.

Это был майя, который, увидев странную процессию в тот самый день, когда должны сбыться предсказания его пращуров, по-видимому

решил, что это и происходит.

— Добрый вечер, — улыбнувшись, приветствовала индейца Джоа.

Мужчина вновь перекрестился.

— Молния уже?.. — Он с трудом произносил слова.

Он имел в виду молнию из центра галактики, которая должна изменить его мир, дать начало новой жизни.

— Да что вы, какая молния?! — бросила на ходу Джоа.

Абориген снова совершил крестное знамение, а хранители продолжали свой путь, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться о камни и торчавшие из земли узловатые корневища деревьев, напоминавшие извивающихся змей. Из-за дождей почва разбухла, тут и там дорогу преграждали огромные лужи.

Между тем дождь прекратился как по волшебству, ветер стих.

Хулиан Мир шел одним из первых. Джоа и Давид, взявшись за руки, оказались где-то в середине процессии. На территории комплекса их встретили другие хранители, молодые и крепкие, как на подбор, ребята.

— Никогда еще мне не приходилось попадать в эпицентр урагана. Хотя по фотографиям и кадрам, которые я видела по телевизору в прогнозах погоды и даже в каком-то кино, я думала, что более или менее знаю, что там творится. — Джоа смотрела вверх, поражаясь небу и безоблачному солнцу. — Это настоящее открытие для меня.

В центре урагана царил абсолютный покой. Ни дуновения ветра, ни капли дождя. Островок хрупкого равновесия, вокруг которого в водяной завесе бесновались смертоносные вихри. Нижняя часть огромной воронки глаза урагана, представляющей гигантскую круглую трубу, поднимавшуюся вертикально, расширялась от поверхности земли к небу. Небо, обрамленное грозowymi тучами, было чистым, прозрачным и пронзительно голубым.

Наконец они вышли из чащи. Перед ними раскинулась панорама Чичен-Итцы — Площадка для игры в мяч, Храм Воинов с Чак-Моолем, Площадь тысячи колонн, пирамида...

Так называемый замок — монументальный, из серого камня, казавшийся в окутывавшем его сумеречном свечении еще более древним и благородным, как никогда поражал воображение.

Дверь к звездам.

Полсотни человек замерли, созерцая величественную пирамиду.
Время, казалось, тоже остановилось.

Джоа крепко сжала руку Давиду, а потом отпустила его и подошла к отцу.

Хулиан Мир обнял дочь за плечи.

Последние часы ожидания.

Еще ночь, а может, и следующий день.

С медлительной величавостью, как и подобает чуду, граница глаза урагана приблизилась к ним и накрыла, вобрала в себя, поместив внутрь гигантской, в километры диаметром, трубы, соединявшей небо и землю. Согласно расчетам метеорологов, эпицентр урагана должен был находиться здесь в полночь, до наступления которой оставалось еще несколько часов. Все стали стаскивать с себя плащи, накидки и капюшоны. У некоторых в руках замелькали фонарики.

Люди не могли оторвать взгляда от завораживающего зрелища вращавшейся с бешеной скоростью верхней кромки воронки.

Резко стемнело.

— Новостей нет? — поинтересовался Хулиан Мир.

— Мы сейчас внутри глухой зоны, под экранированным колпаком, невозможно поймать ни одной радиостанции. Мобильные телефоны тоже мертвы, — ответил пожилой мужчина, один из хранителей-ученых.

Джоа почувствовала, что сердце у нее начинает биться все чаще.

— Что с тобой? — заметив неладное, спросил Давид.

— Не знаю, у меня будто... вдруг иссякли силы... сели батарейки, — произнесла Джоа, часто моргая.

— Они уже близко, — слышался голос отца. — Я знаю, знаю это, — говорил он, сжимая руки в кулаки и продолжая неотрывно смотреть в простиравшееся над их головами гигантское окно.

— Сколько осталось до полуночи? — спросил кто-то.

На часы посмотрели сразу несколько человек.

— Стоят! — воскликнула черноволосая молодая женщина с короткой стрижкой, говорившая с аргентинским акцентом. — Часы остановились!

— Боже... это не просто глаз урагана, — прошептал Хулиан Мир. — Это временной пузырь!

Стрелки часов не двигались, но ход времени как будто ускорился. Тьма сгустилась, стала почти непроглядной. Свет фонарей прорезал ее плотную массу, перемещаясь рывками. Этой ночью среди руин древнего города майя, на ступенях, по которым каждое лето нисходил

Кукулькан в образе пернатого змея, шевелилось добрых полсотни кукульканов, ожидавших прибытия существ из другого мира.

— Как ты? — прошептал Давид.

— Жуткая слабость. Ноги подгибаются, — призналась Джоа и поцеловала Давида. — Я люблю тебя.

Давиду показалось, что Джоа произнесла это как прощание. С удивительным для самого себя спокойствием он ответил:

— Я тебя тоже. Все будет хорошо.

— Я должна быть вместе с отцом, — сказала Джоа и отстранилась от него.

Давиду стоило огромных сил отпустить девушку, перестать осязать ее. Джоа, с трудом передвигая ноги, добралась до отца.

— У меня ощущение, будто меня... опорожнили...

— Джоа... — Отец крепко прижал ее к себе.

Они стояли, погружившись в безмолвие. Глубокое, как бездна урагана. Неизмеримое, как его сила. И такое же бесконечное, как сама бесконечность, в которой Земля была лишь одной из крохотных песчинок галактической пыли.

Тишину ночи сухим хлопком разорвал выстрел.

Нападавших было немногим больше, чем хранителей, но, в отличие от последних, они были вооружены. И готовились стрелять на поражение.

— Не двигаться!

— Назад!

— Руки вверх! Собраться всем кучнее! Не вынуждайте нас устраивать пальбу!

Хулиан Мир загородил собой дочь. Давиду удалось перебраться поближе к нему и встать рядом. Первыми руки подняли хранители, которые находились на рубежах внешней части зоны. Никто из них не взял с собой оружия, готовясь к мирной встрече. Пятясь, они приблизились к основной группе, которая располагалась в центре эспланады, слева от лестницы на пирамиду, начинавшейся изваяниями змеиных голов.

— Судьи, — негромко сказал кто-то.

Несмотря на кромешную темень, Джоа узнала в свете фонарей Николаса Майорала. Он шествовал, опираясь на трость, в первых рядах. И без оружия. Грязную работу пусть делают другие. Луч его фонаря метался из стороны в сторону — он явно кого-то искал.

Ее.

Отыскав девушку взглядом, направился к ней. Его сопровождали телохранители с пистолетами наготове — те два головореза, которые однажды уже пытались похитить ее, и еще два типа, напоминающие персонажей плохой комедии. Один — длинный и худой, со свирепым, болезненно-серым лицом. Второй — низенький, толстый и лоснящийся.

И эти люди намеревались изменить ход истории!

Кто-то из хранителей попытался оказать сопротивление, но судьи жестоко избили зачинщика. Его распростертое тело лежало на земле, а остальные хранители, сжимая кулаки и стиснув зубы, взирали в бессилии на оцетинившихся стволами судей.

— Сеньорита Мир, — промурлыкал с притворным добродушием Николас Майораль, остановившись напротив девушки.

Джоа искала в себе ярость. Изо всех сил старалась вызвать ее у себя.

— Вот мы и встретились вновь. — Судья благочинно сплел пальцы на серебряном набалдашнике трости. — Готов побиться об заклад, вы уже не ожидали меня увидеть, или я ошибаюсь?

Где же ее ярость? Почему она вдруг утратила силы, превратилась в дрожащую от испуга беззащитную девочку?

— Вам никто не говорил, Джорджина, что мы находимся внутри так называемого пузыря? — Николас Майораль расплылся в довольной улыбке. — Вы должны были обратить внимание, что часы встали. Это не обычный ураган, как вы понимаете. Это... пролог, подготовка к главному действию, прелюдия, с позволения сказать, к их прибытию. Пришельцы блокируют все, вероятно, чтобы предотвратить любую возможность своего обнаружения. А потому, разумеется, здесь полностью отсутствуют какие бы то ни было энергетические поля. Так что вы беззащитны. Понимаете? Перед приземлением они как бы зачищают территорию. И на этот раз ваша ярость вам не поможет.

Да, так оно и было. Джоа растерялась.

— Хулиан Мир? — Судья сделал шаг в сторону и приветствовал ее отца киношно-джентльменским кивком. — Смеею заверить, весьма приятно познакомиться. Вы всегда вызывали в нас уважение.

— Николас, — длинный худой тип о чем-то хотел предупредить его.

— Спокойно, Серхио, спокойно, — Николас Майораль манерно обернулся к нему. — Необходимость торопиться уже отпала. Они знают, что проиграли. — И, глядя в глаза Хулиану Миру, добавил: — Не так ли?

Круглый человечек залепетал что-то по-французски. Никто, кроме его босса и Джоа, похоже, не понял, о чем он толковал.

Николас Майораль театрально развел руками.

— Мы не желаем вам зла. Не вы наша цель. Просто скажите: где они? Где вы их прячете?

— Их здесь нет, — с резким английским акцентом ответил по-испански один из хранителей, Лестер.

— Это я и сам вижу. Потому-то и спрашиваю, где вы их держите.

— Мы потеряли их след.

— Что-что? — Майораль притворился, что не расслышал.

— Женщины исчезли, все до одной. И вам это должно быть известно не хуже, чем нам.

— Исчезли из своих домов, да, это так. Но дочери бури здесь.

— Вот и ищи их сам.

Николас Майораль подал знак тросточкой. Один из головорезов в три прыжка очутился возле Лестера и рукояткой пистолета ударил его в лицо. В гробовой тишине послышался хруст сломанной челюсти и глухой звук упавшего тела.

— Животное! — гневно крикнула Джоа.

— Сеньорита Мир, не испытывайте судьбу. — Николас Майораль сделал шаг вперед и встал менее чем в метре от нее. — Вы мне симпатичны, поверьте. Вы — самый чистый и невинный персонаж всей этой божественной комедии. Очень плохо, однако, просто прискорбно, что вы до сих пор не определились, на чьей вы стороне.

— Я определилась.

— Вам хочется стать чудовищем? Пожалуйста! Но имейте в виду, что у вас была и пока еще есть возможность изменить выбор в пользу свободы...

— Свободой вы называете это? — Она обвела взглядом вооруженных судей. — Почему все диктаторы так уверены всегда, что являются единственными обладателями самого правильного, истинного понимания свободы?

Николас Майораль посмотрел на нее с жалостью.

— Когда есть дело, которому служишь, все остальное не имеет никакого значения. Мы знаем, зачем они прибывают. — Он указал на небо. — С мирными намерениями? Навестить нас, узнать, как мы тут? Помочь отеческим советом? Да не будьте же, ради бога, святой простотой!

— Не исключено, что они уже побывали здесь когда-то и что мы их потомки.

Майораль резко побагровел, выражение лица у него изменилось. Маска снисходительной ироничности слетела, уступив место гримасе безмерного презрения и холодной злобы.

— Не говорите глупостей и перестаньте оскорблять нас, очень прошу. — Его указующий перст вновь был направлен в небеса, а лицо исказила усмешка. — Их потомки? Даже если б у них и были мирные намерения, после их прихода ничто уже не останется таким, как

прежде. Мир изменится. Но мы этого не допустим. Мы им докажем, что хотим жить и что ради того, во что верим, готовы пойти на любые жертвы и погибнуть.

— Что... что вы хотите сказать?! — воскликнул Хулиан Мир.

Николас Майораль, пробуравив его взглядом, распахнул полы пиджака и продемонстрировал пояс, начиненный взрывчаткой. Остальные судьи сделали то же самое.

— Все взлетит на воздух. И мы и они.

— Вы — фанатики, интегрлисты и сумасшедшие! — Отец Джоа был в отчаянии.

Николас Майораль устал от дискуссии.

— Где дочери бури?

Ему никто не ответил.

— Себастьян, — приказал судья.

И судьи принялись избивать Лестера и еще двоих хранителей, самых пожилых, из руководящего состава группы. Другим хранителям не удалось воспрепятствовать расправе, хотя судьи пока не применяли оружие.

Давид хотел броситься на защиту товарищей, но Джоа остановила его:

— Подожди, — шепнула она.

— Чего? Чтобы нас всех здесь прихлопнули?

— Подожди, — повторила она настойчиво.

Глаза ее заблестели.

— Ты что-то чувствуешь? — спросил Давид.

— Эй вы, молчать! — гаркнул на них Николас Майораль.

Лестер не сдавался.

— Вы не сможете... уничтожить их бомбами, тупицы, — говорил он, выплевывая изо рта кровь. — Не сможете! Или вы совсем свихнулись?!

— Кроме бомб у нас еще кое-что припасено! — Судья, опираясь на свою неизменную трость, стоял теперь прямо над ним. — У нас есть вирусы, а также химическое и ядерное оружие. Половина Юкатана взлетит к чертовой бабушке, и они тоже, будь спокоен, и вот тогда у них отпадет охота прилетать еще раз, потому что будут знать, на что мы способны! Только силой добывается победа! Власть — это сила, а мы представляем власть.

Николас Майораль не желал больше слушать Лестера, и Себастьян обрушил на беднягу такой удар, что тот потерял сознание.

— Довольно болтовни! Всем приступить к поискам женщин! — крикнул Майораль.

Час спустя судьи, так и не обнаружив дочерей бури, прекратили поиски.

Они были в замешательстве, однако, судя по всему, не поменяли своих планов.

Они согнали хранителей на середину большой площадки перед замком, связали и выставили вокруг несколько человек охраны. Остальные распределились по комплексу, заняв позиции, которые позволяли контролировать любую возможную точку посадки.

Самым опытным бойцам поручили замок и обсерваторию, находившуюся в отдалении от пирамиды, — высоты, господствующие над всей территорией Чичен-Итцы; менее значительные силы разместились в храмах Чак-Мооля и Воинов на востоке, а на западе — в храме Ягуаров и на Площадке для игры в мяч.

Часы по-прежнему стояли, но все ощущали медленный и неотвратимый ход времени.

— Скажи, что ты почувствовала, — тихо спросил Давид.

— Я не могу объяснить.

— Я верю твоим предчувствиям. Во всем этом бедламе они — единственное, что имеет смысл.

— Я почувствовала надежду. Надежда — это любовь, но не всегда победа.

— Ты хочешь сказать, что... мы погибнем, что эти фанатики приведут в действие свои взрывные устройства и погубят будущее?

— Я не знаю.

— Если они все взорвут, исполнится пророчество, — рассуждал Давид. — Майя, возможно, не имели в виду всю нашу планету, они говорили только о своем мире, вот об этой земле. И не будет ни высшего разума, ни эволюции, ничего. Будет очередное смертоубийство, мало не покажется. Да и то лишь в том случае, разумеется, если не последует возмездия, и планету не разнесут на куски, или если не взорвется сам звездолет, что может вызвать природный катаклизм наподобие того, от которого вымерли динозавры.

— Заткнитесь! — прохрипел один из стороживших их судей с тупым выражением, застывшем на лице.

Во все века на земном шаре не переводились фанатики, готовые уничтожать ни в чем не повинных людей, и себя заодно. Именно такие фанатики окружали их, радостно возбужденные и полные маниакальной решимостью.

И тут крошечную мглу прорезал свет.

Он исходил с неба, из самого центра глаза урагана, находившегося над пирамидой. Упав на ее вершину и осветив девять уступов-платформ, разлился дальше по всей поверхности древнего города Чичен-Итца. Свет не ослеплял. Он был мягким и теплым.

— Это они. — Хулиан Мир поднялся на ноги.

Вслед за ним встали Джоа, Давид и остальные хранители. Никто не запрещал им двигаться с места. Внимание судей было поглощено небывалым явлением. Тишину нарушил голос — Николас Майораль возобновил командование операцией.

— Всем приготовиться!

С востока медленно и торжественно выплыл звездолет и начал снижение. Корабль имел форму тарелки и был огромным, размером с глаз урагана. На вид казался твердым, но состоял, по-видимому, из энергии: его поверхность искрилась и переливалась голубоватыми змейками электрических разрядов. Нигде не угадывалось ни малейшего намека на что-нибудь подобное люкам, иллюминаторам, швам обшивки. Единое целое — округлое и герметически замкнутое.

Возможно, это было самое прекрасное зрелище, когда-либо представавшее человеческому взору.

Джоа почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Хулиан Мир смотрел на чудо с детским восторгом.

Давид первым пришел в себя:

— Мы должны предупредить их об опасности!

— Они все знают, — прошептала Джоа и сделала шаг вперед.

В тот же самый момент в четырех точках вокруг руин, сориентированных по сторонам света, появились дочери бури.

— Вон они! — закричал один из судей.

— Откуда они взялись? Схватить всех! Не допустить их продвижения к тарелке! — кричали другие.

— Отставить, не делать этого ни в коем случае! — бросил Николас Майораль. — Пусть идут к кораблю и заходят в него. Для нас сейчас главное — получить доступ внутрь аппарата!

Джоа сделала еще шаг.

— Доченька...

— О боже! Джоа, прошу тебя, не надо! — умолял Давид.

Джоа поглядела на них с обезоруживающей улыбкой.

Происходившее напоминало феерический балет без музыки. Дочери бури словно плыли к изваяниям змеиных голов, между которыми брала начало главная лестница на пирамиду. Следом за ними суетливо, перебежками двигались судьи. Хранители, чуть в стороне, наблюдали за происходящим.

Из днища корабля, зависшего в метре над храмом на вершине пирамиды, излился еще один, более узкий луч света.

— Это дверь, там вход! — заорал Николас Майораль.

Судьи, занимавшие позиции на самом верху замка, первыми с изумлением убедились, что в корабле отсутствовало входное отверстие. Чтобы проникнуть внутрь, достаточно было, по-видимому, вступить в световой поток.

Корабль весь осветился.

Свет, как и прежде, не ослеплял. По яркости напоминал свечение большого киноэкрана. Вдруг сотни тонких красных лучиков вонзились в оружие, заготовленное судьями, сотни тонких зеленых лучиков коснулись пут, сковывавших хранителей. Голубые лучи засияли коронами над головами дочерей бури.

Оружие плавилось, и судьи бросали его, чтобы не остаться без рук. Взрывчатка таяла и испарялась. Оковы хранителей пали.

Джоа не чувствовала, есть ли у нее над головой голубое свечение. Но внутри себя слышала голос.

— Все хорошо, доченька. Я люблю тебя.

— Мама...

— Мы не выбираем форму и образ существования, которые хотим. Они предопределены нам с рождения, как родимое пятно.

— Ты вернешься?

Она боялась ответа, хотя уже знала его.

— Время еще не пришло.

— Когда же?

— Ты узнаешь.

Судьи удирали с пирамиды вниз по лестнице. Спуск был такой резкий, что двое, споткнувшись, кубарем покатались по ступеням до самой земли.

— Нет... не может быть... — Николас Майораль в бессильной ярости сжимал кулаки.

Хранители бежали к пирамиде. Над замком висела громадная светящаяся тарелка. Когда дочери бури начали восхождение по парадной лестнице, Давид принялся торопливо считать.

— Их сорок девять! — воскликнул он наконец. Значит, детей трех исчезнувших дочерей бури среди них нет.

Давид посмотрел на Джоа. Девушка едва касалась ногами земли, она словно плыла по воздуху.

— Хулиан, смотри!

Однако отец не взглянул на Джоа, его внимание было приковано к звездоплану.

Дочери бури достигли верхней площадки пирамиды. Они потеряли телесность и были будто сотканы из света. Одна за другой вступали они в световой лифт и растворялись. Мария Паула, дочь бури из Медельина, шла в числе последних.

— Мама, пожалуйста! Что мне делать?

Голос матери разлился по ней любовью.

— Ты должна остаться здесь. Это — твое место.

В световом потоке исчезла последняя, сорок девятая дочь бури.

Всё.

И тут небо над Чичен-Итцей огласил пронзительный крик, в котором звучали страдание и боль, тоска и безысходность...

— НЕТ! — и Хулиан Мир бросился к лестнице.

— Папа!

Отец Джоа споткнулся, подбегая к лестнице, потом еще раз — на первых ступенях.

Но ярость и отчаяние заставляли его подняться и двигаться к цели. У подножия пирамиды дочь почти настигла отца.

— Папа, пожалуйста!

Хулиан Мир обернулся. На лице у него не было ни слез, ни страха. Его освещала счастливая улыбка.

Их разделяли пять метров почти вертикального подъема. С нимбом корабля над головой и в лучах лившегося с неба величественного света отец представился Джоа сказочным волхвом.

Она все поняла. И в знак согласия кивнула ему, но не смогла сдержать слез. Хулиан Мир спустился на те несколько ступеней, которые отделяли его от дочери, обнял ее, торопливо расцеловал. И нежно погладив по голове, пообещал:

— Мы вернемся.

Когда к Джоа подошел Давид, ее отец уже преодолел полпути. Он забирался вверх диагональными перебежками, так быстро, как только мог. Новые силы придавала ему решимость. Целеустремленность и воля, которые любому помогают справиться с самой трудной задачей.

У стен небольшого прямоугольного храма, венчавшего собою пирамиду, путь ему преградил луч. Он словно ощупывал вновь прибывшего. Сканировал его тело и душу.

Потом Хулиану Миру открыли доступ, и он растворился в недрах корабля.

— Папа, я тебя люблю... — шептала Джоа.

— Как... они берут Хулиана с собой? — Давид не верил глазам.

— Мама настояла. — Девушка оперлась на руку своего спутника.

Световой поток, служивший входом в корабль, погас. Затем перестала светиться сама тарелка, оторвалась от пирамиды и начала набирать высоту. Зрелище было столь же завораживающим, как и в момент ее появления.

Для судей это было поражением. Для хранителей — самым счастливым днем в жизни, хотя первый контакт получился совсем не таким, о каком они мечтали.

Давид обнял Джоа.

— Со мной все хорошо, — успокоила она его.

Шли часы. Но им казалось — минуты. Корабль вознесся над глазом урагана и продолжал подниматься, постепенно уменьшаясь, пока не превратился в точку, исчезающую в бесконечности. И в тот же миг откуда-то вынырнули два самолета, низко пролетели над ними и исчезли — пилоты поняли, что их присутствие уже не имело смысла. Джоа знала: боевые машины принадлежали ВВС США. Перед глазами всплыл образ полковника Ханка Тревиса.

Стоило звездолету скрыться из вида, как ураган мгновенно стих, словно его и не было, и в безмятежном небе засияло прекрасное, чистое полуденное солнце. Стрелки на часах вновь стали двигаться, а на тех, где имелся календарь, установилась дата — 23 декабря.

Более полутора суток спрессовались в мимолетный отрезок времени.

Эпилог

(Ночь перед Рождеством 2012 года, Майянская ривьера)

Кристалл, лежащий на ладони Джоа, снова был красным.

— Это ведь ты им сообщил, правда? — произнесла она тихо.

Она положила кристалл на тумбочку рядом с часами и газетой и повернулась к Давиду.

Их тела, еще влажные, перламутрово светились в полумраке.

— Как там будет моему отцу?

— Он же со своей любимой, и это — главное, а где они находятся — уже не имеет значения.

— Я себе представить не могу другой мир, на противоположном конце галактики или даже вселенной!

Их пальцы переплетались, плотно смыкались, размыкались, захватывали друг друга. С деликатным усилием освободившись из взаимного плена, кончики пальцев нежно кружили по ладоням, запястьям, скользили выше... У них это стало обрядом.

— Я люблю тебя, — прошептал Давид.

Джоа не ответила. Давида что-то тревожило:

— Я не знаю, что будет дальше.

— Давай сначала проживем эти две недели. — Она пожала плечами.

— Джоа...

Он поцеловал ее руку и прижал к своей щеке.

— Ты вернешься домой?

— Нет.

— Почему?

— Потому что все будет уже не так, как прежде.

— Но ты будешь не одна.

— Я знаю, что в Барселоне со мной будешь ты. Но тут... дело... во мне.

— Никто ничего о тебе не знает. Судьи долго еще будут приходить в себя, а хранителям некого теперь опекать.

— Разве?

— Ты имеешь в виду себя и оставшихся двух девушек?

— Да, и в первую очередь — именно их. Ничего не закончилось, и ты об этом знаешь. — Джоа старалась сгладить свою категоричность мягкостью тона. — Я остаюсь тем, кто я есть.

— Кем же?

— Станным созданием, представляющим особый интерес для одних, опасность — для других и вызывающим любопытство у большинства...

— Никто не причинит тебе вреда.

— Те же американцы могут снова попытаться меня похитить. Или кто-нибудь из судей, окончательно сбрендив, решит, что я не заслуживаю права находиться среди людей. Я не желаю жить в страхе, Давид. Не выдержу этого. Ты думаешь, если я вернусь в Барселону, у меня там будет нормальная жизнь? Я не смогу оглядываться после каждого шага или, того хуже, все время заглядывать под кровать. Да, рутина меня расслабит, а постоянное напряжение — сведет с ума.

— Значит, следует взять тебя снова под нашу опеку. Хранители продолжают свое дело, оберегая вас троих, хотя мы пока и не знаем, где находятся другие девушки.

— И так всю жизнь?

— Я готов.

— Милый, я не могу связывать тебя такими обязательствами.

— Не говори так, — помрачнел Давид. — Связывать обязательствами? Ты так это называешь?

— Мы будем видеться, когда ты захочешь или когда это будет нужно нам обоим, и каждая наша встреча будет чудом, каждый проведенный вместе день — блаженством, неделя — вечностью. Весь мир в нашем распоряжении, а современные технологии помогут нам быть в постоянном контакте.

— Но это же совершенно другое дело.

— Тем не менее, Давид, должно быть именно так. Иначе ничего не получится. Или я — не я.

— Мы...

— Мы должны, и может быть только так, а не иначе, — перебила она его.

— Я хочу другого.

— Мы должны! — Джоа начинала терять терпение.

— У тебя нет финансовых проблем, ты можешь жить на два, три или больше домов, переезжая из города в город и перелетая с континента на континент, но я-то — простой преподаватель, и хотя у нас есть фонд, я не могу в личных целях его использовать.

— Зачем ты так? У тебя всегда будет авиабилет, стоит тебе только пожелать. Не все пары живут под одной крышей.

— Как ты можешь быть такой... сильной?

— Я вовсе не сильная! — Голос ее дрогнул, рука нежно коснулась щеки Давида. — Но таковы обстоятельства. И я должна учитывать их, и ты — тоже, хочешь ты этого или нет. Время от времени я буду приезжать в Барселону, потому что там мой дом, но ни там, ни в каком другом месте я не смогу оставаться надолго.

— Ты будешь искать родителей?

— Я буду искать возможность если не добраться до них, то, по крайней мере, чтобы они услышали меня. Если отец смог вновь обрести маму, я тоже смогу. Нужно только время и терпение, чтобы отыскать их. Отец часто повторял мне: в мире все взаимосвязано. Античность, древний мир — это не только отжившее прошлое, это — система указательных знаков, установленных во многих регионах, на обширных территориях нашей планеты. Они продолжают действовать, но значение многих утрачено, и его требуется восстановить, ездить по миру и открывать заново. Пирамиды в Египте, Петра в Иордании, Ангкор в Камбодже, памятники других культур здесь, в Мексике... Я не смогу жить на одном месте, меня не оставят в покое — либо кто-нибудь попытается использовать меня во вред другим, либо вредить и причинять боль будут мне. У меня нет другого выхода, Давид. Так что я займусь этим, а заодно постараюсь познать саму себя — кто я, какими способностями обладаю. То, чем я собираюсь заняться, — тоже важное и ответственное дело.

— Но ты же говорила, что они вернутся... — Давид почти сдался, но все еще надеялся и, придвинувшись к Джоа совсем близко, так, что их тела соприкасались, заглянул ей в глаза.

— Родители вернутся. Придет день — и обязательно вернутся. Да, можно набраться терпения и ждать, но я, повторяю тебе, не смогу смириться и сидеть сложа руки. Как отец искал маму, не зная ни дня,

ни минуты покоя, так и я отныне буду искать возможность приблизить день нашей встречи.

— Где-то я вычитал, что Эйфелева башня в Париже является антенной, при помощи которой инопланетяне осуществляют за нами наблюдение.

— Звучит неправдоподобно.

— Так же, как искать канал связи или, как ты говоришь, возможность, чтобы они тебя услышали...

Запиликал мобильный телефон Давида. Качество сигнала было, очевидно, не самым лучшим. Давид почти кричал в трубку и беспрестанно двигался по номеру, чтобы найти место, где слышимость была бы более или менее устойчивой. Наконец ему пришлось выйти на террасу.

Джоа смотрела на его силуэт и на закат за ним. Она знала, что это всего лишь короткая передышка. Впереди был трудный путь.

Утренние газеты писали о небывалом природном феномене — как ураган бесследно рассеялся, когда его глаз достиг Чичен-Итцы. Объяснений не было ни с точки зрения физики, ни метеорологии. Единственная версия, имевшая в основе хоть какие-то факты, была слишком фантастична, чтобы в нее поверить. Речь шла о пророчествах древних майя, о предсказанном ими конце света в двадцатых числах декабря 2012 года.

Но мир не рухнул, свет не угас. Человечество не вступило в новую эру, в более высокую фазу развития цивилизации. Или оно просто пока об этом не знало?

Джоа приподнялась и села на постели, всматриваясь в свое отражение в зеркале, висевшем на стене.

Она ощущала себя частью человечества.

И чувствовала, что изменилась.

Наступило Шестое Солнце — новая эра по календарю майя.

Девушка взяла с прикроватной тумбочки газету. Ни слова о пришельцах, ни намек на инопланетные корабли. Только об урагане. О нем и о том, что в Мексиканском заливе завершились секретные учения, в которых были задействованы силы и средства ВВС и ВМФ Соединенных Штатов Америки.

Давид все еще говорил по телефону. Сообщал, что дома будет 7 января, сразу после праздников. Впереди — две недели.

Джоа томно потянулась.

Ей предстояло открыть мир. Но даже самые великие свершения могут и подождать...

Благодарности

Моя самая искренняя благодарность — писателям, журналистам, ученым, предсказателям и просто любителям, — всем тем, кто занимается темами, связанными с майя, и кто внес свой вклад, предоставив мне факты, сведения, рисунки, планы, карты и иероглифы, которые придали достоверность этой книге.

Среди всех не могу не выделить Хавьера Ково Торреса, Хавьера Альдусина, Харри Кеттунена (Хельсинский университет), Кристофа Хельмке (Лондонский Университет колледж), Хуана Игнасио Касеса Мартина (Университет Ла-Лагуны), Йеитекпатля (*Las 13 profesnas mayas*, Ed. Mexicanos Unidos SA), Виктора Вера Кастильо, Глорию Абриль Кальво (Форум Рэйки, Мадрид), Стивена МакФаддена, Альфонсо Лопеса Боргоньоса, Джона Мейджора Дженкинса, Линду Шеле, Питера Матеуса, Дэвида Шеле.

Не могу также не выразить особую благодарность Мерлу Грину Робертсону и Джону Монтгомери (FAMSI, Фонд изучения мезоамериканских культур), равно как и Lexiquetos и многим другим сайтам в Интернете, которые помогли мне с иероглифами майя.

Спасибо также гостиницам «Шибальба» в Паленке, «Асьенда» и «Вильяс Аркеолохикас» в Чичен-Итце и «Сандос Караколь» на майянской ривьере, а также моим местным гидам, как в первом турне по штатам Табаско, Чиapas, Кампече, Юкатан и Кинтана-Роо в 1990 году, так и в ходе более недавних поездок в Мехико в 1997 году, в Халиско в 2004 и 2006 годах и на полуостров Юкатан в 2007 году.

По тематике мира учолов и использования пейота — слова благодарности Карине Мальпика, Адриану Эрреро, Хосе Луису Диасу (Мексиканская археология), Марио Сервантесу, Ари Рахсбауму Городецки, Росе Марии Селайе Наваррете (школа «Висента Сарачо») и многим анонимным авторам других материалов в сети.

И огромное спасибо Трини Торнер, которая увлекла меня магией и самобытностью учолов.

Единственной выдумкой на страницах этой книги, кроме, разумеется, самого сюжета повествования и событий декабря 2012

года, являются гробницы 25, 26 и 27 в Паленке. На самом деле их не существует.

Сбор и подготовка материалов к написанию данной книги проводились на острове Реюньон и на Маврикии, Индийский океан (октябрь 2006 года); в Гвадалахаре, Мексика (декабрь 2006 года); на полуострове Юкатан, Мексика (январь 2007 года); в Альмерии, Малаге и Гранаде, Испания (февраль 2007 года); само же произведение написано в Барселоне, Испания (февраль, март и апрель 2007 года), а переведено в Сьюдад-Кесада, тоже Испания (октябрь, ноябрь и начало декабря 2008 года).

notes

Примечания

1

Кукулькан — одно из главных божеств в мифах майя.

Пакаль Великий (603—683) — правитель царства майя.

Правитель Сипана — название гробницы высокопоставленного лица III века, обнаруженной в 1987 г. на территории Перу.

4

Касик — индейский вождь в Мексике и Центральной Америке.

5

Дюльфер — скоростной спуск по веревке на крутых и отвесных склонах.

6

Термин рапиристов, то есть, — пропустил укол.